

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ – ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Сборник статей
по итогам II Ежегодной
Социологической школы

Под редакцией проф. ф. л . Боронова

Санкт-Петербург
2012

УДК 303.1
ББК 60.5

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ – ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ: сборник статей по итогам II Ежегодной Социологической школы, под редакцией профессора Бороноева А.О. – СПб.: ООО «Северная Нива», 2012 – 287 с.

ISBN 978-5-905459-08-5

Сборник статей «Современная социологическая методология – от теории к практике» издается по итогам проведения II Ежегодной социологической школы, организованной факультетом социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

В первой части сборника представлены статьи, посвященные осмыслению роли и места России в современном гецивилизационном пространстве. Статьи во второй части отражают авторские точки зрения на широкий спектр социальных феноменов и актуальных проблем социологии.

Сборник может быть интересен социологам, представителям социального и гуманитарного знания, аспирантам, магистрантам и студентам.

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Сборник публикуется в рамках Проекта «Проведение научно-образовательного семинара «Зимняя социологическая школа» в 2012 году» (Проект СПбГУ №10.44.229.2012).

Рецензенты:

д-р соц. наук, профессор, Виноградов В.Д. (СПбГУ)
д-р философских наук, профессор, Иванов О.И. (СПбГУ)

ISBN 978-5-905459-08-5

УДК 303.1
ББК 60.5
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. РОССИЯ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА

Бочкарева В. И. Социологи о нравственной оценке цивилизационного процесса (М. А. Энгельгардт, Э. Дюркгейм).....	6
Бразевич С. С. К вопросу о формировании концепции культурной идентичности русской цивилизации Н. Я. Данилевского.....	15
Негрова М. С. Российский менталитет в условиях усложняющегося социума.....	27
Смирнов П. И., Смирнов Г. П. Человек, его права и демократия: абсолютна ли взаимосвязь этих ценностей?.....	40
Головин Н. А. Системная трансформация и поколенческая динамика в постсоветских обществах: Россия, Казахстан, Украина.....	55
Богомягкова Е. С. Глобальные социальные проблемы на аренах публичного дискурса России.....	65
Романов Р. А. О роли и функциях экстремизма в политической системе современной России (Некоторые аспекты конструкционистской интерпретации феномена политического экстремизма).....	80
Ушакова В. Г. Гендер в электоральных предпочтениях русских граждан.....	96
Савельева А. А. Отражение процессов глобализации в развитии женской периодики в России.....	123

Часть 2. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Миронов Д. В. Современные проблемы социологии: опыт осмысления и преподавания.....	132
---	-----

Островская Е. А. Традиционные религиозные идеологии в эпоху глобализации.....	147
Ломоносова М. В. Научное творчество П. А. Сорокина в контексте зарубежной истории русской социологии: традиции и проблемы преемственности.....	171
Дерюгин П. П. Тенденции развития современных транснациональных компаний: социологический анализ.....	180
Зорин Г. В. Философско-антропологические основания социологического исследования фондового рынка.....	206
Ерофеева М. А. Эволюция объяснительных моделей в концепции производства культуры.....	218
Григорьев В. И. Применение карт карно для анализа данных.....	239
Рыков Ю. Г. Интернет-коммуникация: тренд современного развития.....	251
Тезич Дж. М. «Примордиальный конструктивизм» как теоретико-методологическая основа исследования этнической идентичности	261
Кирсанова Н. П. Проблематика власти в системной теории Т. Парсонса.....	272
Самарина Е. Л. Мотивационные факторы предпринимательской деятельности Латинской америки.....	280
Информация об авторах	285

Часть 1.

РОССИЯ В ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ XXI ВЕКА

СОЦИОЛОГИ О НРАВСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА (М. А. ЭНГЕЛЬГАРТ, Э. ДЮРКГЕЙМ)

М. А. Энгельгардт (1861–1915) был первым социологом, который в работе «Прогресс как эволюция жестокости» (1899) поставил перед собой задачу «научно» исследовать такой социальный феномен как жестокость «в истории человечества, истории цивилизации».

У Энгельгардта понятие «культура» часто тождественно понятию «цивилизация» на том основании, что культура и цивилизация по своему происхождению феномены «искусственные», не природные, естественным образом не возникающие. Они являются и продуктом человеческой деятельности и регулятивным механизмом человеческого способа существования. А поскольку речь идет об искусственных феноменах, к ним применимы и оценочные критерии, как положительные («прогресс»), так и отрицательные («регресс»).

Вслед за О. Контом он рассматривал общество как целостную социальную систему во всем историческом (линейно-эволюционном) объеме развития. И, опираясь на базовое понятие позитивистской социологии «прогресс», выделил проблему нравственной (моральной) онтологии (моральных «фактов жизни») в связи с тенденциями и перспективами развития человеческой цивилизации.

Ни один исследователь, обращаясь к масштабному анализу эволюционной динамики, не может ограничиться только собственными эмпирическими исследованиями. Поэтому, считал Энгельгардт, чтобы получить достаточный для теоретического обоснования эмпирический материал, необходимо обратиться к «фактам жизни» – доступным, проверенным и обоснованным фактам конкретных наук. Возможность обобщить такие факты появилась, по Энгельгардту, только в XIX в. с развитием этнографии, антропологии, биологии, сравнительной анатомии, геологии, археологии, истории, статистики. В своем исследовании он использовал работы Г. Спенсера, историка Н. Костомарова, этнографа Н. Харузина, геолога А. Иностранцева, мореплавателя

Ж. Лаперузы, историка и этнографа Л. Моргана, натуралистов – Г. Гетчинсона, Ш. Дебьера, Д. Друммонда, Г. Бэтса и др. Он перевел с французского языка работу Ш. Дебьера «Первобытные люди. Антропологические беседы Ш. Дебьера» и с английского языка работу Г. Гетчинсона «Автобиография земли. Общедоступный очерк исторической археологии».

Этот огромный, разнообразный, доступный эмпирический материал дал ему возможность сделать вывод, что применительно «к истории человечества, истории цивилизации» парадоксальными являются понятия «человечность» в смысле отсутствия жестокости и «прогресс» – в смысле смягчения нравов. Напротив, история цивилизации «представляет из себя постепенные успехи, развитие, прогресс жестокости»¹.

[Н. К. Михайловский назвал книгу Энгельгардта «методологически ценной», поскольку «несомненный умственный и технический прогресс заслоняет для нас изъяны цивилизации» (Михайловский 1890: 144). А П. А. Сорокин оценил ее как одну из самых оригинальных и глубоких по мысли работ в области «реалистической интерпретации социальной эволюции»²].

Энгельгардт определял жестокость как видовую черту, специфическую, общую, массовую черту человечества, «биологическое свойство *Homo sapiens*», но свойство не врожденное, «не коренное», а приобретенное человечеством в процессе его культурного/цивилизационного развития. Она – «продукт цивилизации»³. Жестокость характеризует «среднего» человека – человека «в массе», в большинстве. Она проявляется во взаимодействии, в индивидуальных и социальных практиках и выражается «в убивании и мучительстве». Терзать сознательно и «наслаждаться мучениями» – это свойство культурного человека, которое не имеет себе равных в животном мире. Эта видовая черта – жестокость «просмакованная» цивилизацией тяготеет над человечеством «как проклятье».

По Энгельгардту, только в «первобытный этап» развития человечества, «существовавший десятки тысячелетий» – время становления племен-общин и зарождения культуры, видовой чертой человека была не «деятельная жестокость, эгоизм», а «деятельный альтруизм».

¹ Энгельгардт М. А. Прогресс как эволюция жестокости. – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899а. 198 с.

² Сорокин П. А. О русской общественной мысли. – СПб.: Алетейа, 2000. 221 с.

³ Там же.

Человек не мог «дебютировать» в истории жестоким. Против внешних невзгод и опасностей человечество держалось исключительно внутренней сплоченностью, связностью, солидарностью – «деятельным альтруизмом», о чем, указывает Энгельгардт, свидетельствуют «доисторическая археология», этнографические исследования, дневники путешественников и миссионеров. Личность была подчинена клану, роду, племени, но подчинение было желательным, добровольным, и не требовало принудительной организации. Слияние, отождествление своих личных интересов, стремлений с интересами и стремлениями всех было потребностью и отдельного человека, и сообщества в целом.

Следует отметить, что и Э. Дюркгейм выделял деятельный альтруизм в качестве необходимого свойства коллективной дисциплины (самодисциплины) в первобытном обществе и особо подчеркивал, что такой альтруизм можно наблюдать «главным образом в низших обществах»⁴.

И хотя Энгельгардт не был знаком с работами Дюркгейма (его книга «О разделении общественного труда» вышла в Париже в 1893 г. и переведена на русский язык в 1900 г.) можно обнаружить у Энгельгардта и Дюркгейма сходство в оценке «цивилизационного процесса».

«Центральной установкой концепции Дюркгейма» была установка на «мораль, на моральный долг»⁵ Дюркгейм считал, что «благотворное положительное влияние цивилизации» на моральную жизнь «довольно слабое» и «совсем не доказано, что цивилизация – нравственная вещь»⁶. Моральная онтология, эмпирический материал, «моральные факты» свидетельствуют о росте «коллективной безнравственности» и «говорят не в пользу цивилизации», несмотря на прогресс науки, искусства и промышленности. Дюркгейм вообще считает, что «если проанализировать тот плохо определяемый комплекс, который называют цивилизацией, то можно обнаружить, что элементы, из которых он состоит, лишены всякого морального характера»⁷. А согласно Энгельгардту вся история цивилизационного процесса, вплоть до

⁴ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – СПб.: Изд. Н. П. Карabasникова, 1912. 541 с.

⁵ Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2002. 880 с.

⁶ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. 432 с.

⁷ Там же.

сегодняшнего дня», характеризуется понижением нравственного уровня и постепенными успехами, развитием, «прогрессом жестокости», связанной с властолюбием, мстительностью и эгоизмом.

Войны и завоевания, сопровождаемые массовыми зверствами, система пыток, издевательства, мучительных казней (в том числе и публичных казней, которые собирают толпы людей всех классов и сословий), страсть к кровавым зрелищам, религиозные и этнические чистки, истязание женщин и детей, «фабрикация» евнухов и уродов существовали в истории человеческой цивилизации повсеместно.

Жестокость, «просмакованная культурным человечеством» прогрессирует и «гармонизирует» с общим ходом развития цивилизации и принимает разнообразные, масштабные и изощренные формы. Она становится все более организованной, институционализированной и культивируется в политике, праве, воспитании и образовании, в семье, в повседневной жизни, «житейском обиходе», в межличностном, межгрупповом и межгосударственном взаимодействии. Жестокость проявляет себя и в таком социальном феномене как язык. Только у первобытных племен нет ругательств и бранных слов в языке (как нет и такого термина, а значит, и понятия, как «господин»). А в процессе цивилизационного развития человечества брань и ругань «повисли над всем земным шаром»⁸ (и презрение к человеческой жизни привело к созданию целого словаря таких терминов, как: раб, смерд, быдло, чернь, холуй, холоп, мужичье и т. д.

По «богатому репертуару мучительств» (индивидуальных и массовых) восточные цивилизации и «классический мир» (греческий и римский) далеко превзошли «малокультурные» и «полукультурные» племена (палеолитического и неолитического веков). Но и дальнейшее развитие цивилизации сопровождалось не ослаблением, а усилением жестокости, которая принимала разнообразные формы и становилась все более систематизированной, организованной и «захватывала более обширные сферы, чем в свирепых восточных и классических государствах»⁹.

Цивилизация создала «колоссальный фонд жестокости», накопленный веками, который проявляется и в разрешенных, и в запрещенных правом злодействах. Ею создан целый «разряд людей», находив-

⁸ Энгельгардт М. А. Прогресс как эволюция жестокости. — СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899а. 198 с.

⁹ Там же.

ших удовольствие в мучительстве: профессиональные палачи, разного рода начальники – любители пороков, офицеры, засекавшие солдат, рабовладельцы и помещики, истязавшие рабов и крепостных и т. д.

Обращаясь к фактам истории, Энгельгардт напоминает, что в истории человечества жестокость, коварство, злобу проявляли не одни подонки и отбросы общества. Южную Америку завоевали «витязи рыцарственной Испании», система истребления индейцев и тасманийцев была разработана «цивилизованными англичанами», в Африке никому не давали пощады голландцы и французы-гугеноты, бежавшие от «отечественных изуверов» и т. д. Объектом коллективных носителей жестокости становятся все более массовые, коллективные («обобщенные») человеческие жертвы. Так, «мусульманские и европейские нации» принесение человеческих жертв возвели в правило, «сделали из истребления неверных, травли еретиков, замучивания колдунов постоянную функцию веры». «Уже не отдельные лица при тех или других торжественных обстоятельствах – целые народы, все человечество, не признающее Магомета или Торквемады, приносятся в жертву»¹⁰.

Резкой критике Энгельгардт подверг исследование английского социолога, представителя социал-дарвинизма и антропологической школы в социологии Б. Кидда «Социальная эволюция» (СПб, 1897) за то, что его автор пытался доказать, что современная цивилизация, не в пример прежним, имеет большой «фонд альтруистических чувств», и современные наиболее культурные страны и народы проявляют «чрезвычайную чувствительность» ко всякого рода проявлениям индивидуальной и массовой жестокости, несправедливости.

По Энгельгардту, чувства не висят в воздухе, а проявляются как в межиндивидуальном взаимодействии, так и в деятельности людей в рамках институтов и учреждений. Он апеллирует к делу капитана Дрейфуса 1899 г. (год выхода книги Энгельгардта), делу, которое находилось в центре внимания практически всего мира: «Дело Дрейфуса показывает, какого сорта эта чувствительность. Культурнейшее общество забавляется медленным замучиванием невинного, «la grande nation s'amuse» (великая нация забавляется). Эта возмутительная история, быть может, ярче всякой войны свидетельствует, что современный культурный человек по натуре – палач»¹¹.

¹⁰ Энгельгардт М. А. Прогресс как эволюция жестокости. –СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899а. 198 с.

¹¹ Там же.

Что касается «современного» этапа развития цивилизации, то ему свойственно разработка не только «грубых», но и «тонких» форм жестокости. В современном мире очень часто «бьют рублем, а не дубьем, что влечет разорение, голод, смерть. Но что касается жертв, то эти жертвы никто не убивал, не морил – они сами умерли»¹².

Типичными чертами современного «среднего человека» («человека в массе») являются деятельный эгоизм, ханжество, лицемерие, властолюбие, мстительность. Этот человек одновременно и «сентиментальный тигр», и «бездушная моральная деревяшка», для которого стимул деятельности – нажива, а высшее назначение – накопление и приумножение богатства, причем его «аппетит никогда не утоляется». На горе окружающих он смотрит с глубоким равнодушием и «живет в свою утробу, скопляя вокруг себя больше добра»¹³.

Суррогат, фальсификация альтруизма у современного «среднего человека» проявляется в лучшем случае в таком виде деятельности, как «пожертвование грошей в пользу пострадавших от неурожая, да и те сплошь и рядом приходится вытягивать с помощью благотворительных балов и концертов»¹⁴. Его жестокость основана на равнодушии, отчуждении, которые способствуют проявлению жестокости и одновременно являются следствием ее проявления.

Лицемерие и ханжество хорошо научилась использовать власть, прикрывая войны, массовые убийства, «все гадости и жестокости» риторической шумихой, фразерством, «хитросплетением слов» об исполнении какой-нибудь миссии и непременно «высокой миссии»¹⁵. По Энгельгардту, жестокость мотивирует взаимодействие, деятельность по причинению вреда, ущерба (физического, психологического), а проявление жестокости (как «социального факта») выполняет в социальном мире функцию сигнала неблагополучия – нарушения его связности, согласованности, «социального сцепления» и несет в себе угрозу существования человеческой цивилизации в целом.

Мораль, нравственность являются резервом выживания цивилизации. Ограничить, преодолеть тенденцию к масштабному росту жестокости и насилия может только другая тенденция – разработка дея-

¹² Энгельгардт М. А. Прогресс как эволюция жестокости. – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899а. 198 с.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Энгельгардт М. А. Вечный мир и разоружение. – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899б. 72 с.

тельного альтруизма в его практическом применении, реализации и индивидами, и коллективными образованиями (государствами, социальными институтами, корпорациями). А это возможно лишь при общественном воздействии (путем воспитания) на эмоциональную сферу морали – ограничении разнузданного своеволия и деятельного эгоизма в межличностном взаимодействии и деятельности социальных институтов, структур (прежде всего, властных) в смысле ограничения их самооценности, как цели в себе, в отрыве от реальной жизни граждан.

Самодисциплина, нравственная саморегуляция требуются не только от личности, но и, прежде всего, от социальной системы в целом, и от ее институтов, поскольку они воздействуют на «человеческую природу». Существует связь между практикой проявления жестокости и моральной/нравственной организацией общества. Поэтому деятельность социальных институтов необходимо «устраивать» сознательным волеизъявлением, саморегулированием собственной деятельности в соответствии с нравственными принципами человечности и справедливости, которые основаны на деятельном альтруизме.

Некоторая «реакция», считал Энгельгардт, «фактический поворот» к человечности все же происходит в общем ходе цивилизационного процесса. Он связан с реформами, которые исключают из публичного, «нормального обихода» массу зверств и жестокости (отмена рабства и крепостничества, запреты на религиозные преследования, отмена пыток и смертной казни, изъятие пороков и розог из школьного обихода и пр.). Но изъятие подобных «зверств» из формального обращения не означает их фактического исчезновения. Это своего рода «чистка» общества от наиболее свирепых элементов (превращение «разрешенных» злодеяний в «запрещенные»). Она же, в свою очередь, становится одним из факторов роста преступности в «культурных странах», поскольку культивируемая веками жестокость не может исчезнуть сразу, она вошла в плоть и кровь человека.

Есть преступления и протестные движения, вызванные нуждой, голодом, гонениями, не правовыми действиями. Однако, даже при «сомнительном благополучии» и при какой-нибудь возможности добиваться реформ и улучшений мирным и законным путем эти явления можно свести к минимуму.

Некоторый поворот к «постепенному облагораживанию» Энгельгардт связывает с изменением статуса науки, которая в современном мире «приобретает роль фактора самостоятельного, становит-

ся творческим началом, преобразующим агентом»¹⁶. Она способствует экономическому и техническому прогрессу и создает «новые материальные условия исторического процесса», связанные с крайне высокой взаимозависимостью современных стран и народов. Но наука создает и новые угрозы человечеству, совершенствуя оружие массового уничтожения (наука тоже требует нравственного обоснования).

При современном разделении труда, современной организации производства, научном и техническом прогрессе все государства, нации находятся в теснейшей зависимости друг от друга. Однако, упор на материальный, научный и технический прогресс создает и «моральную опасность» для цивилизации в целом, и сам этот «прогресс» требует нравственного регулирования.

[Спустя 100 лет после публикации книги Энгельгардта «Прогресс как эволюция жестокости» М. Кастельс, социолог и аналитик информационного общества в книге «Галактика Интернет» (издана в 2001 г.) считает, что «новые формы» организации экономики сетевого общества должны быть связаны с «полезностью» научно-технического развития этого общества. А основой этой «полезности» является необходимость использовать научные знания и новейшие технологии в «контексте стремления к общему благу»¹⁷].

Энгельгардт не случайно высказывал сомнение в сколько-нибудь быстром решении проблемы нравственной реорганизации общества, где для нравственности отведено место в книгах, учениях, теориях, «на прописях» и в «риторической шумихе», а для безнравственности – «житейский обиход» и деятельность «институтов и учреждений».

Цивилизационные процессы XX – начала XXI века подтвердили опасения Энгельгардта, о чем свидетельствуют мировые и гражданские войны, концлагеря, революции, этнические, территориальные и религиозные чистки, терроризм, системная коррупция, организованная преступность и т. д. Современная мировая цивилизация, связанная с информационными технологиями, сетевым взаимодействием, с процессами интеграции и глобализации, не снижает роста насилия и жестокости, которые в «грубых» и «тонких» формах приобретают все более глобальный, институционализированный характер (формальный и

¹⁶ Энгельгардт М. А. Прогресс как эволюция жестокости. –СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899а. 198 с.

¹⁷ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А.Матвеева. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

неформальный, легитимный и «теневой») и являются инструментами влияния, давления, запугивания и манипулирования.

В этом глобальном мире любой человек, любое государство, регион, религиозная, этническая общность становятся потенциально уязвимыми объектами жестокости. Не случайно З. Бауман в лекции «Текущая модерность» (прочитана в апреле 2011 г. в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру») подчеркнул, что в современном мире пока происходит только «негативная» глобализация, «положительная» глобализация еще и не начиналась, а важнейшей чертой современного периода является отсутствие «определенного направления» и как следствие – «интенсивность страхов»¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Текущая модерность // Полит.ру: [сайт]. URL: http://www.polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman_print.html.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – СПб.: Изд. Н. П. Карабасникова, 1912. 541 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. 432 с.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
5. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А.Матвеева. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
6. Михайловский Н. К. Литература и жизнь. («Прогресс как эволюция жестокости» Энгельгардта). // Русское богатство. 1890. №2. С.138-151.
7. Сорокин П. А. О русской общественной мысли. – СПб.: Алетейа, 2000. 221 с.
8. Энгельгардт М. А. Прогресс как эволюция жестокости. – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899а. 198 с.
9. Энгельгардт М. А. Вечный мир и разоружение. – СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899б. 72 с.

¹⁸ Бауман З. Текущая модерность // Полит.ру: [сайт]. URL: http://www.polit.ru/lectures/2011/05/06/bauman_print.html.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

В переходные моменты жизни общества возникает необходимость осмысления теоретического наследия прошлого. Неудивительно, что в последние десятилетия возрос интерес к труду Н. Я. Данилевского (1822–1885) «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» (1869), где ученый предложил неординарную для своей эпохи теоретическую концепцию истории, однако, очень востребованную в современной.

Сегодня российская социальная наука, оказавшись в условиях теоретического плюрализма, нуждается в надежных ориентирах. При создании научных традиций есть опасность потери собственных корней и впадения в крайности слепого копирования ценностей принципиально других культур. Возвращение к истокам позволяет избежать научного застоя, сохранив мощные интеллектуальные традиции, формируя национальные научные школы и направления.

В XIX веке в России процессы модернизации шли с отставанием и в специфических формах, породив в острой форме конфликт традиционного и модернизирующегося общества. Поскольку российская модернизация была запаздывающей или догоняющей и проходила в специфических условиях: самодержавие, православие, община, она носила специфический характер и была конфликтным синтезом черт традиционного и индустриального общества. Все это обусловило особый всплеск философско-исторической и культурологической мысли XIX века. Цивилизационный конфликт индустриального капиталистического общества, образцом которого была Западная Европа, и традиционных устоев российской цивилизации был почвой для острой постановки проблемы российской цивилизационной культурной идентичности.

Можно выделить три основные линии формирования русского национального самосознания XIX века: 1) линия традиционализма, 2) линия европейской (всемирной) интеграции России, 3) линия радикализма (революционного преобразования России). Эти три линии в первой половине XIX века проявились в борьбе лагерей славянофилов, западников и революционеров-демократов. Во второй половине XIX века эти линии проявились в борьбе лагерей почвенников (линия традиционализма), либералов (линия европейской интеграции), народников и русских марксистов (последние два лагеря представляли собой сложную смесь линии радикализма с линиями традиционализма и европейской интеграции).

Сущностным основанием историософских размышлений русских мыслителей является постановка проблемы самобытности, неповторимой специфичности России, русского социума. Процесс выявления этого национально-специфического объективно стал одним из факторов формирования теории локальных цивилизаций. Даже беглое перечисление некоторых названий известных трудов русских мыслителей показывает, насколько интенсивно разрабатывалась тогда эта тема. Кроме «Философических писем» П. Я. Чаадаева, можно назвать еще ряд работ: «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» И. В. Киреевского, «Избранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, «О любви к Отечеству и народной гордости» и «О древней и новой России» Н. М. Карамзина, «Мнение русских об иностранцах» А. С. Хомякова, «Русские ночи» В. Ф. Одоевского, «Россия и Германия» и «Россия и революция» Ф. И. Тютчева, «Россия и Европа» и «Московский панславизм и русский европеизм» А. И. Герцена. Удивляет разница представленных идеологических позиций — и западники, и славянофилы, и те, кто не принадлежит к этим лагерям.

Особенной чертой формирования цивилизационной парадигмы в русской социально-философской мысли стало то, что термин «славянская» выступил маркировкой своеобразия русского исторического пути и русской культуры и одновременно как обозначение более широкой родственной общности. С момента формирования русского социума в идентификационной иерархии его менталитета неизменно присутствует славянская идентичность, что имеет объективные основания. Во-первых, единый язык в момент формирования — церковнославянский. Во-вторых, византийская культурная традиция, пришедшая вместе с этим языком. В-третьих, отдельные общеславянские ми-

фологические элементы (как вошедшие в православную систему ценностей и ритуалов, так и не вошедшие). И последнее, устойчивые связи в ходе развития истории (хотя история не только соединяла славянские народы, но и разъединяла их).

В контексте этих интеллектуальных движений русской социальной мысли совершенно особое место занимает культурно-историческая концепция Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885). Н. Я. Данилевский выразил культурно-историческую позицию традиционалистов, разработав в систематической форме основы локально-цивилизационной парадигмы философии истории, как базис для отстаивания исторической самобытности Российской цивилизации и ее исторического пути. Он заложил основы геополитического обоснования позиции российского традиционализма и линии российской национальной самобытности. В отличие, от первых славянофилов, Н.Я.Данилевский очистил линию российской национальной самобытности от идей о некой особой общечеловеческой всемирно-исторической миссии России. Хотя сделал это не до конца и не вполне последовательно.

Как уже было отмечено, основные идеи Н. Я. Данилевского отражены в работе «Россия и Европа: взгляд на культурно-исторические и политические отношения славянского мира к германо-романскому» (рукопись датирована 1864-1868 гг.; впервые опубликована в журнале «Заря» в 1869-1871 гг.; отд. изд. 1871, 1888, 1889, 1895, ... 1991, 1995, 2002, 2003 и др.).

Основные принципы концепции культурно-исторических типов

Анализ показывает, что жизненная позиция Н. Я. Данилевского выражалась в сциентистско-православной культурно-поведенческой установке ученого. Это установка или ориентация поведения, всей жизнедеятельности ученого на познание законов природы и общества и устройство мира в соответствии с ними, как на открытие и реализацию идеального божественного плана бытия. Социально-политические ориентации Н.Я.Данилевского сформировались на основе решения двух ключевых проблем российской социально-политической мысли середины XIX века: 1) Россия и Запад; 2) консерватизм и либерализм. По проблеме отношений России и Запада Н. Я. Данилевский занял в целом позицию славянофильства. Однако,

хотя общими для славянофилов и Н. Я. Данилевского являются убеждение в самобытности русской цивилизации и ее исторического пути, а также принципиальная защита традиционных устоев российской цивилизации, Н. Я. Данилевский отрицал присущую ранним славянофилам идею всемирной или общечеловеческой миссии России, и выдвигал программу «панславизма», предполагающую объединение славянских народов и расцвет самобытной славянской цивилизации во главе с Россией. Что касается политических взглядов Н. Я. Данилевского, то он был последовательным сторонником самодержавия, как формы власти, обеспечивающей стабильное развитие России и соответствующей народному политическому идеалу.

По базовой философской ориентации Н. Я. Данилевский был представителем объективного идеализма, что вполне согласуется с его православным мировоззрением. Но его идеализм носил специфический естественно-научный характер. Его особенность состоит в том, что главным объектом познавательного интереса для Данилевского являлся не Бог, а природа, а также, что понятие природы оказывается базовым онтологическим понятием, на которое опирается теория и методология познания Данилевского. Говорить о специальной теории и методологии социального познания Н. Я. Данилевского сложно, поскольку таковая у него специально не разрабатывалась. В исследовании культурно-исторических явлений Данилевский пользовался принципами общей теории и методологии познания. Однако на этом основании вряд ли корректно приписывать Н. Я. Данилевскому некий «натурализм», или перенесение им на культурно-исторические явления законов органической жизни и уподобление культурно-исторических явлений явлениям органической жизни.

Для характеристики индивидуальных исторических субъектов Н. Я. Данилевский использовал термины: культурно-исторический тип, цивилизация, народ. Первичным субъектом исторической деятельности является по Данилевскому народ, главным критерием которого является общность языка. Главным критерием самобытной цивилизации или культурно-исторического типа как положительного деятельного субъекта истории является способность к положительной культурной деятельности. Таким образом, понятие культурной деятельности (в широком смысле слова) используется Данилевским, как базовое для выведения критериев самобытных цивилизаций, культурно-исторических типов. Данилевский выделял «четыре разряда культурной деятельности»: 1) деятельность религиозную; 2) деятельность

культурную, в узком значении этого слова (научную, художественно-эстетическую и промышленно-техническую); 3) деятельность политическую; 4) деятельность общественно-экономическую (отношения между социальными группами).

Категория «культурно-исторический тип» служит для Н. Я. Данилевского основой для установления реальной культурной идентичности или самобытности конкретной цивилизации. Если использовать понятие «культурно-исторический тип» как категорию, характеризующую самобытную языковую группу, способную к образованию цивилизации и вступившую в этот процесс, тогда культурно-исторических типов у Н. Я. Данилевского можно насчитать пятнадцать. Они делятся на: 1) уже погибшие естественной смертью от старости: египетский, греческий, римский, еврейский, древнесемитический (ассиро-вавилонно-финикийский), иранский; 2) погибшие принудительной насильственной смертью, не успев развиваться во всей полноте: перуанский, мексиканский, кельтский; 3) старые, вошедшие в возраст дряхлости: индийский и китайский (давно пережившие свой расцвет), романо-германский (в XIX веке прошедший пик своего развития); 4) молодые: славянский (входящий в стадию расцвета цивилизации) и ново-американский (находящийся на стадии формирования национальности). Неопределенным является статус ново-семитического или арабийского культурно-исторического типа. Причем, список этот открыт в будущее, поскольку в истории могут явиться новые культурно-исторические типы.

Логику культурно-исторического процесса Н. Я. Данилевский анализировал в парадигме локальных цивилизаций. Согласно Данилевскому общечеловеческой цивилизации, и, следовательно, единого пути всемирной истории, олицетворяемого этой цивилизацией, не существует. Человечество, по его мнению, вообще есть абстрактное, формально общее понятие, которому в реальности не соответствует никакой исторический субъект. Реальными субъектами истории являются лишь отдельные, самобытные народы. Всемирная история есть собирательное единство отдельных национальных историй. Смысл народной местной истории не в приобщении к общечеловеческой культуре, а в развитии местного, национального начала или потенциала. Отрицание человечества как реального субъекта истории и отрицание единой всемирной, общечеловеческой истории, неизбежно должны привести Данилевского к отрицанию самой идеи прогресса. Место прогресса занимает категория «жизненного цикла», подобного

циклу любых организмов. Однако Н. Я. Данилевский выходит за рамки парадигмы локальных цивилизаций. Оригинальность позиции Данилевского состоит в том, что он пытался соединить идею органического цикла с идеей исторического прогресса, пересмотрев модель прогрессивного исторического развития. Вместо типичной для того времени модели однолинейного прогрессивного восходящего движения человечества от низшего, несовершенного состояния к высшему. Данилевский предложил модель мультилинейного движения разноплановых цивилизаций по разным направлениям исторического развития, движения разными способами и путями, в конце каждого из которых каждый народ достигает наивысшего для данного направления совершенства и реализации той потенции человеческой природы, которая выпала на историческую долю этого народа по непостижимому для людей промыслу Бога.

Главными критериями, по которым должна устанавливаться культурная идентичность России, согласно логике Данилевского, являются разряды культурной деятельности. Однако именно их Данилевский не использует. Он характеризует культурную идентичность России, используя совсем другие критерии: 1) национальный характер или психический строй народа; 2) форму вероисповедания (высшее нравственное начало); 3) условия и ход исторического воспитания народа. Дело в том, что Н. Я. Данилевский рассматривал культурную самобытность России не в статике, как постоянную и неизменную, а в динамике ее становления и развития. По представлениям Н. Я. Данилевского Россия является молодым культурно-историческим типом, находящимся на пороге высшей стадии развития – стадии цивилизации. Поэтому ее достижения в четырех разрядах культурной деятельности еще впереди. Естественно, что описывать культурную идентичность российской цивилизации (именно в смысле высшей стадии расцвета культурно-исторического типа) пока невозможно. Н. Я. Данилевский усматривал самобытность России в православии, самодержавии и нравственном характере народа, отличающемся терпимостью и христианским гуманизмом.

Основу цивилизационного сплочения России по Н. Я. Данилевскому составляют православная религия, как духовная скрепа российского общества, и самодержавие как главная материальная, политическая скрепа российского государства. Н. Я. Данилевский в качестве оснований цивилизационной сплоченности российской цивилизации в дополнение к двум вышеуказанным чертам самобытности России, до-

бавляет единство исторической судьбы населения России, а также единство геополитических интересов всех россиян, и, шире, славян. Данилевский ведет речь о внутреннем сплочении не только российского общества, но и о сплочении всех славянских народов в единое государственнно-цивилизационное сообщество.

Н. Я. Данилевского интересовали главным образом отношения России с Европой. Трактовку этих отношений можно проследить в рамках сформулированного Данилевским т.н. «восточного вопроса». Суть восточного вопроса сводится по Данилевскому к глобальному цивилизационному противостоянию России и Европы. Необходимость и неизбежность борьбы России и Европы, очевидно, вытекает не только и не столько из различия культурно-исторических типов России и Европы, из противоположности исторических целей и идей, реализуемых этими цивилизациями. В этом противостоянии Европа, стремясь к мировому господству, преследует цель ассимилировать Россию и славянский мир. Задача России – сохранить свою цивилизационную самобытность и развить все задатки славянского культурно-исторического типа, объединив все славянские народы в славянский союз, который должен быть геополитическим противовесом агрессивной экспансии Европы и гарантом многополярного мира, культурного и цивилизационного плюрализма. Ориентация России в культурно-историческом процессе по Данилевскому определяется тем, что Россия является молодым культурно-историческим типом, еще не вошедшим в стадию цивилизации. Поэтому Данилевский, как ученый, не берется описывать идеал будущей Российской цивилизации. Он лишь предполагает, что Россия способна создать четырехосновный культурно-исторический тип, т. е. творчески проявить себя во всех четырех разрядах культурной деятельности.

Теория Н. Я. Данилевского стала новым явлением в общественной жизни России, поскольку представляла новый, отличный от западнического или славянофильского, взгляд на всеобщую историю и, как следствие, место России в мире. Именно данная теория стала главной особенностью книги «Россия и Европа», отличавшей ее от всех остальных произведений подобного рода. Еще во второй половине XIX века появились первые обвинения Н. Я. Данилевского в плагиате¹, сыгравшие большую роль в последующем забвении. Тем не

¹ См.: Соловьев В. С. Немецкий подлинник и русский список // Вестник Европы. 1890. № 12.

менее, очевидно, что путь Николая Яковлевича Данилевского к окончательному оформлению своей теории был долгим и трудным.

Факторы, оказавшие влияние на формирование концепции культурной идентичности российской цивилизации

Первым фактором, повлиявшим на становление теории культурно-исторических типов, стало увлечение Данилевского социальной философией Ш. Фурье в 1840-х гг. Он очень активно посещал «пятницы» Петрашевского и имел репутацию одного из лучших знатоков теории Фурье. В 1849 г. Данилевский был арестован по делу Петрашевского и заключен в Петропавловскую крепость, над ним нависла реальная угроза вынесения смертного приговора. Однако, после проведения в заключении более трех месяцев Данилевский был отправлен в административную ссылку в Вологду.

Как указывал друг Данилевского П. П. Семенов-Тянь-Шанский, арест и заключение не прошли для Данилевского бесследно, в это время в его мировоззрение произошел довольно резкий перелом. В крепости он внимательно изучал Библию и вышел на свободу уже не тем преданным науке атеистом, каким был раньше, а человеком, сочетавшим в своих убеждениях любовь к науке и веру в бога. Впоследствии это проявилось во введении Данилевским в естественный ход истории идеального начала. Находясь в крепости, он пересмотрел и учение Ш. Фурье. Хотя Данилевский не отказался от признания истинности многих аспектов фурьеризма, но теперь он воспринимал учение больше как утопию, невозможную для применения на практике. Что более важно, думая во время заключения о вопросе практического применения фурьеризма, Н. Я. Данилевский, очевидно, пришел к мысли об особенной неприменимости этого учения именно к российским условиям, т.е. на конец 1840-х годов приходится зарождение у Николая Яковлевича идеи о специфике российской истории, о ее особом пути и невозможности измерения ее западными стандартами.

Это не могло не обратить его внимания на теории славянофилов. Однако, главным фактором, оказывающим влияние на процесс формирования идей Данилевского, было то, что он, прежде всего, был горячим сторонником положительной науки, и сразу заметил недостаточно обоснованную теоретическую базу славянофильства, что для Данилевского было существенным недостатком. Таким образом, можно сказать, что первым фактором, повлиявшим на создание Николаем

Яковлевичем своей теории, стало утверждение Данилевским в мысли о необходимости создания в полной мере научной теории, объясняющей историческое развитие и своеобразие России.

Вторым фактором стала теория другого выдающегося западного мыслителя, которая на первый взгляд никак не была связана с теорией Данилевского, а именно — теория эволюции Ч. Дарвина. Работу, посвященную критике дарвинизма, Данилевский написал гораздо позже, в 1885 г. Тем не менее, Н. Я. Данилевский признавал, что впервые познакомился с учением Дарвина, находясь в командировке в Норвегии в 1861 г., и идеи Дарвина сильно впечатлили его. Таким образом, на момент работы над книгой «Россия и Европа» Данилевский уже был знаком с принципами дарвинизма и, безусловно, они и критические рассуждения Данилевского оказали определенное влияние и на теорию культурно-исторических типов.

Теория Дарвина заинтересовала Данилевского не только как приверженца естественных наук. Из-за своей любви к естественным наукам, он даже был согласен со многими аспектами дарвинизма, но, как мы уже отмечали выше, Николай Яковлевич сочетал в своем мировоззрении любовь к положительной науке и склонность к метафизике, религиозность. А учение Дарвина, как отмечал сам Данилевский, было не только биологической теорией, но имело и общефилософское значение — решение вопроса о целесообразности в природе. Дарвин объяснял эволюцию борьбой за выживание, это тоже была своеобразная целесообразность в природе, но при полном отсутствии какого-либо идеального начала. Именно с этим, основополагающим пунктом в теории Дарвина Данилевский никак не мог согласиться. Николай Яковлевич придавал огромное значение идеальному началу и критиковал Дарвина за то, что его теория лишает мир религиозности, а также отрицает разум человека, расценивая его как случайность. Скорее всего, резкое отношение Данилевского к учению Дарвина объяснялось именно личными мотивами, поскольку признание идеального начала и целесообразности в природе были существенными элементами мировоззрения Данилевского.

Высказанную Данилевским критику учения в книге «Дарвинизм» нельзя назвать строго научной и серьезной, еще в 1887 г. К. А. Тимирязев выступил с полемической статьей «Опровергнут ли дарвинизм?», в которой подверг критике рассуждения Данилевского.

Негативное отношение Н. Я. Данилевского к основополагающему пункту теории Дарвина настроило его и против теории эволю-

ции в целом. Нельзя однозначно утверждать, что, когда впоследствии Данилевский называл эволюционный подход в науке «искусственной системой», он делал это именно из-за неприятия дарвинизма, и что вся теория культурно-исторических типов возникла как результат отрицания Данилевским теории эволюции из-за неприятия им религиозной позиции Дарвина. Тем не менее, если даже дарвинизм и не оказал такого решающего влияния на теорию культурно-исторических типов, он, безусловно, лишний раз убедил Данилевского в необходимости выдвижения какой-либо альтернативной теории истории, которая, не будучи эволюционной, была бы в то же время научна и не отрицала идеальное начало.

Наконец, третьим существенным фактором, во многом определившим возникновение теории культурно-исторических типов, было то, что Данилевский являлся сторонником положительной науки. Он закончил физико-математический факультет Петербургского университета, а в 1849 г. защитил магистерскую диссертацию по кафедре ботаники, представив в университет описание флоры родной Орловщины. Значительную часть жизни он провел в научных экспедициях, исследовавших вопросы рыболовства в различных губерниях. Как многие приверженцы естественных наук, Данилевский был сторонником натуралистического подхода, распространенного в Европе в XVIII-XIX вв. Этот подход подразумевал перенос понятий и методов естественных наук в науки об обществе. В книге «Россия и Европа» Данилевский подробно рассматривал противопоставление искусственной и естественной систем классификации, распространенных в естественных науках. Искусственная система заключалась в классификации по признаку степени развития, а в основе естественной лежало установление однотипных структур. Для эволюции науки, по мнению Данилевского, как правило, характерен отказ от искусственной системы и переход к естественной, в частности, Данилевский приводил примеры такого перехода в астрономии, ботанике, биологии и пр.

Далее Данилевский анализировал историческое знание и пришел к выводу, что в нем пока господствует именно искусственная система, поскольку в разделе древней истории оказываются одновременно Египет, Индия, Китай и другие страны, находившиеся в этот момент на совершенно разных стадиях развития. Николай Яковлевич указывал на тот очевидный акт, что вся хронология истории, эта «искусственная классификация» имеет своим центром западноевропейскую цивилизацию, что ее исторический путь признается неоспори-

мым и обязательным путем всего человечества. Именно из-за отождествления судьбы Европы с судьбами всех народов возникло искаженное понимание истории человечества, идея линейного прогресса, т.е. появилась «искусственная система классификации». То, что Н. Я. Данилевский обратил внимание на господство европоцентристской установки, несомненно, было его заслугой. Именно Данилевский впервые обратил внимание на европоцентристскую установку и дал ей первоначальное истолкование, после него многие ученые и мыслители повторяли и развивали данную тему. Данилевский утверждал необходимость установления естественной системы в исторической науке, основанием которой, как уже отмечалось выше, должны быть однотипные структуры, и предложил свою теорию, которая как раз и претендовала на роль естественной системы.

Таким образом, на теорию Н. Я. Данилевского оказало влияние множество факторов. Безусловно, следует упомянуть и о влиянии политической ситуации в мире, об угнетенном положении славянских народов и их стремлении к независимости, о росте панславянских настроений внутри России, однако все эти факторы оказали наибольшее влияние на книгу «Россия и Европа» в целом, а не столько на теорию культурно-исторических типов, которая является лишь частью главной книги Н. Я. Данилевского. Наоборот, оценивая объем глав, который занимает изложение теории и обоснованность некоторых ее положений (например, абсолютную бездоказательность законов развития культурно-исторических типов), можно заключить, что при написании «России и Европы» данная теория была для Данилевского не *целью*, а, скорее, *средством*, с помощью которой он пытался донести до общественности идеи объединения славян и создания колоссального по своим масштабам Всеславянского Союза. Именно теория типов позволила Данилевскому провозгласить главную историческую миссию России как создание самостоятельного славянского культурно-исторического типа с объединением (или захватом) колоссальных территорий, для чего оправдывалась и возможность проведения агрессивной внешней политики.

Следовательно, в качестве последнего фактора, оказавшего влияние на формирование и публикацию теории культурно-исторических типов, можно назвать стремление Н.Я.Данилевского использовать ее в качестве обоснования, своеобразной теоретической базы предложенного Данилевским панславистского проекта. Тем не менее, именно теория культурно-исторических типов стала главной

особенностью книги Данилевского и обратила на себя большее внимание, чем все другие идеи, высказанные им в книге «Россия и Европа».

Таким образом, ставшая уже хрестоматийной, цивилизационная концепция исторического процесса, отраженная в трудах О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби, впервые звучала в ряде работ российских мыслителей, причем даже независимо от их принадлежности к западническому или славянофильскому лагерю. И во многом именно благодаря этому нашла свое яркое воплощение и теоретическое обоснование в работах Н. Я. Данилевского.

Идея Н. Я. Данилевского о славянской федерации сегодня весьма актуальна для исторического самосохранения России, даже гораздо актуальнее, чем во времена Данилевского. Геополитические прогнозы и предупреждения Н. Я. Данилевского, его общие оценки исторических, геополитических интересов и статуса России, как гаранта мирового культурного и цивилизационного плюрализма от покушений претендентов на мировое господство, также подтвердились историей XX века и особенно актуальны сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
2. Аринин А. Н. Самобытные идеи Н.Я.Данилевского. – М., 1996.
3. Бажов С. И. Философия истории Н.Я.Данилевского. – М., 1992.

РОССИЙСКИЙ МЕНТАЛИТЕТ В УСЛОВИЯХ УСЛОЖНЯЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА

Общество, как известно, абстракция, если оно обсуждается вне контекста, и каждое общество – это, прежде всего, те люди, которые в нем живут, создают и воспроизводят его ежедневно. От личностных особенностей, характеристик, умонастроений членов общества зависит потенциал его развития. Современная действительность нелицеприятно обнажает имеющиеся проблемы, проблемы общей неустроенности, дезинтеграции, поляризации, etc. Когда растет маргинализация населения, то на первый план выходят проблемы межнациональной розни. Национализм в первую очередь результат экономических, политических и культурных факторов. И проблема национальной идентичности в данной ситуации, это проблема самоопределения как такового. Низкий уровень культуры в обществе, непростая социальная и экономическая ситуация ставят человека в ситуацию, когда он может быть успешен лишь в том, что относится к большой общности, определяемой в первую очередь национальной принадлежностью. Я целенаправленно избегаю в своей статье данных вопросов и считаю, что российский менталитет необходимо рассматривать общим ментально-лингвальным полем, объединяющим представителей различных общностей. Автору интересно, какие особенности российского менталитета и российской картины мира несут в себе потенциал для эффективного развития российского общества, и как российский менталитет трансформируется в условиях усложняющегося социума.

Современное общество как сложная динамично развивающаяся система подвержено влиянию непредвиденных флуктуаций. Недавнее по историческим меркам внедрение в научную картину мира нелинейного подхода подвергло обструкции классическое понимание пространства и времени, а эмерджентность общественной системы делает сложным цельное описание общества. Переосмысление пространства и времени привело к возможности изучать одно общество в различных

пространственно-временных измерениях, что стало своеобразным открытием социального закона относительности. Для носителей различных картин мира по-разному протекает время и опосредуется пространство. Известен социальный факт более быстрого протекания времени для мигрантов и непереводаемость языковых конструкций и смыслов в различных языках. Резкое развитие науки и общества ставит на повестку дня проблему адаптации человека и его картины мира к утверждающейся сложности социума, который, в свою очередь, характеризуется нелинейностью развития, многовариантностью, увеличением сложности качества и условий, самоорганизацией, усложнением материи. Общество уже является сложной системой. Однако на современном этапе развития происходит усложнение социума, что связано с его текучестью¹, ускользанием², макдональдизацией³, рисками⁴, кентавризмами⁵, играизацией⁶, симулякризацией⁷, etc. Британский социолог Дж. Урри обозначил поворот сложности как в социальном, так и в методологическом ключе, указав, что усложнение обеспечивается мобильностью, быстрыми и неожиданными движениями людей, капиталов, образов, информации в глобальном масштабе, технологическим и коммуникационным ростом, появлением глобальных микроструктур, действующих на принципах самоорганизации, многокомпонентностью на разных уровнях, нелинейными изменениями в обществе⁸. Отметим, что обозначая мобильность, Урри приписывает ей качества турбулентности, как одного из сложных состояний общественной системы через описание разупорядоченного движения потоков. Стоит также указать на достаточно широкое и полное описание проблемного поля поворота сложности.

¹ Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008.

² Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет наш мир. – М.: Весь мир, 2004.

³ Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб.: Питер, 2002.

⁴ Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – New Delhi: Sage, 1992.

⁵ Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема как воплощение парадоксального развития российского общества // Вестник РГГУ. Серия Социология. Вып. 2. 2010.

⁶ Кравченко С. А. Играизация общества: блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2007 года. Выпуск 11. – М., 2008. С. 270-276.

⁷ Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1999.

⁸ Урри: Urry, John. Global Complexity. – Polity, 2003.

В условиях усложняющегося общества происходит массовая дифференциация и маргинализация. Индивид, находясь в пограничном⁹ положении постоянного принятия ответственности за себя либо вырабатывает адекватные адаптации и имеет возможность влиять на свою жизнь, либо из пограничного маргинального состояния переходит в состояние люмпенизированное. И здесь, понимание люмпена шире, чем прежде, это состояние безвремения, места отсутствия. Риски, страхи и ожидания современного общества свидетельствуют о массовом пребывании людей на границе динамичных и статичных пространств. К статичным могут быть отнесены пространства, в которых человек деиндивидуализирован, «макдональдизирован», пребывает в состоянии небытия, пустоты. Динамичное пространство, наоборот, требует постоянного подтверждения собственной самости, уверенности и активности, собирания и структурирования пространства. Менталитет и язык являются теми фактами социальной жизни, на основе которых можно говорить о том пути, который прошла общность, и о сохранении истории человека как открытой системы, в целом понять происходивший обмен с внешней для него средой, проанализировать системные характеристики.

Национальный менталитет имеет сложную структуру и находится на генетическом уровне национального психического склада. Генетический уровень менее подвержен изменениям, чем скажем национальное самосознание. Менталитет является тем опорным пунктом, на котором возможна самоорганизация. В самом начале я указала на то, что общество – это абстракция. Маргарет Тэтчер выразилась по этому поводу следующим образом: «Нет никакого общества, есть индивиды с их талантами и амбициями», что каждый отдельный человек должен быть обращен не в социальное, а ориентироваться на себя. Для россиянина утверждение сложного социума обусловлено как активным включением в глобализацию, усвоением нового для них контента, так и крушением прежней системы, отсутствием цельной исторической памяти. Раскол в российском обществе связан, в первую очередь, с интерпретацией истории, самоотношением россиян к тому или иному дискурсу исторической памяти. Однако, независимо от принятия «советскости» или активного включения в иностранный контент, все так или иначе заняты поисками новых точек опоры, что

⁹ Папк: Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. – Chicago, 1928. Vol. 33, № 6. P. 881-893.

свидетельствует о влиянии активного самоопределения россиян на процесс трансформации российской ментальности. Обсуждение трансформаций менталитета необходимо вести в контексте всей структуры поля ментальнолингвального в связи с условностью неких конструкций и глубокой взаимообусловленностью каждого элемента.

Социальное генетически обусловлено и младенец уже обладает генетически обусловленными ментальными конструкциями. К. Г. Юнг обозначал их как архетипы, сложившиеся в результате социобиологической эволюции мозга. К вопросу о российском менталитете можно сказать, многие исследователи сходятся во мнении, что русский тип межполушарной интенции это тип с доминированием правого полушария – художественный, иррациональный и импульсивный. Около 6 тысяч слов и выражений в литературном русском языке привлекаются для выражения объемного художественного мировидения. Привлечение невербальных каналов восприятия и передачи информации – мимика, жесты, интонации также свидетельствуют о правополушарном типе. Феномен менталитета нейрофизиологи и психологи объясняют как результат вовлечения в работу различных зон коры головного мозга у представителей различных этнических общностей. Л. Н. Гумилев объяснял национально-психологические особенности также тем, что каждый этнос живет в определенном ландшафте, и данный аспект обуславливает пространственное восприятие – различные карты реальности, и физиологический на уровне питания. Кормящий ландшафт на химическом уровне обеспечивает различные психофизиологические особенности. Иначе говоря «я есть то, что я ем». Современные авторы по детскому питанию даже предлагают взять на вооружение идею коррекции поведения детей с помощью изменения рациона.

Однако вернемся к менталитету. Понятие менталитет широко обсуждается, но нет единого мнения как его определять. Мне близка позиция А. Я. Грауса на этот счет, что понятие менталитет также неопределимо как понятия культура и идеология, что не исключает возможности его описания¹⁰. Бытует мнение, что в западной науке он изучается как определенный образ мысли, в отечественных исследованиях он получил более чувственное наполнение. Что связано также

¹⁰ Граус Ф. Менталитет в средневековье. История ментальностей и историч. антропология. Зарубежн. исследования в обзорах и рефератах. – М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т. 1996.

с различающимися картинами мира российских и европейских исследователей. Менталитет, ментальность (от лат. *mens* – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) определяется как общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, духовных навыков, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-нибудь сообщества. Менталитет характеризует работу коллективного сознания, представляет специфический тип мышления, но одной лишь аналитической деятельностью, как уже говорилось, не ограничивается¹¹. Менталитет является тем общим, что рождается в людях из их природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представления человека о жизненном мире. Изучение менталитета зачастую идет через сопоставление с другим менталитетом. Так, например, с менталитетом англичан, осетин, китайцев и других. Крысько В. Г. отмечает у англичан высокую способность к интеллектуальному восприятию мира, слабую скорость мыслительных операций, нелюбовь к абстрактным умозаключениям и интеллектуальный практицизм¹². Английский язык предельно конкретен и прост. Как отмечает автор прекрасного учебника английского языка Д. Рунов, англичане всегда уточняют, чью жену они любят, и чьи ботинки они зашнуровывают. Китайский менталитет также отличен от российского менталитета. Мы вернемся к уточнению отличий позже и прибегнем к сравнению для большей наглядности и конкретизации особенностей российского менталитета.

Основное внимание при обсуждении трансформаций ориентировано, в большей степени, на внешние проявления. Известно, что на уровне общества изменения происходят значительно быстрее, чем ментальная сторона человека может адаптироваться к происходящим изменениям. Особенность человеческой психики, состоящая в стереотипном способе восприятия мира, раскрывает внутренние причины процессов. Как отмечает Э. Гидденс, многие традиции впоследствии проводимых модернизаций были изобретены заново¹³, что вполне объяснимо особенностью культуры и менталитета воспроизводить себя в любых условиях (например, советская Россия зачастую предстаёт как пост-православие).

¹¹ Философский словарь. Под ред. И.Т.Фролова. – М.: Республика, 2001.

¹² Крысько В. Г. Этническая психология. – М.: Академия, 2008.

¹³ Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет наш мир. – М.: Весь мир, 2004.

При прочтении коммунистических страниц истории России и Китая анализ последствий революции как модернизации приводит к выводу, что структурных содержательных изменений не произошло, а смену власти, с позиции национального менталитета, можно рассматривать как развитие в традиционном русле, но в более упрощённой форме. Так, представители власти, являясь носителями национальных менталитетов, стремятся воспроизводить его даже в «новых» формах. Если крестьяне обслуживали интересы рабочих даже больше, чем потребности дворян, то смена власти в Китае может быть рассмотрена как начало новой династии – династии мандаринов. Как сказал В. С. Черномырдин: «Какую бы мы партию ни строили, все равно получается КПСС». Л. Б. Шнейдер и С. В. Вальцев описали этот механизм таким образом, что в случае нарушения преемственности культуры, человеческая группа будет конструировать ее заново вследствие психобиологической природы человека¹⁴. На наш взгляд, модернизация идей, возможная в России, имеет два варианта развития. Первый путь лежит в русле выявления и актуализации ресурсов нации. Второй же нацелен на собственно изменения структурного характера с помощью внешних мер и внедрение новых конструктов в национальную картину мира, репрезентируемую посредством языка¹⁵.

В свете обозначенной проблемы рассмотрим наиболее значимые предпосылки. Первым наиболее важным концептом в национальной картине мира является восприятие пространства и времени (или пространственно временной континуум). Понимание пространства очень правильно отражено в сказках, куда вписаны события и герои. Сказки транслируют позитивный опыт, который требует реализации в настоящем и ориентацию на него. Российская ментальность знает не пространство, а простор, пространства русских равнин и просторы русской души¹⁶. Пространство предстает как содержание русской идеи, а время как сказал Н. Шелгунов, есть созревшая мысль. В русской картине мира развитие пространства, времени и причинности

¹⁴ Шнейдер, Л. Б., Вальцев, С. В. Социально-психологические особенности национального менталитета, – М.: МПСИ, МОДЭК, 2009.

¹⁵ Негрова, 2011: Negrova M. S. Mental Peculiarities of Stabilization /Modernization Processes in the Russian Society, Political Expertise Journal. 2011 V. 7, № 3. pp. 283-290.

¹⁶ Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.

происходит одновременно во всех направлениях¹⁷ и существует в целом единстве. В китайской картине мира пространство также тесно связано с человеком. Четкое разделение небытия (начало неба и земли) и бытия (матерь десяти тысяч вещей) противопоставляет первое и второе, где человек выделяется как человеко вещь, истинный хозяин обжитого пространства, наделенный разумом¹⁸. Для русских также есть бытие и небытие, которое объединяется в человеке на пути воссоздания личности, могущей направлять течение бытия¹⁹. Близкое понимание мира и места человека в нем объединяет русскую и китайскую картины мира. Однако, обозначенные выше отличия в оперировании в пространстве, отражены также и в языке. Если для русских язык буквально неотделим от письма, что хорошо можно проследить и по исконному русскому языку (например, счастье прежде писалось как щастье), то для китайцев всегда существовало две реальности одна в письменности (иероглифическое письмо), другая в его прочтении (транскрипция). В русской картине мира бытие и небытие предстают в единстве, а активная деятельность рождается с опытом («Хочешь есть калачи, не сиди на печи», «Бог – Бог, сам не будь плох», «Дар Божий – не яичница» и т.д.). В китайской же, человек изначально стоит в материальном мире над всеми вещами, как хозяин материального мира. Четкое разделение материального и духовного, однако, не отменяет ориентацию в оценках на базовые ценности по степени выраженности материального или духовного, а в китайской картине мира усложняет систему оценок. Для русского человека духовность всегда определяет материю, человек полностью отдается во власть Духовного начала. В «Домострое» находим подтверждения тому, что человек должен жить в страхе Божьем. В Библии, что «нельзя служить одновременно Богу и Мамоне». В китайской культуре Небо и Земля разделены, более того, разделены человеком Паньгу. Ориентация на героев и следование им (концепт героизм) имеются и в русской, и в китайской картине мира. В китайской человек имеет возможность более полной самореализации на тех же основаниях реализации идеи «порядочного мужа», освобождения от страхов через осмысление «Дао» и развитие способно-

¹⁷ Степанов Ю. С. Концепт «причина» ..., Логический анализ языка. – М.: Культурные концепты, 1991.

¹⁸ Тань Аоушан Китайская картина мира: язык, культура, ментальность, – М.: Язык славянской культуры, 2004.

¹⁹ Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.

стей человека. В книге перемен написано, что единственное, что никогда не изменится, это постоянная изменчивость всего и человек должен быть внимателен к первым признакам изменений, понимая, что все постоянно развивается и цель жизни – самосовершенствование. Автор находит, что данная особенность способствовала сохранению китайской культуры. Наиболее перспективным для активного включения в трансформационные процессы в России представляется извлечение имеющихся ресурсов из православия и русской культуры. И в данном направлении уже ведется работа. Можно утверждать, что рост православия в России в последние годы обусловлен, в том числе политикой власти. Посещение первыми лицами праздничных служб укрепляют институт Церкви, а путешествие святых накануне выборов снимают напряжение. Русский человек не найдя правды на Земле, ищет ее в Душе. Задавая моду на религию, власть повышает свою легитимность. Пассивность россиян обусловлена непротивлением злу насилием, позицией, что всем воздастся. Активность и протестность появляются с переходом порогового допустимого состояния. Современное российское общество очень неравномерно, о чем свидетельствует высокий децильный коэффициент. Если в развитых странах он в стабильном состоянии не превышает 5-7, то в современной России он приближен к 15-19. Социальная полярность, как результат убеждений людей, свидетельствует о том, что 60 % российского бедного и малообеспеченного населения в силу своих «непротивленческих» убеждений не выражают адекватного ситуации протеста, а те, кто выражают, из медианного класса переходят в средний²⁰. Стоит отметить, что под протестом понимается не только выражение несогласия. Для зрелой личности она может носить также характер активной деятельности по изменению ситуации или отношения к ней. Социальная роль государства велика. Современная российская власть нацелена на включение в модернизацию тех, кто уже занял активную жизненную позицию. Для остальных нанотехнологии и достижения современности непонятны и малодоступны, что подтверждают состав хозяйств и использование дополнительных платных услуг в стратификационной структуре российского общества.

Интересным также представляется близость в понимании своего места в мировоззрении народов обеих стран. Так, для россиян харак-

²⁰ Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа, – М.: Институт социологии РАН, 2007.

терно представление о себе как народе-богоносце, избранности и предопределённости его роли, элементы мессианизма. Для жителей срединного государства также характерно понимание себя как избранного народа, что отражено и в обозначении Китая как Поднебесной, Срединного государства. При этом, если рассматривать традиционную культуру и историю двух стран, то выявляются точки соприкосновения и существенные различия. Китай, в процессе тысячелетних трансформаций и развития, сумел значительно сохранить свою культуру и рефлексию на нее. В то время как русская, изначально славянская культура, подверглась значительному влиянию православия и последующим трансформациям. В результате крещения Руси и прихода к власти большевиков воспроизводство исконной культуры и быта сохранились лишь в сказках и традициях. Ключевым представляется осознание русских и китайцев себя через других, и это нормально для любой нации и человека. Китайцы изначально смотрят на других как на варваров и видят своей задачей просвещать других своей культурой как единственно правильной. Русские в данном отношении занимают пассивную позицию, что объясняется женской природой русской Души, которая никому себя не навязывает и ожидает жениха. В толковании природы русского человека необходимо также вспомнить мифический русский персонаж птицу Сирина и Алконост – два крайних проявления состояния человека печаль и радость в своих наиболее ярких выражениях. Так и русский человек, попадая в одно из состояний, стремится прожить его сполна. Реализация потенциала российского менталитета возможна в развитии уверенности и радости в россиянах. Через счастье, радость и позитивный героизм русский человек сможет ощутить всю полноту силы русской Души. Позитивное решение проблемы усложняющегося социума значительно нивелирует влияние рискогенного фактора, которым так обеспокоен современный социум.

С точки зрения автора концепт героизма народа заслуживает особого внимания, как центральный концепт, составляющий сущность миропонимания и мироощущения. В российской картине мира существует два образа концепта героизма – первый, традиционно-культурный, сложился исторически и отражён в сказках русского народа. Анализ национальных сказок помогает лучше понять культуру народа. В русских сказках воспитывается смелый, уверенный, спокойный, соответствующий запросам ситуации человек. Почему же не все русские люди обладают ярко выраженными характеристиками данного типа? Для того чтобы вековая муд-

рость была проявлена, требуется постоянное ее воспроизводство и закрепление в культуре общества, а Россия с постоянными переворотами и переделами лишается возможности сохранения определённых культурных пластов. Второй образ был выработан в советский период – это героизм страны, общности, которая гордится своей историей и победами. Он очень хорошо описан Л. Гудковым в некоторых исследованиях, опубликованных под общим названием «Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов». В первую очередь, это победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (1989 – 77 %, 1994 – 73 % и 1999 – 85 % ответивших респондентов), радость за спасение всего мира от Гитлеровского фашизма. Из вариантов ответов на вопрос о самом значительном историческом следствии II Мировой войны самый популярный ответ «Уничтожение гитлеровского фашизма» (45 %, 1990 г.)²¹. Серия фокус-групп (12 групп, 160 человек), проведенных автором в Ленобласти в ноябре 2011 года также выявила значимость героики в форме «желания гордиться своей малой родиной, прежними достижениями и земляками». Вопрос гордости за себя и свою Родину в реализации идеи модернизации может быть ресурсным²². Самаркина И. В., изучая политическую картину мира, приводит некоторые примеры из советского опыта: стихотворения про достойное поведение дяди Степы, патриотичные модели поведения, выраженные в любви к Родине, гордость за то, что соотечественник первым побывал в Космосе²³. Гордость россиян за победы, в первую очередь, в Великой Отечественной войне, неоднократно становились предметом манипуляции и мобилизации. В то время как адекватного советским космическим успехам праздника по случаю 50-летия дня космонавтики в России не было ни по инициативе государства, ни общества.

Согласно исследованиям ВЦИОМ в массовом сознании россиян не отпечаталось ничего содержательно важного, что было до револю-

²¹ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. – М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.

²² Негрова М. С. Полиментальные особенности стабилизационных /трансформационных процессов в российском обществе // Политическая экспертиза (ПОЛИТЭК), 2011. Т. 7, № 3. С. 283–290.

²³ Самаркина И. В. Политическая картина мира и экстраординарное в политике, Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований, сб. научн. ст. – Краснодар, 2011, с. 123–129.

ции или конца XIX века. Среди наиболее значительных событий за историю России респондентами назывались большей частью военные победы и такие победы человека, как полет в Космос, и это в стране богатой талантливыми учеными и людьми искусства. Эту ситуацию наглядно демонстрирует и конкурс «Имя Россия», где наибольшей популярностью пользовались военные и государственные деятели²⁴. Можно смотреть на это по-разному: с одной стороны, это проявляет культуру людей с потребностью в сильной руке, грамотном правителе (Петр I, Екатерина II), с другой стороны, свидетельствует о том, что вдохновленные идеей русские люди (по Духу в первую очередь) могут свернуть горы. Для решения социальных проблем в сознание россиян должна плотно вжиться идея, что главные победы – это победы над собой. Ее реализация требует огромных долгосрочных вложений и нацелена на перспективу, а бездеятельность в данном случае губительна. И в этом смысле желание железной леди обратиться к себе является универсальным способом самопостижения и самопостроения. Однако оставим английскую ментальность и культуру.

Выраженность рефлексии в российской культуре значительно ниже, чем в китайской культуре. Китайская философия направляет по пути поиска гармонии, равновесия, спокойствия. На обыденном уровне это проявляется следующим образом: осознание собственной значимости при отсутствии механизмов его осуществления в российском опыте приводит к снижению целеполагания у большей части населения и актуализации потребности порядка и справедливости, как обеспечения безопасности, в то время как носители китайской культуры нацелены на ее воспроизводство в мировых масштабах. И если рассматривать положения россиян и китайцев в пирамиде потребностей, то разрыв существенный, и в первую очередь это проявляется в определении идентичности. Для российского общества в современных условиях преобразования в умонастроениях его членов выступают скорее условием сохранения и потенциалом для дальнейшего развития. Актуализация ресурсов российской ментальности, повышение аутопозитивности национального самопознания с целью развития российского общества в условиях глобальной дифференциации и усложнения предполагают, что современная российская власть и отдельные граждане должны между Сциллой и Харибдой, и, не впадая в фатализм и прочее,

²⁴ Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. – М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.

перейти на новый уровень организации и самоорганизации общества, основанный на полном принятии ответственности за себя и свое будущее. Пожелаем, чтобы это был путь добра и созидания!

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет наш мир. – М.: Весь мир, 2004.
3. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб.: Питер, 2002.
4. Бек: Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – New Delhi: Sage, 1992.
5. Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема как воплощение парадоксального развития российского общества // Вестник РГГУ. Серия Социология. Вып. 2. 2010.
6. Кравченко С. А. Играизация общества: блага и проблемы // Сборник научно-популярных статей – победителей конкурса РФФИ 2007 года. Выпуск 11. – М., 2008. С. 270-276.
7. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1999.
8. Бляхер Л. Е. Нестабильные социальные состояния. – М.: РОСССПЭН, 2005.
9. Урри: Urry, John. Global Complexity. – Polity, 2003.
10. Урри: Urry, John. The complexity turn // Theory, culture and society. – Sage, 2005, 22 (5).
11. Урри: Urry, John. Mobilities. – Polity, 2007.
12. Парк: Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. – Chicago, 1928. Vol. 33, № 6. P. 881-893.
13. Граус Ф. Менталитет в средневековье. История ментальностей и историч. антропология. Зарубежн. исследования в обзорах и рефератах. – М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т. 1996.
14. Философский словарь. Под ред. И.Т.Фролова. – М.: Республика, 2001.
15. Шнейдер, Л. Б., Вальцев, С. В. Социально-психологические особенности национального менталитета, – М.: МПСИ, МОДЭК, 2009.
16. Негрова, 2011: Negrova M. S. Mental Peculiarities of Stabilization/Modernization Processes in the Russian Society, Political Expertise Journal. 2011 V. 7, № 3. pp. 283-290.

17. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006.
18. Степанов Ю. С. Концепт «причина» ..., Логический анализ языка. – М.: Культурные концепты, 1991.
19. Тань Аоушан Китайская картина мира: язык, культура, ментальность, – М.: Языки славянской культуры, 2004.
20. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: Институт социологии РАН, 2007.
21. Самаркина И. В. Политическая картина мира и экстраординарное в политике, Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований, сб. научн. ст. – Краснодар, 2011, с. 123-129.
22. Домострой. – М.: Наука, 1994 (Серия «Литературные памятники»).
23. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 гг. – М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004.
24. Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // СОЦИС (Социологические исследования), 2011. № 9. С. 3-18.
25. Негрова М. С. Полиментальные особенности стабилизационных/трансформационных процессов в российском обществе // Политическая экспертиза (ПОЛИТЭКС), 2011. Т. 7, № 3. С. 283-290.
26. Крысько В. Г. Этническая психология. – М.: Академия, 2008.

ЧЕЛОВЕК, ЕГО ПРАВА И ДЕМОКРАТИЯ: АБСОЛЮТНА ЛИ ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭТИХ ЦЕННОСТЕЙ?

Демократия одна из древнейших форм самоуправления общества, обладающая массой достоинств. Она может способствовать защите интересов отдельного человека, в том числе, соблюдению его прав. Однако в настоящее время в СМИ распространяются иллюзорные представления о демократии как способе управления обществом, являющемся едва ли не панацеей от общественных зол, а наличие ее едва ли не автоматически обеспечит мир, процветание и благополучное существование всех и каждого. Вероятно, поэтому с восторгом приветствуются «цветные» и «цветочные» революции, произошедшие в последние годы в странах Восточной Европы, а также в исламском мире. Вероятно на основе иллюзий (если только нет сознательных, но скрываемых намерений) западные демократии во главе с США стимулируют процесс демократизации в глобальном масштабе под лозунгом защиты прав человека, используя при этом идеологические, политические, экономические и военные средства.

Однако реальная история не подтверждает, что демократия приносит мир и благополучие, обеспечивая права человека всегда и везде.

Во-первых, демократические государства не менее агрессивны, нежели государства авторитарные. Агрессивными были Афины, Спарта и республиканский Рим, Французская республика после свержения с престола Людовика XVI, европейские демократии в XX веке. США, объявившие себе арбитром в вопросах демократии, практически на протяжении всей своей истории (начиная с войны с Мексикой) ведут агрессивные войны. Не случайно, по-видимому, А. Тойнби назвал Запад «архиагрессором»¹.

¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: Прогресс-Культура. – СПб.: Ювентус, 1995.

Во-вторых, демократия отнюдь не автоматически обеспечивает права человека. Как совместить с ними ужасающий террор со стороны французских республиканцев во время Великой Французской революции, равно как рабовладение и работорговлю в США (с участием в работорговле Англии)? Совместимо ли с правами человека широко-масштабное применение дефолиантов США в войне с Вьетнамом, причинившее вред генетическому здоровью людей (вьетнамцев и американских военнослужащих)?

Не исключено, что учитывая подобные факты (а их можно продолжать до бесконечности), произнес У. Черчилль свою знаменитую фразу: «Демократия – худшая форма правления за исключением всех других форм, которые иногда испытывались»². И если Черчилль действительно видел ужасные факты, связанные с демократией, а не просто произнес красивую фразу в ее защиту, то, значит, следует внимательно рассмотреть, в каких условиях демократия оказывается эффективной в защите человека и его прав, а в каких является «худшей формой правления». Рассмотрим эту проблему, вкратце коснувшись важнейших условий эффективности демократии в глобальном масштабе и в российском обществе.

С самого начала следует отметить, что непременным условием эффективности демократии как формы самоуправления является достаточное согласие членов любого объединения относительно их важнейших интересов и ценностей. Без этого согласия самоуправление формально демократическими средствами окажется неэффективным или даже невозможным. Не случайно в свое время Т. Джефферсон заметил, что «существование фундаментальных прав и достойное поведение правительства, в конечном счете, зависит от внутренних убеждений, не от конституции»³.

С учетом того, что навязываемая западными странами всему миру демократизация общества основана на признании человека и его прав высшей ценностью, возникает целый сонм вопросов об оправданности и разумности проводимой Западом политики, особенно, когда она поддерживается силовыми методами. Но наиболее важными представляются два теоретических вопроса: 1) насколько согласуется с интересами всего человечества (которое также является ценностью)

² Gaubatz recalls Churchill's famous dictum from a House of Commons speech on Nov. 11, 1947 / [http://wais.stanford.edu/Democracy/democracy_DemocracyAndChurchill\(090503\).html](http://wais.stanford.edu/Democracy/democracy_DemocracyAndChurchill(090503).html).

³ Цитаты о демократии / <http://www.vy-narod.ru/quotes.html>.

провозглашение человека с его правами высшей ценностью и основой демократии? и 2) в каком отношении к существованию национального государства и его интересам находится такая ценность как человек с его правами?

Рассмотрим первый вопрос: о соответствии с интересами человечества провозглашение человека с его правами высшей ценностью и основой демократии.

Заметим, в несколько иной формулировке, человек объявлен одной из высших ценностей в Преамбуле к Уставу ООН, в которой выражена решимость «утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций» [Устав ООН]. Подобная формулировка вполне понятна в историческом контексте создания ООН. Человечеству, пережившему за четверть века две страшные мировые войны, узнавшему об ужасах нацистских концлагерей, страстно хотелось навсегда избавиться от подобных бедствий. Отдадим должное тогдашним государственным деятелям, попытавшимся выразить и закрепить стремление человечества к миру и безопасности. Однако с учетом опыта, накопленного за прошедшее время, позволительно спросить, а верна ли выбранная ими основа? Действительно ли человек (личность) с его правами может стать важнейшей ценностью, сохранение которой станет важнейшей обязанностью всех государств?

Подобная постановка вопроса может показаться антигуманной и аморальной. Но свободная мысль, сама по себе, не связана соображениями нравственности. Нравственной оценке подлежат не мысли, а действия, в частности, действия, связанные со стремлением к конкретным ценностям. Поэтому вполне можно задать вопрос, действительно ли безупречна основа международного права, ставящая важнейшим своим принципом соблюдение прав человека (которые, разумеется, должны соблюдаться) и провозглашение человека высшей ценностью?

Внимательное рассмотрение этой основы приводит к выводу об ее скрытой порочности, поскольку признание человека высшей ценностью приводит к важнейшей (явной) проблеме человечества в условиях глобализации – экологической, а также к другим проблемам – гонке вооружений, росту напряженности и пр.

Дело в том, что экологическая проблема (истощение ресурсов и загрязнение окружающей среды) является следствием не столь очевидной проблемы, а именно, проблемы самореализации человека в обществе без вреда для окружающей среды.

В западной, рыночной, цивилизации люди утверждают (само-реализуют) себя в обществе по преимуществу через богатство и хозяйство, которые требуют материальных ресурсов. Понятно, что если число людей стремящихся к ним постоянно растет, причем повышается минимально приемлемый уровень богатства, то для длительного существования этой цивилизации нужны неограниченные ресурсы, что невозможно. Борьба за ресурсы влечет гонку вооружений, рост напряженности и пр.

Западная, рыночная, цивилизация идеологически оформилась в Европе после Великой Французской революции, суть которой состояла в том, что «самовластие человеческого я» было возведено в политическое и общественное право и в силу этого права стремилось «овладеть обществом»⁴. Иначе говоря, ценность «личность» стала доминировать над ценностью «общество». Прошло чуть более двухсот лет, и результаты таковы, что неизвестно, просуществует ли эта цивилизация еще столько же. Вообще, нелепа и опасна ситуация, когда часть оказывается выше целого. Это ситуация раковой опухоли, когда составляющие ее клетки, вполне жизнеспособные, начинают самопроизвольно размножаться, выйдя из-под контроля организма.

Но если ценность «человек» («личность») не может быть высшей ценностью, то какую же ценность следует положить в основу общества способного длительно и устойчиво существовать? А, следовательно, и в основу международного права?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо кратко рассмотреть проблему иерархии высших общечеловеческих ценностей. В их число входят: человечество, человек, общество, личность, природа, мыслящий дух (Бог)⁵. Высшими общечеловеческими они называются потому, что представляют собой необходимые условия существования разумной жизни на Земле, причем в настоящее время забота об их сохранении становится делом всех людей вместе и каждого по отдельности.

В целом, названные ценности понимаются интуитивно, за исключением выражения «мыслящий дух», которое в свое время использовал Ф. Энгельс, выразив печальную уверенность в том, что «материя ... с железной необходимостью ... когда-нибудь истребит на

⁴ Тютчев Ф. И. Россия и революция / Русская звезда. Стихи. Статьи. Письма. – М.: Русская книга. 1993.

⁵ Смирнов П. И. Фундаментальные ценности общества: универсальная типология / Теоретический журнал Credo new. 2011. № 2. С.67-85.

земле свой высший цвет – мыслящий дух»⁶. Достаточным эквивалентом этому выражению может быть понятие «ноосфера», введенное В.Вернадским, и характеризующее новое эволюционное состояние биосферы⁷. Удачное описание ноосферы (мыслящего духа) принадлежит Тейяру де Шардену, согласно которому речь идет о «гармонизированной общности сознаний, эквивалентной своего рода сверхсознанию», когда «Земля не только покрывается мириадами крупинок мысли, но окутывается единой мыслящей оболочкой, образующей функционально одну обширную крупинку мысли в космическом масштабе»⁸.

Краткое рассмотрение логически вытекающих следствий в случае принятия одной из них в качестве наивысшей приводит к выводу, что основой ценностной структуры должен стать именно мыслящий дух. Принятие любой другой ценности в качестве таковой логически приводит к неприемлемым следствиям.

В частности, признание общества в качестве наивысшей ценности влечет появление общественного строя, обозначаемого как «тоталитарный». Практика показывает, что этот строй крайне неудобен для существования и свободного развития человека, излишне строго и жестко регламентируя человеческую жизнь.

Если признать в качестве таковой ценности природу, то, очевидно, лучше всего ее сохранить, устранив из нее человечество в его настоящем виде, но едва ли это решение приемлемо для нас.

Признание высшей ценностью человечества как биологического вида означает, с точки зрения его сохранения, возвращение его в каменный век. На этом уровне человек «вписывается» в природу, практически не вредя ей. Но движение в этом направлении также неприемлемо (по многим основаниям).

Что касается такой ценности, как Бог, то проблема состоит в отсутствии единой веры в единого Бога на планете. Теоретически, если бы такая вера была возможна, забота о сохранении присутствия Бога на Земле (в душах людей) потребовала бы примерно тех же самых усилий, что и сохранение мыслящего духа. Но в ближайшей перспективе подобная ситуация крайне маловероятна. Скорее следует ожидать достаточно жесткой борьбы представителей разных вероучений, считающих собственную веру единственно «истинной».

⁶ Энгельс Ф. Диалектика природы / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.

⁷ Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. – М., 1991.

⁸ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.

Только признание мыслящего духа в качестве наивысшей ценности не приводит к таким печальным следствиям. Сохранение разумной жизни на Земле требует достойного сохранения всех упомянутых высших общечеловеческих ценностей, гармонизации отношений между личностью и обществом, а также между обществом и природой. Кроме того, подобное признание могло бы устранить фундаментальное противоречие между верующими и атеистами.

Дополнительным следствием признания мыслящего духа наивысшей ценностью могла бы стать смена ценностей, с помощью которых человек самоутверждает себя в обществе. Место богатства и хозяйства заняли бы те, что не требуют материальных ресурсов: святость, знание, мастерство в духовной сфере, слава, власть.

В целом, речь может идти о духовно-игровой цивилизации как долговременном ориентире, необходимом для управления эволюцией общества⁹. Построение подобной цивилизации, «радостный труд... в единомышленном созидании Духа Земли»¹⁰ стали бы лучшим оправданием нашего существования на Земле. Только на основе здоровой системы фундаментальных ценностей общества возможно достойное существование человечества.

Однако из сказанного ясно, что пока о «единомышленном созидании Духа Земли», а значит, и о демократии во всемирном масштабе приходится только мечтать. Более реалистичной формой управления могла бы стать меритократия, но и она относится сейчас к сфере абстрактных возможностей. В целом же, демократия как форма самоуправления общества, опирающаяся на признание человека высшей ценностью, во всепланетном масштабе невозможна, а ее внедрение насильственными методами приведет только к усилению хаоса и неопределенности в мире.

Коснемся теперь второго вопроса: о совместимости существования суверенного национального государства с признанием высшей ценностью человека с его правами. Рассмотрим его на примере России, но, прежде всего, напомним, что по И. А. Ильину, в государстве, как субъекте права, совмещаются черты двух принципиально различ-

⁹ Смирнов П. И. Духовно-игровая цивилизация как ориентир для управления эволюцией общества / Санкт-Петербургский социологический ежегодник, 2009 / Отв. редакторы: А. О. Бороноев, Н. Г. Скворцов. – СПб.: Астерион, 2009. С.119-135.

¹⁰ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.

ных социальных институтов, удовлетворяющих интересы людей: корпорации и учреждения.

Корпорация, по Ильину, начинается с индивидуума и строится на изъявлении его воли, с учетом его свободы и интереса. Она строится снизу вверх, основывая все на голосовании, на свободно принятом общем интересе. В результате возможен идеал формальной демократии, выражающийся в лозунге: «Все через народ!».

Учреждение (школа, больница) строится не снизу, а сверху, даже в том случае, если оно возникло на основе всенародного голосования. Оно строится по принципу опеки над заинтересованными в нем людьми, которые удовлетворяют с помощью учреждения свой интерес, получают от него пользу, но не формулируют сами этот интерес. Лица, обслуживаемые учреждением, не имеют полномочий строить его, не входят в его состав. Учреждение само решает, на каких условиях и до каких пор они могут быть допущены в него. Учреждение имеет свои права и обязанности, устав, руководящие органы, но все это получает не от опекаемых. Оно не отчитывается перед ними, органы его не выбираются, а назначаются.

В разных типах государствах сочетаются, но в разной пропорции, как элементы корпорации, так и элементы учреждения. Элементами корпорации являются выборы, референдумы, соборы (учредительные собрания), где выражается воля граждан (или подданных). Элементы учреждения заметны в защите государством жизни, безопасности, имущества своих граждан, а также в требованиях, предъявляемых гражданам со стороны государства: об уплате налогов, прохождении воинской службы, законопослушании и т.д. Кроме того, само гражданство большинство людей получают независимо от своей воли.

Понятно, что последовательно проведенный принцип учреждения ведет к установлению в стране тоталитарного строя, где опека над гражданами возведена в принцип, а государство стремится регламентировать всю деятельность людей. Но полная регламентация – это, в сущности, казарма или даже каторга.

Полное же господство корпоративного принципа ведет к анархии, к чему вольно ли невольно стремятся сторонники формальной демократии. Кроме того, корпоративный строй требует от граждан некоторых важных качеств, которые должны быть сформированы у них. Совокупность этих качеств может быть названа «зрелым правосознанием».

И. А. Ильин, отмечая и другие причины, действие которых не позволяет последовательно провести принцип формальной демократии при строительстве государства, а требуют наличия в нем элементов учреждения, в целом приходит к выводу, что единого мерила, единого образцового строя для всех народов и государств нет и быть не может. Крайние лозунги – «все сверху» и «все снизу», – соблазнительные для людей примитивного мышления и страстного темперамента, одинаково несостоятельны и опасны. Государство по существу своему есть организация не частноправовая, а общественно-правовая, властно-повелительная, обязательно-принудительная. Поэтому, оно никогда не перестанет быть учреждением и никогда не превратится в кооперацию чистой воды¹¹.

Трудно не согласиться с выводом, что единого образцового строя для всех народов и государств нет и быть не может. И его непременно должны учитывать наши записные «демократы», бездумно копирующие образцы демократического поведения и тиражирующие лозунги, заимствованные на Западе. Тем не менее, независимо от степени демократичности-недемократичности любого суверенного государства существуют главная ценность и главный интерес, охранять и удовлетворять которые оно обязано. Согласие граждан относительно этой ценности и этого интереса – неперенное условие (разумеется, не единственное) более или менее достойного существования государства и его граждан, а также развития в нем демократических процессов. О чем же конкретно идет речь? Рассмотрим эти ценность и интерес на примере нынешней Конституции РФ, в которой они отражены крайне неудовлетворительно.

Во второй, основополагающей, статье Конституции утверждает-ся, что «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и граждани-на – обязанность государства». Некоторые считают эту статью «самым конструктивным демократическим элементом» конституционно-го строя современной России¹². Иначе говоря, человек и есть та выс-шая ценность, относительно которой должно существовать согласие в

¹¹ Ильин И. А. Что есть государство – корпорация или учреждение? / Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов. В 2-х т. Т. 1. – М.: МП «Рарог», 1992. с.84-89.

¹² Становление новой российской государственности: реальность и перспективы (Открытый доклад). Отв. ред. Г. Бурбулис. – М.: изд-во УРСС, 1996.

обществе, а объединяющем всех национальным интересом – соблюдение его прав и обязанностей.

Но позволительно спросить, о каком человеке и о каком гражданине идет речь? Если текст статьи понимать буквально, то речь идет о *любом* человеке и гражданине *любой* страны, чьи права и свободы обязана защищать РФ. Формально ими могут быть права и свободы любого жителя планеты, равно как персонажа известного анекдота советских времен, которого *видел* представитель малой народности, вернувшийся из Москвы после очередного съезда (в анекдоте высмеивается лозунг советского времени, согласно которому все в стране делалось «во имя человека, для блага человека»). Возможно, в упомянутой статье Конституции «подразумевается», что речь идет о гражданине России и человеке, как жителе страны, но в законодательных актах, тем более в Основном законе, не должно быть неких «фигур умолчания», когда смысл того или иного положения «подразумевается».

Поскольку ясно и недвусмысленно ни основная ценность, ни основной национальный интерес в Конституции РФ не заявлены, полезно обратиться к опыту отечественной и зарубежной мысли, представители которой рассматривали основополагающие принципы государственного строительства.

В частности, Н. Я. Данилевский утверждал, что «государство есть ...такое состояние общества, которое обеспечивает членам его покровительство личности и имущества», а также «жизнь, честь и свободу национальную»¹³. Фактически в этом высказывании содержатся указания на две главные ценности (личность и нация) и национальный интерес, состоящий в защите этих двух ценностей. Заметим попутно, что в удивительной по «глубине мысли» статье 4 Конституции заявлено, что РФ «обеспечивает» всего лишь «целостность и неприкосновенность своей территории». Неужели весь многонациональный народ России не является ценностью в умах наших государственных мужей, а его целостность неприкосновенности не подлежат защите?

Признав, что высшей ценностью суверенного государства является ее гражданин (вопрос о нации как его второй основной ценности

¹³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романно-германскому. Изд. 6. – СПб.: Издательство «Глаголь», издательство С.-Петербургского университета. 1995.

требует особого рассмотрения), попытаемся уточнить понимание основного национального интереса, связанного с этой ценностью.

Вероятно, некоторым читателям старшего поколения (равно как защитникам «прав человека» и отдельным сторонникам либеральных взглядов) покажется не вполне политкорректным утверждение, что принципиально верное и более конкретное (по сравнению с Данилевским) понимание национального интереса высказали в свое время идеологи пиночетовского переворота. Хотя их моральные устои могут быть поставлены под сомнение, учитывая человеческие жертвы во время и после переворота, но принципиально верные мысли могут высказываться людьми и с сомнительной нравственностью. От этого принципы не могут утратить своей истинности и значения.

Упомянутые идеологи, оправдывая необходимость переворота, заявили, что «цель государства – всеобщее благо, которое правительственная хунта определила как «совокупность условий, позволяющих всем чилийцам и каждому в отдельности реализовать себя как личность». ... Общее благо не есть благо государства. Но оно не есть также и благо большинства или, тем более, меньшинства. ... Это совокупность условий, позволяющих всем членам общества и каждому в отдельности достичь своего подлинного индивидуального блага (курсив наш – авт.). ... Общее благо – это цель, достичь которой полностью никогда не удастся. ... Тем не менее государство по мере своих возможностей должно всячески стремиться к ней»¹⁴.

С точки зрения конкретизации национального интереса крайне важными в этом тексте оказываются два положения. Во-первых, упоминание о «всех чилийцах» и «каждом» в отдельности», а значит, речь идет не о благе некоего абстрактного человека, но о чилийце как гражданине Чили. Во-вторых, указание на то, что национальный интерес понимается как совокупность условий, позволяющих всем членам общества достигать своего подлинного индивидуального блага.

Соответственно, национальный интерес можно определить, в первом приближении, как совокупность условий, обеспечивающих индивидуальное благо каждого представителя нации (равно – гражданина государства). Но что можно назвать индивидуальным благом? Как его можно трактовать, чтобы эта трактовка была более или менее приемлема для всех членов общества?

¹⁴ Декларация принципов военного вмешательства / Московские новости, 1993 г.

Думается, можно достичь согласия большинства, если понимать индивидуальное благо как наиболее полную самореализацию (развитие) человека в обществе. Создание условий для подобного развития и является задачей государства. При этом отдельное государство *не обязано* создавать и обеспечивать условия для самореализации (развития) *любого* человека, жителя планеты. Оно обязано делать это только по отношению к своим гражданам. По отношению же к гражданам других стран оно обязано делать это лишь на основе взаимности, в рамках международного права или по соглашению с другим государством (хотя, конечно, может делать добрые дела по соображениям гуманности). Применительно к России национальный интерес должен пониматься *как совокупность условий, обеспечивающих развитие каждого гражданина России.*

В свою очередь, эту формулировку также следует уточнить, опираясь на простейшее представление о человеческой природе. Человек – сложное существо, микрокосм, как его называли греки, и его можно рассматривать в трех основных ипостасях: природной, социальной и духовной (человек природное, социальное и духовное существо). Следовательно, совокупность условий, создаваемых и защищаемых государством, призвана обеспечить надлежащее развитие всех упомянутых сторон человеческой природы.

Соответственно, статья 2 Конституции (или аналогичная) должна была бы звучать примерно так: «Высшей ценностью в Российской Федерации признается ее гражданин, его жизнь, достоинство, права и свободы. Государство обязано создавать и защищать условия, позволяющие каждому своему гражданину реализовать себя как природное, социальное и духовное существо».

К каким, вполне очевидным, следствиям могло бы привести выполнение государством обязанностей в соответствии с подобной формулировкой данной статьи?

Создание условий для самореализации каждого гражданина как природного существа должно привести к укреплению биопотенциала населения России и его расширенному воспроизводству. В первую очередь, это касается русского народа, без сохранения и, отчасти, оздоровления которого невозможна целостность РФ. А к чему приводит разрушение целостности государств хорошо известно из печального опыта развала СССР и Югославии. Современная демографическая политика российского государства в этой связи отчасти заслуживает поддержки, хотя упор на материальные стимулы явно недостаточен.

Коренное население, так называемых, «развитых, европейских стран неуклонно сокращается, хотя материальные условия жизни в них пока намного выше российских. Требуются меры духовного плана, но освещение их выходит за рамки данной статьи.

Самореализация человека в социальной сфере должна иметь результатом мощный средний класс и более справедливое распределение собственности на средства производства. Лишь наличие этого класса способно обеспечить необходимый минимум общественного согласия. Численность его должна быть доведена до 60-70% от общей численности населения, тогда как ныне по оптимальным (не фантастическим) подсчетам доля среднего класса не превышает 25%, а по трезвым оценкам – 12-15%¹⁵.

Необходимо выработать долговременную политику, направленную на изменение результатов пресловутой «приватизации». Собственность в России действительно должна стать доступной для каждого ее гражданина. Конкретные меры по осуществлению этой политики требуют специального обсуждения. Однако должны подвергнуться нравственному осуждению и общественному ostrакизму как идеологи приватизации, так и наиболее успешные «прихвизаторы». На людях определенного сорта всегда должна «гореть шапка» (да и на их потомках тоже, если они пользуются плодами преступлений своих родителей).

Создание мощного среднего слоя («хозяев») – первейшая задача модернизации российского общества, хотя, похоже, власть имущими эта задача не понимается. Эксперимент в Сколково, даже при его успешном завершении, может оказаться очередной «потемкинской деревней», если не будет модернизирована социальная структура России, где найдутся люди, «жаждущие» научно-технических достижений и «впитывающие» их. Без реальных хозяев технологическая модернизация «зависнет» как программа в компьютере. Правда, эту социальную модернизацию, которая призвана воспроизвести социальную структуру западного общества следует считать лишь тактической задачей. Длительное существование рыночной цивилизации, признаки которой доминируют в западном обществе, сомнительно, о чем сказа-

¹⁵ Привалов А. Сколько граждан России относится к среднему классу / www.4p.ru.

но выше. В ближайшей перспективе ему потребуется собственная перестройка¹⁶.

Мощный слой хозяев является необходимой социальной предпосылкой для формирования ряда важнейших *духовных качеств* российского гражданина, в частности, патриотизма. Чтобы стать подлинным гражданином, хозяином страны, большинству людей необходимо иметь не только формальные права гражданина и человека, отраженные в законодательных актах. Им мало иметь также историческую память и чувство любви к родной природе и собственному народу, т.е. чисто духовные качества. Без материальной опоры духовные качества настоящего гражданина могут сформироваться разве что у подвижников, почти святых, подобных пушкинскому Пимену («Борис Годунов»). Обычному же человеку необходима некая мера «своего», «кровного», которое необходимо защищать. Это неперемнное условие возникновения в рядовом человеке стойкого «хозяйственно-патриотического» чувства. В противном случае, многие попытаются, действуя по известной пословице, поискать место «где лучше».

Необходимо помнить, что слово «Родина» несет в себе не только нравственно-эмоциональное содержание, связанное с историей народа и милыми с детства картинами природы. Оно включает в себе *практически-правовой* смысл, согласно которому Родина – это *место на Земле, где человек является хозяином по праву рождения*. Он получает от предков оплаченное их кровью право «решать судьбу народа и державы» и, если хочет прожить достойную жизнь, обязан защитить его и передать потомкам. Очевидно также, что только наличие слоя хозяев-собственников способно обеспечить необходимый минимум общественного согласия.

Помимо опоры на материальные корни, духовное развитие граждан России предполагает также опору на тысячелетние традиции национальных культур всех российских народов, укрепление исторической памяти, возрождение национальной идентичности. Только в этом случае возможны: 1) принятие каждым гражданином личной ответственности за происходящие в стране события, и 2) формирование духовного единства страны. В этой связи настоятельно требуется изменение статьи 43 Конституции РФ, где гарантируется лишь основ-

¹⁶ Смирнов П. И. Социология личности. Учебное пособие. 2-е изд. – СПб.: СПбГИПСР, 2007.

ное общее (9 классное) образование. Эта статья недостойна современного общества, особенно с учетом объявленной политики модернизации страны. Необходимо вернуться к норме советской Конституции, в которой гарантировалось бесплатное получение полного среднего (11-ти классного) образования.

Создание условий для самореализации гражданина России как природного, социального и духовного существа является национальным интересом России на все времена. Закрепление его в Основном Законе страны позволит проводить осмысленную внутреннюю и внешнюю политику и явится важнейшим условием демократизации российского общества. В целом, можно сделать вывод, что высшей ценностью суверенного государства является не некий абстрактно понимаемый человек, а именно гражданин данного государства как природное, социальное и духовное существо. Внесение этой ценности в основной закон государства – необходимое важнейшее условие построения в России подлинной демократии.

В завершение отметим, что связь демократии с такой ценностью, как человек с его правами, не является ни абсолютной, ни даже рациональной. Она может явиться приемлемой формой самоуправления общества в случае признания ее инструментальной ценностью по отношению к некоей терминальной ценности, относительно которой существует всеобщее согласие. Во всемирном масштабе такой ценностью должен быть признан мыслящий дух. В случае суверенного государства – его гражданин, понимаемый как природное, социальное и духовное существо. Применительно к условиям России следует сказать, что пока в Основной Закон страны не внесены необходимые поправки, юридически защищающие высшую ценность государства (его гражданина) и обеспечивающие соблюдение национального интереса (создание максимально благоприятных условий для развития каждого гражданина), построение в ней подлинно демократического строя останется пустой мечтой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: Прогресс-Культура. – СПб.: Ювентус, 1995.
2. Kurt Gaubatz recalls Churchill's famous dictum from a House of Commons speech on Nov. 11, 1947 /

[http://wais.stanford.edu/Democracy/democracy_DemocracyAndChurchill\(090503\).html](http://wais.stanford.edu/Democracy/democracy_DemocracyAndChurchill(090503).html)

3. Цитаты о демократии / <http://www.vy-narod.ru/quotes.html>.

4. Тютчев Ф. И. Россия и революция / Русская звезда. Стихи. Статьи. Письма. – М.: Русская книга. 1993.

5. Смирнов П. И. Фундаментальные ценности общества: универсальная типология / Теоретический журнал Credo new. 2011. № 2. С.67-85.

6. Энгельс Ф. Диалектика природы / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.

7. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. – М., 1991.

8. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.

9. Смирнов П. И. Духовно-игровая цивилизация как ориентир для управления эволюцией общества / Санкт-Петербургский социологический ежегодник, 2009 / Отв. редакторы: А. О. Бороноев, Н. Г. Скворцов. – СПб.: Астерион, 2009. С.119-135.

10. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.

11. Ильин И. А. Что есть государство – корпорация или учреждение? / Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов. В 2-х т. Т. 1. – М.: МП «Рарог», 1992. с.84-89.

12. Становление новой российской государственности: реальность и перспективы (Открытый доклад). Отв. ред. Г. Бурбулис. – М.: изд-во УРСС, 1996.

13. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романогерманскому. Изд. 6. – СПб.: Издательство «Глаголь», издательство С.-Петербургского университета. 1995.

14. Декларация принципов военного вмешательства / Московские новости, 1993 г.

15. Привалов А. Сколько граждан России относится к среднему классу / www.4p.ru.

16. Смирнов П. И. Социология личности. Учебное пособие. 2-е изд. – СПб.: СПбГИПСР, 2007.

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВАХ: РОССИЯ, КАЗАХСТАН, УКРАИНА

В основе данной статьи лежат результаты работы по теме НИР «Традиции и проблемы преемственности российской идеологии». (Темплан НИР СПбГУ, шифр: 10.41.281.2011) и по проекту «Образовательные стратегии казахстанской молодежи в контексте формирования интеллектуального потенциала страны и их соответствие динамизации рынка труда», реализуемом в Карагандинском государственном университете имени академика Е. А. Букетова, Республика Казахстан.

Понятие поколения предложено немецким философом XIX века Вильгельмом Дильтеем и развито в XX веке социологом К. Мангеймом. В их классическом определении поколение означает совокупность возрастных когорт, переживших одни и те же значимые исторические события в возрасте наибольшей восприимчивости к ним, проще говоря – в молодости. Отсюда возникают различия между поколениями как результат социализации в разных общественных условиях и под влиянием разных событий, пришедшихся на их молодые годы. Отсюда следует, что чем длиннее определенный исторический период, представляющий собой примерно одинаковые условия жизни и социализации, тем больше возрастных когорт приобретут общий одинаковый социальный опыт и тем больше по численности будет поколение. И наоборот, чем ярче перемены в обществе, чем быстрее смена поколений, тем больше будет различий между представителями молодежи, чья молодость приходится на те или иные повороты истории (кризисы, периоды стабилизации, повороты политического курса). Иными словами, различий между поколениями будет больше, а сами поколения станут меньше по численности и по возрастным когортам, составляющим их ядро. В работах Мангейма имеется базовый понятийный аппарат для такого анализа поколений, включающий по-

нятия «положение поколения» в обществе, поколенное единство и связь поколений. Эти понятия восприняты в исследованиях поколений и развиты в современных социальных науках.

Существует высокопродуктивная техника работы с эмпирическими данными, позволяющая изучать особенности социальных характеристик поколений на основе объединения данных об историческом периоде и возрасте человека. Эта техника представляет собой разновидность когортного анализа, названную APC-Analysis (Age-Period-Cohort-Analysis – анализ возраста – периода – когорты), позволяющую разграничить эффекты возраста, исторического периода и поколения. Техника пришла в социальные науки из демографии в качестве так называемой демографической решетки, разработанной немецким ученым Вильгельмом Лексисом (1837–1914). Однако в российских социальных науках, да и в немецких и английских, она используется редко, несмотря на ее эффективность (правда, связанную с большими затратами труда на должную подготовку эмпирических данных).

Вместо этого эмпирические исследования поколений строятся, как правило, на группировках возрастных когорт в 5-летние или 10-летние общности, которые тем самым не вполне корректно связаны с событиями истории, которая зачастую тоже измеряется десятилетиями, но на самом деле не идет десятилетними шагами. [См. напр.: 6; 19-21]. Так, в новом фундаментальном исследовании поколений, вышедшем в свет в 2009 г. (Семенова В. В. Социальная динамика поколений) связь формирования поколений с историей России также реализована недостаточно эффективно из-за группировки когорт в 10-летние совокупности. Так, В. В. Семенова с учетом ответов респондентов (2002 г.), разграничивает четыре поколения: околовоенное (когортное ядро поколения от 65 до 75 лет, 1930–1940 г.р.); доперестроечное (50–60 лет, 1950–1960 г.р.); поколение переходного периода (35–45 лет, 1960–1970 г.р.) и постперестроечное поколение (23–30 лет, после 1980 г.р.) [5; 109].

Таким образом, до сих пор в нашей социологии методологическая и эмпирическая основа поколенческих исследований является недостаточно развитой, причем основной методологической трудностью является вопрос о корректном аналитическом разграничении поколений. Порой это приводит к увлечению числами и циклами. Так в выше дискуссии между российскими социологами Б. Докторовым и В. Ядовым о поколениях отечественных социологов, несмотря на тес-

ную связь обнаруженных поколений с историческими условиями, определяющими карьерный дебют специалиста-социолога, утверждает, что в нашей стране новые поколения профессионалов возникают строго через 12 лет, что, по мнению авторов, подтверждается эмпирически [3; 52]. Такая жесткая схема тут же вызывает критическую реакцию [5; 63].

На наш взгляд, в основу дифференциации поколений следует положить более выверенную связь социализации возрастных когорт с историей общества, сменой исторических этапов и периодов. Такой подход использован нами в дифференциации поколений российского общества на рубеже веков [1]. При этом учтена общепризнанная периодизация истории России XX века, использован опыт польских исследований поколений, содержащей методологический аппарат, применяемый к исследованию массовой социализации возрастных когорт в условиях перемен и разграничения на этой основе поколений как символических и в то же время реальных общностей. Так, польский социолог Б. Голембиовский различает период общей вторичной социализации политического поколения (общий период молодости, в его терминологии), представляющий собой отрезок времени между годом, в котором первая когорта поколения достигает 14-летнего возраста и годом, в котором последняя когорта поколения достигает 29-летнего возраста. Он выделяет также период интенсивной вторичной социализации поколения, представляющий собой отрезок времени, в котором первая когорта поколения достигает 20-летнего возраста и годом, в котором последняя когорта этого же поколения тоже достигает 20-летнего возраста. С помощью этих понятий удастся предложить корректное решение проблемы разграничения когорт и когортного состава политических поколений, связанного с крупными событиями истории страны, состоящее в определении когортного ядра поколения и его периферии (размытость границ поколения).

Применение этих понятий обеспечивает более объективный анализ влияния биографической и исторической составляющей процесса. Биографическая составляющая обеспечивает внимание к важным формативным периодам социализации: периоду интенсивной первичной социализации (7–10 лет) и социализации, в молодежном возрасте (14–28 лет для России). Историческая составляющая фиксирует внимание на результатах социализации тех, чья молодость прошла на разных этапах истории общества, в разные политические, а также формирует представление о так называемых интенсивных периодах

ских событиях, в решении актуальных общественно-исторических задач.

Применение данной методики позволяет получить состав политических поколений российского общества на рубеже веков и далее, исходя из стабильности поколений как социально-политической и возрастной общности, проследить поколенческую динамику на протяжении любого отрезка времени (см. табл. 1).

Таблица 1.

**Состав и динамика поколений (когортные ядра) в России
в конце XX – начале XXI века.**

Политическое поколение	Когорты по годам рождения	Возраст в 2000 г., лет	Численность по годам в млн чел.			Возраст в 2010 г., лет
			2000	2003	2010	
1	2	3	4	5	6	7
1. Ровесники XX века и революций	1898-1902	98 и старше	0,03	0,00...	0,00...	99+
2. Поколение 1920-30-х гг.	1903-1918	82-97	2,2	1,3	0,02	92-98
3. Военное и послевоенное поколение	1919-1933	67-81	13,8	12,1	6,1	77-91
4. Поколение «оттепели» (1960-х гг.)	1934-1952	48-66	29,3	28,9	22,6	58-76
5. Поколение «застоя»	1953-1964	36-47	29,2	28,6	26,6	46-57
6. Поколение перестройки	1965-1971	29-35	13,6	13,5	13,2	39-45
7. Поколение кризиса	1972-1980	20-28	19,0	19,0	18,9	30-38
8. Поколение стабилизации	1981-1990	10-19	23,7	27,3	39,6	10-29
9. Детские когорты	1991-2000	0-9	14,7	13,3	14,8	0-9
Всего			145,5	144,0	143,0	141,2

Выполненная дифференциация поколений может быть продолжена в случае смены исторического периода, что приведет к дифференциации поколения стабилизации на два. Если поворота истории не произойдет, то поколение стабилизации будет расти за счет взросления когорт, а вместо дифференциации поколений процесс примет вид постепенного изменения ценностей общества.

Изложенный выше и апробированный на примере российского общества способ определения поколенческого состава российского общества можно попробовать применять к другим обществам, испытывающим и не испытывающим системную трансформацию.

Рассмотрим общества, не испытывающие трансформацию. Пусть это будет западногерманской социум. Анализ социологической дискуссии обнаруживает факт того, что в западной части Германии уже несколько десятилетий не формируется новых политических поколений. Там идет вышеуказанный процесс плавного изменения ценностей возрастных когорт, зафиксированный Р. Инглегартом в книге «Тихая революция» [12]. Так, например, участники коллоквиума по исследованию поколений в Геттингенском университете (2009–2010) в поисках новых поколенческих образований придают большое значение наличию политической коммуникации между членами соответствующих возрастных когорт, иными словами, манифестированной общей политической идентичности. Отсутствие каких-либо результатов этих усилий позволяет утверждать, что последним политическим поколением в западной части ФРГ является поколение студенческого протеста (поколение 1968 г.), которое сейчас вступает в пенсионный возраст. Таким образом, подтверждается, что дифференциация политических поколений прекращается в случае длительных периодов политической и социальной стабильности общества, что видно и на примере больших по численности поколений «оттепели» и «застоя в нашей стране».

Отмеченный характер поколенческой динамики лучше виден в случае сравнения обществ Западной и Восточной Германии. Так, в послевоенной Западной Германии можно отметить следующие исторические периоды и значимые политические события: послевоенный (1945–1951), включая разделение страны на 2 государства (1949); «экономическое чудо» в 1952–1967 гг. и построение общества потребления, в котором страна живет поныне. Лишь в 1968 г. возникло движение студенческого протеста против существующей капиталистической системы. В 1990 г. состоялось объединение страны. С тех пор помимо отмеченного выше постепенного изменения ценностей в ис-

следованиях политической социализации речь идет не о поколениях, а об отклоняющемся политическом поведении и его корнях на фоне успешной интеграции большинства в демократическую систему.

Иной состав и динамика поколений обнаруживается в результате анализа восточногерманского общества, истории ГДР, в которой с 1949 по 1990 г. существовала советская система, где возникло мощное движение за объединение страны, после которого взрослое население переживает массовую политическую ресоциализацию, а молодежь взрослеет в иной общественной системе и представляет собой иное поколение, нежели родители. Это обстоятельство позволяет нам с учетом работ немецких исследователей и их терминологии, ориентированную на «общественную систему» дифференцировать поколения Восточной Германии аналогичным образом, что и в России (табл. 2). Результаты, зафиксированные в таблице 2, подтверждают, что в новых федеральных землях продолжается процесс образования политических поколений, связанный со сменой общественной системы.

Таблица 2.

Состав и динамика поколений (когортные ядра) в Восточной Германии в начале XXI века. Источники данных: [6, 7, 10]

Политическое поколение	Когорты по годам рождения	Численность по в 2008 г. млн чел.	Возраст в 2008 г., лет
1	2	4	3
1. Сверстники «недоверчивых патриархов»*	1883-1924	0,6	84+
2. Поколение послевоенного возрождения	1925-1935	1,8	73-83
3. Функционирующие в системе	1936-1948	3,9	58-72
4. Интегрированные в систему	1949-1959	2,9	49-59
5. Дистанцированные от системы	1960-1972	4,6	36-48
6. Поколение системной трансформации	1973-1984	3,0	22-35
7. Поколение объединенной страны	1983-2008	4,4	0-21
Всего		21,2	

*Примечание: Коммунистическое руководство ранней ГДР не доверяло населению, еще не прошедшему денацификацию.

Постсоветские общества – это общества, испытывающие интенсивную трансформацию экономики, политической системы, государственного устройства. Общий период изменений можно датировать апрелем 1985 г., когда была объявлена политика перестройки, затем отметить 1 января 1992 г., когда были введены свободные цены и рыночная экономика сменила плановую (а незадолго до этого, вечером 25 декабря 1991 г. произошла торжественная смена советского флага над Кремлем на российский в знак роспуска СССР и создания независимых государств из его республик). Рассмотрим хотя бы вкратце дальнейшую динамику поколений в крупнейших постсоветских республиках – России, Казахстане и Украине.

С конца 1991 г. республики СССР являются полностью суверенными государствами, большинство из них – членами Союза независимых государств. Эта дата является важнейшим этапом в истории каждой из постсоветских стран. Есть ли в рамках этапа какие-либо периоды, меняющие условия социализации – вопрос, ответ который на который следует искать в национальной постсоветской истории страны. Для Казахстана этот ответ скорее отрицательный, а для Украины и России – положительным. Таким образом, Казахстан относится к странам, которые характеризуются высокой степенью социально-политической стабильности, а значит казахстанское общество подвержено плавным изменениям идентичности, ценностных ориентаций, вызванным модернизацией общества и демографическими процессами.

На текущем этапе здесь можно очень приближенно оценить поколенческую ситуацию в стране. Так, число жителей Казахстана, прошедших советскую социализацию, можно посчитать как число возрастных когорт, последняя из которых все еще была в 20-летнем возрасте при распаде СССР. В 1991 г. – это люди, родившиеся в 1971 г. и ранее. Их численность довольно стабильна и составляет в 2010 г. примерно 6,6 млн человек. Можно с уверенностью сказать, что эти возрастные группы образуют тот же состав поколений, что и в России (поколение 1920–30-х гг., военное и послевоенное поколение; поколение «оттепели» (1960-х гг.); «застоя» и «перестройки». Правда, эти поколения испытывают более интенсивную ресоциализацию, чем их российские ровесники.

Численность тех, кто вырос и социализируется в независимом Казахстане, в настоящее время (а время идет быстро!) уже велика и составляет почти 6,7 млн чел. (Можно не рассматривать детские возрастные

когорты (0–10 лет, а их в Казахстане 2772,8 тыс. чел.), так как речь идет об общественно-политических ориентациях. [4; 23]) Таким образом, с точки зрения гражданской, политической, этнической идентичности в Казахстане в настоящее время существует равновесие по численности между бывшими советскими людьми и гражданами независимого Казахстана с новой гражданской идентичностью (6,6 млн чел.: 6,7 млн чел.). Ситуация каждый год заметно меняется в силу смены поколений. Считается, что для населения Казахстана характерен низкий уровень политизированности. Однако для страны важны этнические процессы, развитие языковой ситуации, процессы религиозного возрождения. Их изучение с помощью модели динамики поколений дает во много раз более достоверную картину, нежели простая констатация изменения какого-либо социально-экономического, демографического показателя или политических ориентаций. Так, она позволяет предположить, что в стране сложились предпосылки для реализации процесса плавного изменения ценностей (Р. Инглегарт), прекращения дифференциации совокупности постсоветских возрастных когорт на поколения.

Украина, в отличие от Казахстана, относится к странам, в которых население очень политизировано: достаточно назвать оранжевую революцию (2004–2005), оранжевый и синий майданы, частые политические скандалы в среде элиты. Заметны изменения внешнеполитических ориентаций в рамках курса на присоединение к Европейскому Союзу, в частности – в отношениях с Россией, которые определяются результатами выборов президента. (Речь идет об элитах, а не о населении, которое, тем не менее, набирает вместе со сменой поколений социальную дистанцию в силу взросления в разных странах [7]). Аналогичные расчеты [2] для этой страны, население которой составляет 46 млн человек, показывают, что постсоветские поколения – это 25 млн, дифференцированных на те же самые поколения, что и в России. В настоящее время они испытывают более интенсивную политическую и социальную ресоциализацию, чем в России и в Казахстане в силу большей интенсивности политической жизни. Численность тех, кто сформировался в постсоветском обществе Украины, составляет около 16 млн чел. Пока в поколенческом составе общества Украины преобладают люди с советской молодостью (25 : 16 млн), а постсоветские возрастные когорты могут быть дифференцированы на поколения в случае обнаружения субъективных свидетельств самоотнесения представителей этих возрастных когорт к разным политическим поколениям – но это предмет особого исследования. Тем не менее, можно утверждать, что для Украины менее вероят-

на перспектива перехода от поколенческой дифференциации к плавному изменению ценностей.

Таким образом, более тесная связь исследования политической социализации когорт с историей конкретного общества позволяет не только дифференцировать политические поколения, но и прогнозировать данный процесс с учетом процессов стабилизации или дальнейшей трансформации общества. Так, если период стабилизации в России и в Казахстане окажется длительным, то политико-поколенческая структура в этих странах будет терять свое значение по сравнению с ростом значимости постепенного изменения ценностей у новых возрастных когорт в результате их социализации в обществе потребления.

Однако если текущий период смениться новым, как то вероятнее всего может произойти в Украине, то динамика поколений получит в этой стране новый импульс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головин Н. А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. – СПб., 2004.
2. Докторов Б., Ядов В. Разговоры через океан: о поколениях отечественных социологов на протяжении полувека // Телескоп. 2008. № 3. С. 47-60.
3. Козлова Л. О реконструкции истории послереволюционной социологии // Телескоп. 2008. № 3. С. 61-64.
4. Левада Ю. Пятилетние группы – пятилетние сдвиги (опыт ретроспективного лонгитюда // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2. С. 19-24.
5. Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М., 2009.
6. Ahbe T. Deutsche Generationen nach 1945 // Aus Politik und Zeitgeschichte. B3. 2007. P. 38-48;
7. Geschichte der Generationen in der DDR und in Ostdeutschland: ein Panorama / Thomas Ahbe. Erfurt: Landeszentrale für Politische Bildung Thüringen, 2007.
8. Geulen D. Zur Integration von entwicklungspsychologischer Theorie und empirischer Sozialisationsforschung. 1987. H. 1.
9. Inglehart R. The Silent Revolution, Princeton University Press, 1977.
10. Statistisches Bundesamt Deutschland (Федеральное Управление Статистики ФРГ). Сетевой адрес: <http://www.destatis.de/je>.

ГЛОБАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА АРЕНАХ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА РОССИИ

Современная Россия характеризуется значительным количеством всевозможных социальных проблем. СМК, политики, общественные деятели постоянно говорят о тех или иных проблемах российского общества, как специфических, так и трактуемых как глобальные (угроза терроризма, последствия экономического кризиса 2008 года, загрязнение окружающей среды, эпидемии всевозможных заболеваний – начиная от птичьего гриппа и заканчивая ВИЧ-инфекцией, и т. д.). Тем не менее, несмотря на то, что категория «социальная проблема» весьма популярна в социологическом дискурсе, сами социологи играют незначительную роль в интерпретации, анализе и разработке стратегий решения социальных проблем. Одной из причин данного положения дел является неопределенность понятия «социальная проблема» в социологическом лексиконе и отсутствие единой теоретико-методологической базы анализа конкретных социальных проблем.

Практически с момента возникновения социологии как науки социальные проблемы рассматривались как неблагоприятные объективные условия, препятствующие реализации интересов и/или удовлетворению потребностей тех или иных социальных групп. В различных теориях, концепциях социальные проблемы трактовались как патология, дезорганизация или дисфункции социальных институтов. При этом акцентировался объективный характер возникновения и существования социальной проблемы. В задачи социологии входили как идентификация, так и поиск путей интервенции и решения социальных проблем.

Возникший в 70-е гг. XX века конструкционистский подход позволил исследователям принципиально под другим углом зрения взглянуть на социальную проблему и предложил довольно перспективную теоретико-методологическую базу анализа данного феномена. Конструкционисты критиковали объективистские подходы, прежде всего, за их неспособность предложить общую теорию социальных проблем, позволявшую выделять универсальные характеристики ука-

занного явления. По мнению Г. Блумера, социологическая мысль всегда следовала в кильватере социетального признания социальных проблем и не могла самостоятельно обнаруживать их [Блумер, 2007]. В разное время и в разных обществах совершенно различные условия трактовались как социальные проблемы, что позволило конструкционистам поставить вопрос об относительности понятия «социальная проблема», его вариативности для различных культур и различных исторических периодов. Требовался новый взгляд на социальные проблемы, который позволил бы выявить свойства, черты, характеристики социальной проблемы, которые давали бы основания отличать ее от других социальных феноменов. Что именно позволяет о некоторых явлениях говорить как о социальных проблемах, тогда как к другим этот термин оказывается неприменимым? Ответ на этот вопрос дают М. Спектор и Дж. Китсьюз, сформулировавшие основные положения конструкционистского подхода¹.

По мнению М. Спектора и Дж. Китсьюза, социальные проблемы представляют собой риторику, дискурс, методы, которые используются людьми для определения и институционализации того или иного явления в качестве социальной проблемы. При этом, объективные обстоятельства исключаются из рассмотрения, верификации не поддается даже сам факт их существования. Для описания «объективной реальности» вводится специальное понятие – «предполагаемые условия» как требование отказаться от гипотез об их объективном характере. Исследовательский интерес М. Спектора и Дж. Китсьюза сосредотачивается на деятельности социальных групп по выдвижению утверждений-требований – процессе, в ходе которого группа или индивид обозначает беспокоящие их условия в качестве социальной проблемы, и требует их изменения. Основное значение здесь приобретают сама риторика выдвижения утверждений-требований, то, как они выражают представления участников о проблеме, какие интересы преследуются при выдвижении утверждений-требований, какие ресурсы мобилизуются и т. д. Чтобы некоторое явление стало социальной проблемой, оно должно быть обозначено, интерпретировано, определено как социальная проблема.

Сторонники конструкционистского подхода рассматривают

¹ Спектор М. Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II. Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С.160–163.

социальные проблемы не как статичное явление, а как динамичный процесс становления. Условия постоянно определяются и переопределяются, легитимируются в качестве социальной проблемы, наделяются новым смыслом и новыми значениями – проходят стадии «карьеры социальной проблемы»².

В настоящее время конструкционистский подход к социальным проблемам представлен в двух основных формах – строгий (П. Ибарра, Дж. Китсьюз и т. д.) и контекстуальный конструкционизм (Дж. Бест, Дж. Гасфилд и т. д.). При этом каждая форма конструкционизма обладает собственным эвристическим потенциалом. Сторонники контекстуального конструкционизма указывают на то, что любое знание вплетено в социальный контекст, и отделить утверждения – требования от «людей, которые их выдвигают, от арен, на которых это происходит, или от аудиторий, которые реагируют на эти утверждения-требования, невозможно»³. По мнению строгих конструкционистов, П. Ибарры и Дж. Китсьюза⁴, такая форма конструкционизма является непоследовательной и противоречит изначальной логике конструкционизма. В рамках строгого конструкционизма социальная реальность – это и есть дискурс. Основания социальной реальности, и в т.ч. социальных проблем, укоренены в субъективности сознания. Исследователь не может «заглянуть за» этот дискурс. Дискурс формируется участниками процесса проблематизации, их интерпретирующие практики создают социальные проблемы. Для понимания и анализа социальной проблемы необходимо осуществить деконструкцию, т.е. вскрыть те смыслы и значе-

² Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С.11–25; Лёнуар Р. Предмет социологии и социальная проблема // Лёнуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С.77–144; Спектор М. Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II. Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С.160–163.

³ Бест Дж. Социальные проблемы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 26–54.

⁴ Ибарра П. Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С.55–114.

ния, которыми люди наделяют окружающий их мир, проблематизируя тревожащие их явления, ситуации, процессы.

Предметом исследовательского интереса П. Ибарры и Дж. Китсьюза являются утверждения-требования, которые принимаются как данность, «как объекты в мире» («object in the world»)⁵. Вместо термина «предполагаемые условия» социологи вводят понятие «условие-категория», которое, по их мнению, снимает двойственность между означающим и означаемым. Социальные группы, члены общества конструируют определения социальных проблем в процессе своего взаимодействия, используя определенные методы для придания важности, значимости тем или иным условиям. Внимание уделяется как тому, каким образом утверждения-требования одобряются и выдвигаются, так и тому, каким образом они вытесняются и дискредитируются. От того, каким образом происходит определение социальной проблемы, артикулируется символический и ценностный ряд, зависят действия участников, привлечение ресурсов, динамика социальной проблемы, используемые контрриторические стратегии и приемы оппонентов. П. Ибарра и Дж. Китсьюз настаивают на том, что социолог-конструкционист всегда находится в области языка, в области текстуального, реконструируя используемые участниками просторечные ресурсы в темы исследования. Социологи предложили четыре измерения дискурса выдвижения утверждений-требований: риторические идиомы, лейтмотивы, контрриторические стратегии, а также стили выдвижения утверждений-требований.

Риторические идиомы – это дефициональные комплексы, которые размещают условия-категории в моральном универсуме, присваивая им проблематичный статус и используя специфические образы и символы. Ибарра и Китсьюз выделяют пять таких идиом — риторика утраты, риторика наделения правом, риторика опасности, риторика неразумности, риторика бедствия. Под лейтмотивами социологи понимают общераспространенные фразы, которые выражают динамику условия-категории или реакции на него. Контрриторические стратегии отражают дискурсивные стратегии противодействия проблематизации того или иного условия-категории. Авторы также разработали типологию контрриторических страте-

⁵ Ибарра П. Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С.55–114.

гий. Стили выдвижения утверждений-требований – это «манера и тональность», в которых они выдвигаются⁶. Данные измерения позволяют описать и изучить любую социальную проблему с точки зрения тех смыслов, значений, которыми она наделяется, описать тот моральный порядок, в который она вписана.

Подход, предложенный П. Ибаррой и Дж. Китсьюзом, сосредоточен на анализе текстовой информации. Однако социальный мир и социальные проблемы как его часть – это не только текст, но и образ. В настоящее время в век развития СМК (телевидение, реклама, кино, Internet и т.д.) визуальный, и даже аудиовизуальный аспект в понимании социальной реальности играют все более важную и даже ведущую роль. Так, рекламные плакаты (коммерческая и социальная реклама), фотографии в газетах и журналах, не говоря уже о новостных сюжетах, передачах по телевидению, Internet, «иллюстрируют» социальную проблему так же, как и текстовая информация. Визуальные образы типизируют социальную проблему, обращаясь к традиционным стереотипам, символам, сформировавшимся в общественном сознании. Так, можно наблюдать, что средствами массовой информации активно используются и транслируются образы «типичного» наркомана, «типичного» бомжа, «типичной» матери-одиночки, «типичного» военнослужащего и т. д. Если говорить о глобальном контексте, то также можно наблюдать «типичные» образы стран, меж- и надправительственных организаций – участников международного процесса, представленные в современных СМК. Обращаясь к этим образам, функционеры социальных проблем (группы и индивиды, публично представляющие социальные проблемы)⁷, с одной стороны, обращаются к аудитории на понятном ей языке, упрощая сложную терминологию, а с другой – репрезентируют, формируют и закрепляют «типичные» образы социальных проблем, сложившиеся системы власти и контроля. Образ, визуальный ряд позволяет как бы в сжатом, сконцентрированном виде представить социальную проблему, это, в некотором смысле, «объемное» ее представление. Конструкционистский

⁶ Ибарра П. Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С.55–114.

⁷ Хилгартнер С., Боск Чарльз Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. С. 18–53.

подход, концентрирующийся на процессе определения, интерпретации, типизации социальных проблем, включает в круг своего исследования и анализ визуальных образов.

В качестве теоретико-методологической базы исследования глобальных социальных проблем в России целесообразно использовать концепцию публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Л. Боска, разработанную в рамках контекстуального конструкционизма. Социологи утверждают, что «во-первых, социальные проблемы существуют в рамках отношений с другими социальными проблемами, а во-вторых, они включены в сложную институционализированную систему формулирования и распространения проблемы»⁸. С. Хилгартнер и Ч. Л. Боск сосредоточивают своё внимание на изучении публичных арен, на которых развиваются определения социальных проблем, а также воздействия этих сфер как на эволюцию социальных проблем, так и на действующих лиц, выдвигающих утверждения о них. Под социальной проблемой ученые понимали «предполагаемое условие или предполагаемую ситуацию, на которое или которую «наклеивается ярлык» проблемы на аренах публичного дискурса и действия»⁹. Публичные арены служат средой, в которой происходит коллективное определение проблем. В качестве публичных арен рассматриваются исполнительная и законодательная ветви власти, суды, кино, СМИ, научные сообщества, религиозные организации, организации, занимающиеся проведением политических кампаний, книги, касающиеся социальных вопросов, профессиональные сообщества и т. д.¹⁰. Именно на них происходят отбор, обсуждение, определение, оформление и представление общественности социальных проблем.

Основной категорией анализа является понятие конкуренции. Концепция основывается на следующей предпосылке – общественное внимание является дефицитным ресурсом, распределяемым посредством конкуренции в системе публичных арен¹¹. При этом, социальные проблемы конкурируют между собой на двух уровнях. Во-первых, конкурируют между собой различные варианты определения ситуа-

⁸ Хилгартнер С., Боск Чарльз Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. С. 18–53.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

ции как проблемной, стремящиеся к тому, чтобы быть принятыми в качестве авторитетной версии реальности. «Вопрос о том, какая «реальность» доминирует в рамках публичного дискурса, имеет серьезное значение для будущего социальной проблемы, заинтересованных групп и политики»¹². Во-вторых, различные социальные проблемы конкурируют между собой за общественное внимание. Эти два типа конкуренции взаимодействуют между собой.

С. Хилгартнер и Ч. Л. Боск выделили шесть основных компонент, которые составляют сущность концепции публичных арен:

1. Динамичный процесс конкуренции между различными социальными проблемами.

2. Институциональные арены, служащие средой, в которой социальные проблемы конкурируют между собой.

3. «Пропускная способность» арен, ограничивающая число проблем, которые могут пользоваться широким общественным вниманием в один и тот же период времени.

4. «Принципы отбора», под которыми понимаются институциональные, политические и культурные факторы, влияющие на вероятность выбора конкурирующих между собой формулировок проблемы.

5. Образцы взаимодействия между аренами. Речь идёт об эффекте синергии и обратной связи, способствующих усилению или ослаблению проблем.

6. Сети функционёров, которые выдвигают и стремятся контролировать социальные проблемы. Функционёры – это группы или отдельные индивиды, которые публично представляют социальные проблемы. Среди них можно отметить журналистов, политиков, представителей общественных и правозащитных организаций, религиозных деятелей и т. д.

«Облик и судьба социальных проблем зависят от того, какие формулировки будут приняты, какими функционерами, с какими намерениями, в отношении каких проблем и на каких аренах»¹³.

Авторы утверждали, что существует определенная иерархия между социальными проблемами, показывающая «статус» и «вес» социальной проблемы в публичном пространстве. Так, в тот или иной

¹² Хилгартнер С., Боск Чарльз Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. С. 18–53. Там же

¹³ Там же.

промежуток времени какая-то проблема пользуется заметно большим вниманием общественности, тогда как другие вообще исчезают из публичного пространства. Различные социальные проблемы имеют разное время пребывания в публичном дискурсе – некоторые из них пользуются постоянным вниманием социальных групп, другие – быстро возникают и быстро перестают вызывать интерес. Социальные проблемы конкурируют между собой как за то, чтобы быть включенными в публичную повестку дня, так и за то, чтобы остаться в ней. Если проблема исчезает, то это необязательно означает, что ситуация улучшилась. Если ситуация начинает определяться как социальная проблема, это не обязательно означает, что условия ухудшились.

Для того, чтобы социальная проблема «пробилась» на публичную арену и осталась на ней, ее нужно облечь в убедительную и драматичную форму. «Строгие факты» и «имидж компетентности» становятся мощными ресурсами конструирования авторитетных социальных проблем. Официальные факты должны сочетаться с живой эмоциональной риторикой. Успехом и общественным вниманием пользуются социальные проблемы, представленные в форме драматичных историй, имеющих завязку, кульминацию и развязку. Социальная проблема облачается в небольшую «блестящую упаковку», которая живо, в авторитетном и настоятельном тоне представляет тот или иной вопрос.

Как уже упоминалось, любая социальная проблема имеет своих функционеров – группы или людей, публично представляющих социальные проблемы. Вокруг большинства проблем формируются целые сообщества функционеров. Особенно это характерно для макрокатегорий социальных проблем, например, проблемы социального неравенства (гендерного, национального, экономического). Как правило, каналы их коммуникации пересекают границы арен. Так, политики обычно стараются привлечь внимание СМИ, инсценируя события, которые редакторы будут считать хорошими сюжетами, фонды выносят свои оценки отчасти так, чтобы повлиять на активность грантополучателей, а телевизионные продюсеры стремятся привлечь внимание зрителей¹⁴.

¹⁴ Хилгартнер С., Боск Чарльз Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. С. 18–53.

Социальная проблема – это не только риторика, дискурс, но и политика – действия, интересы, которые стоят за этой риторикой. Одним словом, важно посмотреть, а кому выгоден тот или иной взгляд, кто за ним стоит, почему именно так репрезентируется социальная проблема. Правом определять, типизировать социальные проблемы на аренах публичного дискурса обладают группы власти (экономической, политической, религиозной, медицинской и т. д.). По мнению Дж. Гасфилда, владеть проблемой значит «обладать правом называть эту проблему и иметь в состоянии предложить что-то, что может быть сделано по поводу нее. Знание этого чего-то – есть мандат профессии на владение проблемой»¹⁵. Между этими социальными группами ведется борьба за право предлагать и навязывать свое определение (видение) проблемы, а также опровергать все контр-определения.

Таким образом, согласно логике социального конструкционизма, спектр социальных проблем в публичном пространстве определяется не опасностью условий, а тем, кто, с какой целью, на каких аренах и какими средствами представляет ту или иную социальную проблему. В данной статье мы попытаемся рассмотреть процесс конструирования глобальных социальных проблем на публичных аренах России, реконструируя риторические ресурсы и анализируя участников процессов проблематизации.

Под глобальными социальными проблемами мы будем понимать проблемы, интерпретируемые как те, которые касаются всего человечества, приводят к значительным экономическим и социальным потерям, требуют для своего решения сотрудничества и совместных действий всех стран и народов. Одними из первых о глобальных социальных проблемах заговорили представители Римского клуба. Весной 1968 года итальянский экономист, общественный деятель и бизнесмен, член руководства фирмы «Фиат» и вице-президент компании «Оливетти» Аурелио Печчеи разослал приглашение тридцати видным европейским ученым и представителям делового мира для участия в обсуждении назревших проблем. В апреле того же года в Риме, в старой Национальной академии Деи Линчеи состоялась встреча приглашенных, на которой развернулись дискуссии по наиболее актуальным проблемам современности. Те участники встречи, которые поддержа-

¹⁵ Gusfield J. Constructing the Ownership of Social Problems: Fun and Profit in the Welfare State // Social Problems. 1989. Vol. 36. № 5.

ли идею о создании международной организации, объединились в Римский клуб. Организация приняла статус неправительственной, не связанной с политическими партиями, классами, идеологиями. Свою работу Римский клуб строит в форме организации собраний, симпозиумов, семинаров, встреч с известными учеными, политическими лидерами, влиятельными бизнесменами.

По инициативе Римского клуба осуществлен целый ряд исследовательских проектов, результаты которых публикуются в форме докладов. Наиболее известные из них, вызвавшие бурные научные дискуссии, – «Пределы роста» (1972), «Стратегия выживания» (1974), «Пересмотр международного порядка» (1976), «Цели для человечества» (1977), «Нет пределов обучению» (1979), «Маршруты, ведущие в будущее» (1980), «Революция босоногих» (1985) и др. Целью этих докладов является стремление добиться понимания трудностей, названных Римским клубом «глобальными проблемами», возникающих на пути развития человечества, оказать влияние на общественное мнение по поводу этих проблем. Таким образом, члены Римского клуба стали фактически первыми функционерами, выдвинувшими утверждения-требования в отношении глобальных социальных проблем. Пользуясь языком конструкционизма, можно сказать, что Римский клуб предложил новую категорию для определения и обозначения вызывающих беспокойство ситуаций и обстоятельств – «глобальные социальные проблемы», понимаемых как угрожающие не какой-то отдельной стране, а всему мировому порядку. В настоящее время эта категория активно используется различными социальными субъектами и является «зонтичной» макрокатегорией для определения множества социальных проблем. Сам термин «глобальный», применяемый к той или иной социальной проблеме, автоматически увеличивает ее статус и конкурентоспособность в ряду других социальных проблем на международной арене, придает драматичности и значимости.

В современном научном и публичном дискурсе глобальные проблемы делятся на два класса: проблемы взаимоотношения общества и окружающей среды (например, загрязнение окружающей среды, чрезмерный рост населения, истощение природных ресурсов и т. д.) и проблемы, связанные с обществом и человеком (например, международная организованная преступность, угроза терроризма, увеличение неравенства между странами, последствия мирового финансового кризиса и т. д.). Под категорию «глобальный» попадает целый спектр различных социальных проблем. Тем не менее, применение данного

термина свидетельствует, что с указанными обстоятельствами не в силах справиться отдельно взятая страна или организация, а решение социальной проблемы требует консолидации усилий множества социальных субъектов.

В настоящее время основными субъектами-функционерами глобальных социальных проблем являются «Большая восьмерка» (G8) и «Большая двадцатка» (G20), формирующие официальную повестку дня по данным вопросам. На встречах руководителей ведущих стран мира глобальные социальные проблемы выявляются, обозначаются и интерпретируются, вырабатываются стратегии их решения, благодаря чему все новые и новые проблемы приобретают легитимный статус глобальных социальных проблем. Фактически, подобные объединения выступают субъектом, придающим той или иной социальной проблеме легитимный статус и обеспечивающим попадание в повестку дня на крупнейших публичных аренах. При этом, «ведущие мировые державы» предлагают свои версии реальности и интерпретации глобальных социальных проблем (и, соответственно, стратегий интервенции), конкурируя между собой за контроль над реализацией принятых решений, стремятся «владеть» соответствующей проблемной областью.

Кроме того, субъектами, выдвигающими утверждения-требования в отношении глобальных социальных проблем, выступают также международные организации и союзы, имеющие как правительственный, так и неправительственный характер (ООН, Европейский Союз, НАТО, Юнеско, Глобальный Фонд и т. д.). Публичными аренами, на которых формируются официальные повестки дня в отношении глобальных социальных проблем, являются всевозможные международные конференции, симпозиумы, саммиты, форумы и т. д., где многие социальные проблемы публично обсуждаются и приобретают легитимный статус глобальных. Уже затем международные и национальные СМИ включают предложенные социальные проблемы в собственные повестки дня.

Если рассматривать те проблемы, которые обсуждались на заседаниях «Большой восьмерки» в 2008–2012 гг., то можно отметить, что в 2011 году темы саммитов G8 и J8 изменились по сравнению с предшествующими встречами; так, в повестку дня попали такие проблемы, как экономика, кибербезопасность и борьба с преступностью с использованием Интернета, защита прав интеллектуальной собственности, защита прав граждан, в т.ч. персональных данных, содействие развитию беднейших стран в области здравоохранения и образования,

регламентация использования Интернета. Интересно отметить, что в число глобальных социальных проблем впервые попали и проблемы, связанные с распространением и использованием Интернета. В 2012 году темы, обсуждавшиеся на встрече «Большой восьмерки», были следующие: вывод войск из Афганистана, выработка общей политики по отношению к Ирану, Сирии и Северной Корее, голод в беднейших странах, защита климата, долговой кризис и грозящий спад производства в Европе. Почему в настоящее время определенные явления трактуются как глобальные социальные проблемы, требующие консолидации усилий различных государств, а также над- и межгосударственных организаций, объединений, союзов, а другие не попадают в официальную повестку дня и, следовательно, выпадают из публичного дискурса? Дело в том, что каждое государство, каждая организация преследует собственные интересы, проблематизируя ту или иную ситуацию, стремится выиграть в конкурентной борьбе, предложить свою версию реальности, которая стала бы авторитетной и доминирующей. Во-многом, попадание той или иной социальной проблемы в официальную международную повестку дня обусловлено не столько опасностью сложившейся ситуации, сколько статусом социального субъекта на международной арене, предлагающего свое видение социальной проблемы.

Основную повестку в отношении глобальных социальных проблем, т. е. в отношении того, что в данный момент следует считать наиболее важными глобальными проблемами, формируют ведущие мировые державы. Тем не менее, альтернативные повестки дня также существуют. В качестве функционера, формирующего альтернативную повестку дня, выступает, например, движение антиглобалистов. Антиглобалистское движение – это общее название общественных организаций, движений и инициативных групп, которые ведут борьбу с социальными, экономическими, политическими и экологическими последствиями глобализации. Хотя участники антиглобалистских выступлений часто действуют совместно, само это движение является разнородным. Его активисты исходят из различных, иногда прямо противоположных подходов в понимании глобализации, придерживаются самых разных представлений об альтернативах этому процессу и используют неодинаковые методы и тактику действий. Само название «Антиглобалистское движение» не является общепринятым в его рядах. Часто употребляются также наименования «Альтерглобалистское движение» (движение за «альтернативную глобализацию»), «движение за глобальную справедливость», «движение движений» и т. д. Главной формой антиглобалистского движения являют-

ся массовые акции и кампании протеста и гражданского неповиновения. Они сопровождаются шествиями и митингами, в которых нередко принимают участие тысячи и даже сотни тысяч людей.

Кроме того, собственные повестки дня могут создавать и негосударственные фонды, ориентированные на работу в той или иной области социальной реальности. Так, можно отметить деятельность Глобального Фонда, занимающегося вопросами эпидемии ВИЧ/СПИДа, туберкулеза и малярии в развивающихся странах, и, соответственно, актуализирующего эти проблемы на национальном уровне. Постоянным функционером проблемы загрязнения окружающей среды является международная общественная природоохранная организация «Гринпис».

Интересно отметить, что риторика, используемая функционерами глобальных социальных проблем, начиная от представителей Римского клуба и заканчивая G8, антиглобалистами и т. д., является, как правило, риторикой бедствия. Согласно типологии П. Ибарры и Дж. Китсьюза, данная риторика состоит из метафор и практик аргументации, актуализирующих образ полной катастрофы. Как правило, декларируется, что невнимание к той или иной «проблемной ситуации» приведет к возникновению других социальных проблем в геометрической прогрессии. Данная идиома позволяет консолидировать усилия различных, подчас противоположных социальных групп, для решения глобальной социальной проблемы. Она позволяет мобилизовать усилия, помещая различные условия-категории под один символический зонтик мега-условия-категории «глобальная социальная проблема».

В то же время, процесс определения социальных проблем имеет культурную, национальную, политическую обусловленность, т. е. зависит от внутренней ситуации в стране. В связи с этим, и трактовка глобальных социальных проблем будет иметь свою «локальную» специфику в каждой стране. Чтобы привлечь внимание аудитории, тем или иным аспектам социальной жизни придается статус важной социальной проблемы, которая требует незамедлительного решения. Здесь же предлагаются и методы борьбы с этим «социальным злом».

Еще одним функционером и основной публичной ареной конструирования социальных проблем, в т. ч. глобальных, являются современные средства массовой коммуникации. В России актуализация глобальных социальных проблем, как правило, происходит в СМК и совпадает с соответствующими информационными поводами – проведение международных встреч, саммитов, конгрессов. Отечественные

СМИ широко освещают эти события, включают в собственные повестки дня «предложенные» глобальные социальные проблемы, транслируя и конструируя образы участников проблемного процесса, соответствующие государственной идеологии. Кроме того, позиция России по тем или иным вопросам представляется как единственно верная, а положение дел в России по той или иной проблеме как лучшее по сравнению с другими странами.

Национальные СМК конструируют версию реальности, в наибольшей степени соответствующую государственным интересам и государственной идеологии. При этом, активно эксплуатируются типичные образы государств, политических лидеров и т. д. Так, образ США, конструируемый в российских СМК, обладает явными негативными чертами, особенно если тематика касается вопросов мировой безопасности или последствий мирового финансового кризиса. В то же время, зарубежные СМК также активно конструируют образ России. В качестве примера можно привести различный взгляд на ситуацию в Южной Осетии в 2008 году, предлагаемый отечественными и зарубежными СМИ.

Если говорить о современной российской повестке дня, то глобальные социальные проблемы попадают туда в соответствии с информационными поводами (встреча стран G8, Мировой экономический форум и т. д.). В то же время, события, нарушающие рутинный социальный порядок, также могут привести к актуализации глобальных социальных проблем, рассматриваться как проявление той или иной глобальной социальной проблемы. Так, разлив нефти в Мексиканском заливе по вине компании BP в 2010 году вновь актуализировал в общественном сознании проблему загрязнения окружающей среды. В настоящее время в российских СМИ основное внимание уделяется проблеме последствий мирового экономического кризиса, а также ситуации на Ближнем Востоке.

В целом, можно сказать, что глобальные социальные проблемы конструируются в СМИ только при наличии соответствующих информационных поводов. Гораздо более конкурентными являются национальные социальные проблемы (иногда выступающие как локальное проявление глобальных социальных проблем).

ЛИТЕРАТУРА

1. Gusfield J. Constructing the Ownership of Social Problems: Fun and Profit in the Welfare State // Social Problems. 1989. Vol. 36. № 5.

2. Бест Дж. Социальные проблемы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С.26–54.

3. Блумер Г. Социальные проблемы как коллективное поведение // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С.11–25.

4. Ибарра П. Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С.55–114.

5. Ленуар Р. Предмет социологии и социальная проблема // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С.77–144.

6. Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения / Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г., Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. С. 7–11.

7. Спектор М. Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности – II. Хрестоматия. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С.160–163.

8. Хилгартнер С., Боск Чарльз Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен / Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия / Пер. с англ.; сост. И. Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2000. С. 18–53.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению глобальных социальных проблем, конструируемых на публичных аренах России. В качестве теоретико-методологической основы выступает конструкционистский подход к исследованию социальных проблем.

Ключевые слова: социальный конструкционизм, глобальные социальные проблемы, публичные арены, конструирование социальных проблем

**О РОЛИ И ФУНКЦИЯХ ЭКСТРЕМИЗМА В
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
КОНСТРУКЦИОНИСТСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ФЕНОМЕНА ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЭКСТРЕМИЗМА)**

Экстремизм, как сила, как явление и как концепт, с каждым годом занимает в политике современной России все более заметное место. При анализе ситуации, сложившейся в сфере противодействия экстремизму, мы приходим к парадоксальным выводам: если в период становления российского государства и политической системы в последнее десятилетие XX века (пресловутые «лихие девяностые») вопрос экстремизма – да и сам этот термин – существовал на периферии политических дискуссий, то с началом так называемой «путинской стабилизации» экстремизм занимает все больше места в сознании политических элит и общественности.

На институциональном уровне высокий приоритет борьбы с экстремизмом получил свое отображение в произошедшем осенью 2008 г. преобразовании внутренней структуры российского Министерства внутренних дел и его региональных подразделений. Именно в этот период внутри МВД был упразднен Департамент по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, функции которого в части борьбы с организованной преступностью общеуголовной направленности были переданы Департаменту уголовного розыска, а функции по борьбе с коррупцией и организованной преступностью экономической направленности – Департаменту экономической безопасности. Место упраздненного департамента занял новый – Департамент противодействия экстремизму, образованный в соответствии с Указом Президента России от 6 сентября 2008 г. № 1316 и последовавшим за ним Приказом Министра внутренних дел Российской Фе-

дерации от 31 октября 2008 г. № 940. Скрывающийся за этим меседж государства довольно таки очевиден: оно отчетливо заявило приоритетность борьбы с радикальными политическими проявлениями перед борьбой с организованной преступностью (следует ли понимать, что организованная преступность уже побеждена?¹). Экстремизм здесь воспринимается как серьезная угроза государственной безопасности. Сам собой напрашивается вопрос: а нет ли связи между оформлением четких контуров политической системы и усилением экстремизма как социально-политического феномена? Данная статья призвана показать, что такая связь не только имеет место, но и логически и структурно обоснована.

Существует еще один важный аспект, который необходимо отметить: с прагматической точки зрения, восприятие экстремизма как Зла, вызывающего на бой, как тотальной угрозы, требующей мобилизации государственных и общественных ресурсов, как вызова, требующего незамедлительного ответа – выглядит, как минимум, странно. Горстка маргиналов, не пользующихся хоть сколько-нибудь массовой поддержкой, неспособных договориться не только с «широкими народными массами», но и друг с другом, т.е. очевидные политические неудачники, ставится выше, чем очевидное, общепризнанное и до сих пор почти нигде окончательно не побежденное зло: организованная преступность. Подобного рода восприятие экстремизма заставляет вспомнить концепцию фобического тревожного расстройства, преувеличенного иррационального страха, который некоторые

¹ Это тем более неудобный вопрос, что до сих пор организованную преступность удавалось победить исключительно при помощи жестких, террористически-диктаторских методов, реализуемых тоталитарными режимами. Поэтому декларация – пусть и неявная – о победе над организованной преступностью заставляет нас задаться вопросом: а были ли применены подобного рода методы к организованной преступности в России? И не является ли победа над организованной преступностью симптомом несколько большей, чем нам хотелось бы, тоталитарности российского политического режима? Можно также спросить: а не является ли переключение приоритета государственной борьбы с организованной преступности на экстремизм не только признанием своего бессилия перед первым явлением, но и, своего рода, странной формой признания и создания «режима благоприятствования» организованной преступности, ее легитимации – ситуации, при которой уже не принято говорить о сомнительном прошлом некоторых людей, а приличным становится называть их уважаемыми политиками и бизнесменами?

люди испытывают перед змеями, пауками, закрытыми помещениями или темнотой². Очевидно, что страхи такого рода в большей степени характеризуют состояние того, кто их испытывает, нежели качества вызывающих страх объектов и явлений (змей, пауков, закрытых помещений, темноты и т.п.).

Стоит ли поставить в этот ряд и экстремизм? Можно ли сказать, что на социальном уровне страх перед экстремизмом аналогичен боязни темноты, пауков и змей на индивидуальном уровне? Справедливо ли будет предположить, что само появление в политическом языке такой дискурсивной единицы как «экстремизм» служит показателем невротизации политической жизни и политического процесса, а активизация антиэкстремистской политики оказывается своего рода симптомом, рационализацией прорывающихся из коллективного бессознательного страхов? И да, и нет. Очевидно, что если бы феномен экстремизма сводился к своего рода социальной невротизации, если бы он был исключительно продуктом невротических фантазий представителей политического мейнстрима, то самой эффективной формой борьбы с экстремизмом был бы регулярный приём седативных препаратов политической элитой. Увы, даже если бы нам и хотелось, но исключительно к невротическим страхам экстремизм не свести – хотя отрицать значительную психологическую подоплеку в функционировании такого явления сложно. Ответить на вопрос, присуще ли отдельным представителям российской политической элиты «экстремистophobia», могли бы психологи – если бы дотянулись до означенных представителей своим эмпирическим инструментарием. Мы же, как социологи, исходим из представления, что политическая система по большей части функционирует в пределах неких структурных правил и логики, сформулированной если не на уровне дискурсивного, то хотя бы – на уровне практического сознания. Показать некоторые контуры этих правил и логики и является задачей этой статьи.

1. Структурные элементы политического экстремизма. Экстремизм как нарушение базовой потестарной конвенции

Несомненно, власть и политическая элита играет далеко не последнюю роль в возникновении в нашем обществе такого явления, как

² Подробнее см. *Комер Р.* Патопсихология поведения. Нарушения и патологии психики. – М.: Прайм-Еврознак, 2007. С. 155-167.

экстремизм, главным образом, благодаря реализации так называемых процедур и практик исключения. Чаще всего в экспертных дискуссиях экстремизм принято рассматривать двояко: или как результат злонамеренной деятельности неких лиц и группировок, по тем или иным причинам не принимающих существующий политический или общественный порядок, или, напротив, трактовать его скорее в конспирологическом ключе – как результат злонамеренной деятельности элит по внедрению в политическое пространство и массовое сознание сконструированных «монстров», использование которых выступает в качестве своеобразной технологии управления.

Не придерживаясь ни одной из этих позиций в полной мере, хотелось бы и согласиться, и не согласиться с обеими из них. Представляется, что наиболее полного понимания экстремизма мы добьемся, только анализируя его как феномен, конструируемый двумя силами – непосредственно «экстремистами» и, с другой стороны, политическим мейнстримом, задающим рамочные и контекстуальные ограничения политического пространства. Иначе говоря, формирование поля радикальной политики оказывается неизбежным следствием формирования поля нормальной политики, норма и исключение здесь находятся в диалектических отношениях, формирование одного полюса с неизбежностью приводит к формированию другого, именно поэтому стабилизация, более четкое оформление политических институтов, т. е. собственно, нормы приводит к необходимости обнаружить, осознать и, отчасти, сформировать исключение, каковым и является то, что мы привыкли называть словом «экстремизм»³. Более того, не следует понимать экстремизм как побочный, нежелательный результат функционирования политического мейнстрима также, как в индивидуальной психологии не следует понимать исключение всего лишь побочным результатом существования нормы. Напротив, исключение необходимо для эффективного существования нормы также, как и экстремизм необходим для существования «нормальной», «мейнстримовой» политики – в работу, которой он встроен как совершенно функциональная часть. В чем состоит эта функциональность? Ответ на этот вопрос следует начать с более четкого описания того, что мы считаем экстремизмом.

Традиционный подход при анализе экстремизма предполагает его описание как результат функционирования своего рода злой воли неких индивидов и сообществ – не только не разделяющих господствующих в том или ином обществе ценностей, но и противопостав-

³ При всей относительности значений терминов «норма» и «исключение».

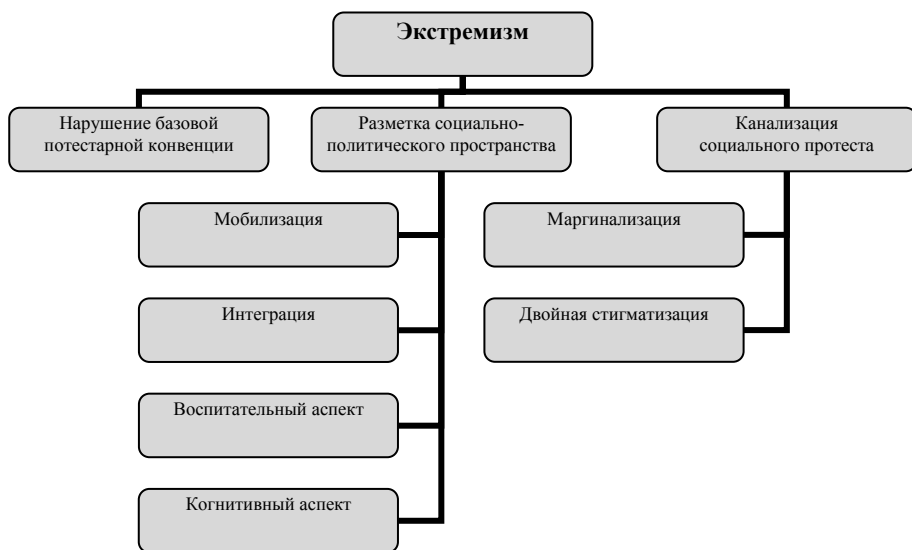
ляющих себя всему обществу в целом, и заходящих в этом противопоставлении предельно далеко, вплоть до совершения террористических актов и захвата заложников⁴. По большому счету, экстремистов упрекают в отсутствии воспетого еще Аристотелем чувства меры, в непонимании или сознательном нарушении границ допустимого. Объясняя причины происхождения этой «злой воли», принято ссылаться на разного рода контексты – социальный, культурный, религиозный, вплоть до биологического. Так мы получаем разного рода редукционистские суждения, выдвигающие в качестве причины экстремистского поведения бедность, индоктринацию той или иной идеологией или религией, индивидуально-психологическую предрасположенность и т. п. Можно встретить целый массив публикаций, объясняющих, что корни экстремизма в социальном неравенстве, исламе или повышенном уровне серотонина. Более того, значительная часть такого рода объяснений имеют имплицитно эссенциалистскую природу: социальный ученый как бы уже заранее знает, какие именно идеологии и практики нужно причислить к экстремистским, более того, предполагает, что эти идеологии и практики оказываются экстремистскими везде и всегда.

В противовес концепции подобного «априорного экстремизма», я предлагаю исходить из мысли, что экстремизм – конструкт, который создается как при участии самих экстремистов, так и при участии политического мейнстрима, и конкретное наполнение понятия «экстремизм» зависит от общей конструкции той политической системы и той политической культуры, в рамках которой экстремизм идентифицируется как таковой⁵. Таким образом, конструкционистское понимание экстремизма предполагает, что в социально-политическом плане экстремизм раскрывается, как минимум, в трех аспектах: как нарушение базовой потестарной конвенции, как процедура разметки\стигматизации социального и политического пространства и как процедура канализации социально-политического протеста (см. Схема 1).

⁴ См., например, Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики / Под редакцией А. А. Козлова – СПб.: ХИМИЗДАТ, 2003.

⁵ Подробнее о разнице между эссенциалистским и конструкционистским пониманиями экстремизма см. Романов Р. А. Реформа политической системы РФ в перспективе борьбы с экстремизмом и терроризмом// Российское общество и власть: проблемы взаимодействия. Под ред. В. Д. Виноградова, Н. Г. Скворцова и др. – СПб.: Астерион, 2004.

Структурные элементы политического экстремизма

Первое, от чего стоит отталкиваться, анализируя экстремизм – базовое понимание феномена. Если оставить в стороне ценностно-окрашенные политические или страдающие трагической неполнотой словарные определения, можно утверждать, что в своей основе экстремизм – это практика нарушения *базовой потестарной конвенции*, т. е. базовой конвенции по поводу власти. Вводя это понятие, мы исходим из предположения, что в любом обществе существует сложившееся, априорное понимание сущности власти, механизмов ее осуществления и функционирования, способов достижения, допустимых сценариев конкурентной борьбы за позиции и т.п. Потестарная конвенция включает в себя ответы на вопросы⁶ о том, что считается властью, каковы идентификационные признаки власти, кто и на каких условиях может быть субъектом власти (и может ли им быть кто-то вообще), каковы способы проявления и реализации власти. Она естественным образом подразумевает множество других, второстепенных

⁶ Помимо этого, она, естественно, включает в себя и саму возможность задавать (или не задавать) вопросы подобного рода.

конвенций более частного порядка, представляющих собой, по большей части, пространственно-временные локализации базовой конвенции по отношению к отдельным структурным элементам системы власти. Подобная ценностно-нормативная конвенция частично фиксируется в письменной форме (в демократических государствах в форме конституции – основного закона – и сопутствующих норм права) – частично функционирует в качестве неформальных правил, тем не менее, широко известных всем участникам политической игры. Одной из центральных составляющих политического процесса оказывается при этом, с одной стороны, борьба за формализацию неформальных правил, с другой – за изменение пространства неофициально допустимого в сторону расширения или сужения. Выражаясь словами Бурдые, центральный вопрос политики – что именно считать предметом политики⁷.

Исходя из такого понимания базовой потестарной конвенции, можно утверждать, что в той или иной политической системе какое-либо явление будет тем в большей степени считаться экстремистским, чем в большей степени оно претендует на отрицание и/или нарушение этой конвенции – и наибольшее противодействие будут вызывать явления, которые отрицают саму конвенцию, некое базовое правило, лежащее в основе политического процесса. Именно по такому критерию сформулировано определение экстремизма в документах Европейского Союза: *«Экстремизм – это идеология или политическое движение, отрицающее ценность парламентской демократии и прав человека»*⁸. Если так называемая «легальная оппозиция» работает в рамках общей потестарной конвенции, временами лишь критикуя отступление от разного рода правил (и поддерживая таким образом саму конвенцию), то экстремисты в явной или скрытой форме предлагают ввести другие правила в принципе.

Именно здесь скрывается природа той, казалось бы, иррациональной неприязни представителей политического мейнстрима к экстремистам: это неприязнь людей, играющих в футбол, к тем, кто хочет

⁷ Бурдые П. Политическое представление. Элементы теории политического поля / Бурдые. П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, с.179-219.

⁸ Резолюция ПАСЕ №1344 «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских движений и партий в Европе», http://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2003%5D/%5Bsept_2003%5D/Res%201344%20Rus.asp#P3_78.

футбол запретить и предлагает играть в городки или петанк, т.е. к тем, кто отрицает сами основы политического существования и коммуникации (аналогичным образом можно было бы объяснить отношения верующих и атеистов).

И здесь хотелось бы обратить внимание на важный момент: именно анализируя экстремизм можно составить представление о том, что именно лежит в основах политической нормы в данном обществе, описать важные элементы базовой потестарной конвенции – подобно тому, как присутствие вируса в организме обнаруживается по наличию антител. Само место базовой потестарной конвенции в обществе двояко: она и не скрыта, и не проявлена – точнее, она скрывается по принципу «потерянного письма» у Эдгара По – находясь у всех на виду, в качестве фона, о котором не говорят или говорят мимоходом⁹. В свою очередь, экстремизм проявляется нарочито ярко, экстремисты стремятся бросаться в глаза, и это делает их более доступным материалом, но не для анализа их самих, а для понимания политического мейнстрима: той силы, которая поместила их на границу политической жизни. Даже относительно поверхностный анализ пространства радикальной политики может подсказать несколько важных характеристик политической системы: чем менее гибко функционирует политическая система, чем меньше ее интегративные способности и чем слабее политический консенсус в данном обществе, тем большим будет страх перед экстремизмом и тем большее количество идеологий и политических проявлений может быть причислено к экстремистским. Именно в нарушении базовой потестарной конвенции раскрывается основной содержательный смысл экстремизма как явления.

Выше я утверждал, что само присутствие в политической системе и обществе в целом такого явления как экстремизм – не случайная флуктуация, а вполне операциональная необходимость, используемая политическим мейнстримом вполне прагматически. И если нарушение базовой потестарной конвенции, являясь содержательным ядром экстремизма, может быть названо его функцией в политической

⁹ Даже если о базовой потестарной конвенции говорят явно, чаще всего такой разговор имеет форму ритуализированного политического разговора о чем-то банальном и привычном и большинством наблюдателей или даже участников пропускается – как некое смысловое общее место, которое прекрасно известно всем, но, тем не менее, должно быть произнесено. Конечно, подобная форма проявления базовой потестарной конвенции не может считаться проявлением и актуализацией в полном смысле этого слова.

системе лишь с известными оговорками, то следующие два аспекта экстремистских проявлений являются таковыми уже с большей степенью несомненности. Речь идет о разметке политического и социального пространства и канализации политического протеста.

2. Экстремизм как разметка социально-политического пространства. Воспитательный, когнитивный, мобилизационный и интегративный аспекты экстремизма

Разметка социально-политического пространства – одна из важнейших функций экстремизма в политической системе. Антропологи отмечают, что точкой, обозначающей переход между человеческим поселением и дикой природой, между структурированным антропоморфным порядком и диким хтоническим хаосом, является свалка мусора, помойка – именно свалками отмечены границы человеческих поселений, за пределами которых находятся осваиваемые территории с совершенно иным статусом¹⁰. Нечто похожее происходит и с экстремизмом. В таком контексте, главное, что мы должны помнить о нем – «экстремизм» не аутоназвание, статус экстремиста присваивается в результате внешней оценки. Ни одно политическое движение само себя экстремистским не называет. Экстремистами маркирует те или иные движения и идеологии как раз политический мейнстрим, и подобным образом производится разметка политического и социального пространства. Эта разметка в содержательном плане – ничто иное, как стигматизация: быть экстремистом – значит быть отверженным, пораженным в правах в той или иной форме. Осуществление разметки такого рода имеет под собой три аспекта: *воспитательный, когнитивный, мобилизационный и интеграционный*. Когнитивный аспект реализуется, во-первых, как позиционирование методом «от противного», маркируя какие-то сегменты политической реальности как экстремистские, политическая система тем самым размечает свои границы, отмечает (путем отрицания) свое собственное содержание. Фигура экстремиста становится наглядным пособием для разъяснения запрещенного – часто именно совокупность таких фигур и выступает единственными ощутимыми концептуальными точками идентичности политического мейнстрима. Эта стратегия особенно важна в условиях

¹⁰ Дуглас М. Чистота и опасность. – М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. С. 234-261.

нестабильной идентичности политической системы и может послужить своего рода технологией конструирования ситуативной идентичности: в случае нечеткого осознания политическим мейнстримом своих ценностных оснований, он способен, играя на противопоставлении «мы – они», сказать о себе только одну определенную вещь: «мы – не они». Подобная технология создает для формирующихся режимов некое искушение неопределенности: можно вечно конструировать себе врагов и противопоставлять себя им, оставаясь при этом властью без ценностных оснований, т.е. «властью для власти», «господством ради господства».

Именно так происходит в современной России: политическая элита позиционирует себя как политических центристов, но идеология центризма содержательно аморфна и в этом смысле идентичность мейнстрима удобнее выстраивать в негативном ключе, противопоставляя себя радикальным идеологиям и группировкам разной направленности. Более того, можно отметить, как изменения в идентичности российского политического мейнстрима влияют на характер проблематизации экстремизма и содержательное наполнение этого понятия.

Так, в период первого и второго сроков президентства Владимира Путина выстраиваемая им система – и лично президент – направляли значительные усилия для формирования своей идентичности в подчеркнуто патриотическом, антизападном ключе – и именно в этот период политическим радикалам «справа», группировкам националистического, расистского и т.п. рода уделялось несколько меньше публичного внимания – также как и внимания соответствующих структур, призванных на борьбу с экстремизмом. Наоборот, эти группы (при всех их – временами довольно значительных – отличиях друг от друга) – почувствовали некоторое послабление. На роль «официальных экстремистов», врагов, с которыми предстоит бороться, были назначены политики либерального, либерально-демократического, прозападнического и частично левого толка – и именно в путинский период и произошла окончательная маргинализация этих политиков и стоящих за ними движений (чего не могло произойти и не происходило при Ельцине). Именно противопоставляя себя либеральным, условно «западническим» силам команда Путина выстраивала и, одновременно, подтверждала свою «патриотическую» идентичность (при всей условности формулировок такого рода).

Изменения произошли со сменой президентской команды и доминирующего политического дискурса официальной власти во время

правления Дмитрия Медведева. Медведев и его окружение играли на либеральном поле, себя позиционировали как либералы, от путинской «почти холодной войны» они перешли к «перезагрузке» отношений с Западом. Очевидно, что при таких трансформациях в идентичности и идеологических стратегиях российского политического мейнстрима не могло не произойти изменений с осознанием и проблематизацией феномена экстремизма. Период президентства Дмитрия Медведева отмечен попытками демаргинализации фактически изгнанных из мейнстримовой политики либералов и актуализацией борьбы с «правым» экстремистским сектором – все чаще мейнстримовые политики стали использовать «русский фашизм» как образ «внутреннего врага» и проблематизировать сюжеты, также традиционно проблематизируемые правыми радикалами: национальные отношения, проблемы миграции, «русский вопрос» и т.п. Стоит заметить, что и сами «экстремисты» каждого из секторов осознают и чувствуют изменившиеся в их отношении тенденции мейнстрима и корректируют свои действия соответственно.

Таким образом, мейнстримовая и маргинальные части политического спектра находятся во взаимосвязи – более того, можно предположить, что, вопреки распространенному субстанционалистскому мнению, согласно которому в паре «власть-экстремисты» инициатива принадлежит последним, в реальности именно изменения мейнстримовой политики в идеологической, стратегической и прочих аспектах оказывают решающее воздействие на поведение и презентацию экстремистов (например, именно критическое осмысление последствий и стилистики построения режима в условиях «суверенной демократии» и «вертикали власти» подтолкнуло русских националистов от национал-авторитаристских взглядов с сильной этатистской компонентой к национал-демократической платформе).

Воспитательный аспект процедур по разметке реализуется именно как воспитательная стратегия: на негативном примере мейнстрим показывает гражданскому обществу и членам политического класса недопустимые образцы поведения и формы наказаний за их реализацию, стимулирует игру по правилам, культивируя среди членов общества допустимые образцы политического поведения. Показательные – и подчеркнуто жесткие, по принципу «zero tolerance to intolerance» - судебные процессы над политическими радикалами не только напоминают нам о показательных процессах времен классических тоталитарных режимов, но и выполняют ту же самую функцию: де-

монстрация максимально негативных последствий максимально недопустимого поведения.

Мобилизация и интеграция – два других, тесно связанных друг с другом аспекта разметки. Помечая какие-то сообщества и практики как экстремистские, система не только демонстрирует свою власть (и здесь самое время вспомнить о Мишеле Фуко и его словах о власти как способности классифицировать), но и обозначает некоего общего врага, для борьбы с которым могут быть мобилизованы те или иные ресурсы (от финансовых до человеческих). Подсчет бюджетов, тратящихся на вполне легитимных основаниях на борьбу с экстремизмом, то поймем, что подобная мобилизационная стратегия вполне успешно работает.

Менее, но все же достаточно успешно, может работать стратегия *интеграции* политической системы и гражданского общества. Экстремизм в современной политической ситуации играет роль внутреннего врага, противостояние которому призвано сплотить гражданское общество и политический класс. Опасность (реальная или виртуальная) вторжения в политику и социальную жизнь радикалов способна интегрировать ранее враждующие социальные группы и мобилизовать их на отстаивание «нормального течения жизни» - даже если это «нормальное течение» содержит противоречия, полемика вокруг моделей разрешения которых и разделяла социальные группы ранее.

Мы приведем два примера, не доказывающих, но, по крайней мере, иллюстрирующих сделанное выше утверждение. Первый – президентские выборы во Франции 2002 года, когда возможность прихода к власти националиста Жан-Мари Ле Пена сплотила умеренных представителей как правого, так и левого спектра вокруг фигуры Жака Ширака – до этого момента имевшего спорные шансы на победу. Ле Пен и его «Национальный фронт» подверглись процедурам экстремизации и маргинализации – и проиграли. Второй пример - игра вокруг феномена «русского национализма» в России 90-х годов. Информационная политика и политическая борьба в период президентства Бориса Ельцина выстраивалась на периодическом зримом противопоставлении его команды радикальным силам (левого и правого толка). Несмотря на действительное наличие таковых, в процессе политической борьбы происходил отрыв образа экстремистов и радикалов от его реального социально-политического содержания, информационное пространство насыщалось угрожающими образами рвущихся к власти радикалов, по сути дела создавая для всех заинтересованных в выборе

участников альтернативу «команда Ельцина или экстремисты». Реализация этой технологии была настолько успешной, что – при низкой повседневной поддержке Бориса Ельцина – позволяла мобилизовать в его пользу значительную часть ресурсов и обеспечить необходимый уровень интеграции общества.

Похожую стратегию попыталась реализовать российская власть и в декабре 2011 – марте 2012 гг. в ходе думских и президентских выборов, сопровождавшихся активными уличными протестами. Одной из центральных стратегий сплавивания общества и политического класса вокруг фигуры Владимира Путина и поддерживающих его политических сил стало вбрасывание в общественное сознание темы противостояния революции, рвущимся к власти экстремистам и, как следствие, нестабильности. Однако, в следствие тактико-технологических промахов и ряда причин более глубокого социального порядка, разыграть ставку «экстремистско-революционной опасности» в полной мере не удалось¹¹. Следует отметить, что и политические игроки с обоих флангов, вытесненные в маргинальное поле, в последнее время прилагают активные усилия по выходу из пространства «экстремистской политики». Но можно предположить, что игра вокруг «экстремистского вопроса» в России только разворачивается.

3. Экстремизм как канализация социально-политического протеста. Феномен «двойной стигматизации»

Третий аспект, третье следствие существования экстремизма как конструкта в политическом пространстве – канализация протеста. Здесь важно быть точным в оценках, чтобы не скатиться к банальной теории заговора – несмотря на то, что подобного рода интерпретации довольно легко совершить и некоторые факты как бы даже подталкивают социального ученого к такого рода выводам. Популярны всякого рода конспирологические интерпретации и в среде самих политических активистов: например, существует вульгарная квазимарксистская интерпретация феномена правого экстремизма как явления, специально разжигаемого правящим классом ради отвлечения недовольных слоев от социальной, классовой природы конфликтов и ради переключения агрессии с политической элиты на мигрантов и людей с низким

¹¹ К сожалению, в рамках данной статьи у нас нет возможности остановиться на этом вопросе подробнее.

социальным статусом. Оставляя в стороне дискуссию о преднамеренном конструировании экстремистских анклавов, вспомним, тем не менее, мысль Люиса Козера о присутствии в социальных системах специальных институтов — «защитных клапанов», выполняющих функции «отвода враждебных и агрессивных эмоций»¹². В дописьменных обществах подобные функции канализации выполняет колдовство, в средневековых обществах — институт дуэли, в современных — массовая культура зрелищ. Среди таких институтов Козер называл расистские и религиозные предрассудки, которые в наше время не только широко распространены в обществе, но и сконденсированы в идеологии и деятельности экстремистских организаций. Иными словами, экстремистские организации в таком понимании предстают не в качестве дисфункциональных случайных образований, а как существенные элементы политической системы, выполняющие специфические функции, направленные на поддержание общего динамического равновесия.

Подобное динамическое равновесие обеспечивается за счет специфической обработки приходящего в экстремистские анклавы «сигнала возмущения» — этот сигнал не гасится, но перерабатывается в формы, имеющие заведомо меньше шансов оказать на систему целиком возмущающее или решающе-трансформирующее воздействие. Вкратце покажем механику этого процесса, общая логика которого лежит в русле обучения и навязывания протестующим силам маргинализирующих идеологий и экспрессивных моделей поведения, уменьшающих шансы на успех в политической борьбе и дающих основание приписать их носителям статус экстремиста. Как же это происходит?

С некоторой степенью условности можно подразделить индивидов, присоединяющихся к экстремистским организациям на два типа. С одной стороны, это индивиды, склонные к проявлению враждебных и агрессивных эмоций и желающие участвовать в политическом процессе благодаря существованию экстремистских анклавов не растворяются внутри мейнстримовых социально-политических структур, а попадают в такое символическое и поведенческое пространство, где могут реализовать свои наклонности напрямую. Но, оказавшись там,

¹² Козер Л. Функции социального конфликта. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 60-70.

они моментально стигматизируются как экстремисты, что закрывает для них путь в мейнстрим.

С другой стороны, индивиды, разделяющие антисистемные идеи и желающие участвовать в политическом процессе, не растворяются внутри мейнстримовых социально-политических структур, а попадают в экстремистский анклав, где, с большой степенью вероятности, научаются к экспрессивному выражению чувств и эмоций, взглядов, идей и т. д., т. е. к демонстрации агрессии, ненависти и вражды. Таким образом, им навязываются модели поведения, маркирующие их внутри мейнстрима как «неадекватных», как некачественный человеческий материал, непригодный к получению пропуска для осуществления вертикальной мобильности.

Иными словами, экстремистские анклавы путем подобного рода «двойной стигматизации», с одной стороны, предоставляют недовольным возможность для самовыражения, с другой – выполняют охраняющую и фильтрующую функции для всей политической системы. В том случае, если мейнстрим жестко контролирует их деятельность и масштаб функционирования подобных образований может быть даже полезным.

4. Общие выводы.

Перспективы противодействия экстремизму

Таким образом, мы приходим к выводу, что конструкционистское понимание экстремизма состоит в анализе этого феномена как необходимого элемента политической системы, основные координаты которого задаются, в первую очередь самим политическим мейнстримом и проводимыми им процедурами исключения. Определяя свои ценностные основания и перспективы развития, политическая система с необходимостью выталкивает альтернативные модели в маргинальное пространство, где они также с необходимостью приобретают экстремистский оттенок. Регулирование этого пространства происходит, главным образом, посредством управления самим дискурсом об экстремизме, т. е. распространением этого дискурса на те или иные идеологии и практики. Причины, по которым может происходить такого рода расширение, были указаны выше: это интегративные и мобилизационные возможности системы, разметка политического пространства, воспитательно-когнитивные аспекты и канализация социально-политического протеста.

Также нужно отметить, что радикальные политические сообщества, несмотря на опасность дисфункциональности, выполняют важные для всей политической системы функции. Возможно ли устранение из политики радикально-экстремистского сегмента? Мы видим исключительно теоретическую возможность такого рода. Поскольку само возникновение феномена экстремизма связано с исключаящим эффектом политической системы и спецификой политического языка, можно было бы предположить, что феномен радикальной политики способен исчезнуть исключительно в двух противоположных случаях: или в случае, если политическому мейнстриму удастся прекратить свободную циркуляцию идей и распространение идеологий, которые сам мейнстрим интегрировать не способен; или в случае устранения самого «исключающего эффекта политической системы», повышения интегративных способностей политической системы до 100% и радикального изменения политического языка, т. е. устранения из него таких концептов как «враг», «противостояние», «правило», «норма» и т. п. Стоит ли говорить, что подобного рода сценарии представляются утопическими? К сожалению, реальное противостояние экстремизму в современной России лежит именно на утопическом пути: происходит расширение дискурса об экстремизме, усиление «исключающего эффекта» и маргинализации и т. п. Технологией, обещающей дать более значимые результаты, может быть признание факта конструируемости экстремизма и попытка работать не с его уничтожением, а с его пределами. Возможно, это перспектива будущего.

ГЕНДЕР В ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН

Становление понятия «гендер» в социологии и философии начинается со второй половины XX в. Сам термин «гендер» ввел в научный оборот Р. Столлер в 1963 г. Он различал *понятие «пола»*, которое являлось категорией биологической науки; *понятие «гендера»* (рода), предполагающего определенные психологические и культурные различия, нюансы; *понятие «родовой сущности»* – понимания принадлежности человека к тому, а не другому полу¹.

Э. Гидденс дает следующее определение: «Если пол имеет отношение к физическим, телесным различиям между женщиной и мужчиной, то понятие «гендер» затрагивает их психологические, социальные и культурные особенности. Разграничение пола и гендера является фундаментальным, так как многие различия между мужчиной и женщиной обуславливаются причинами, не являющимися биологическими по своей природе. Если пол индивида биологически детерминирован, то род (гендер) является культурно и социально заданным.

Таким образом, существует два пола (мужской и женский) и два рода (мужественный и женственный)»².

Различные подходы к определению понятия «гендер» развиваются в традициях, идущих от теории психоанализа З. Фрейда, структурно-функционального анализа Т. Парсонса, биологических и социобиологических концепций Л. Тайгера, Р. Фокса, философских концепций феминизма С. де Бовуар, С. Бем, К. Макмиллан, А. Рич, Б. Фридан, Н. Блюстоун, С. Файерстоун и др.³.

¹ Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. / Под ред. Малышевой М. М. – М., 2002. С. 145.

² Цит. по: Введение в гендерные исследования. – М. 2005.

³ Фрейд З. Основные принципы психоанализа. [Пер. с нем., англ.: А.П.Хомик, Е.Б.Глушак]. – М., 1998. С. 134 – 145; Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2000; Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. / Под ред. Малышевой М. М. – М., 2002. С. 145. С. 205 – 206; Бовуар С. Второй пол. – М.,

Феминистская традиция выявила сложность и неоднозначность феномена «гендер», раскрыла сценарий, по которому осуществляется внедрение системы господства и подчинения, воспроизводящей гендерную асимметрию и дискриминацию.

До появления гендерной теории понятие пола было однозначным. Под ним понимались биологические, психические особенности мужчин и женщин. Биологические характеристики были базовыми, на их основе строились все остальные. Мужчина и женщина определялись как разные противоположные миры.

Однако по мере развития научных исследований, возникновения новых направлений в социологической, психологической и других теориях, выяснилось, что между мужчинами и женщинами больше сходства, чем различий. Многие исследователи, как отмечает О. А. Воронина, считают, что «единственно значимое биологическое различие между мужчинами и женщинами заключается в их роли в воспроизводстве потомства, а все остальные различия не так уж важны для человека»⁴.

Традиционно женщин называют «слабый пол», а мужчин «сильная половина человечества». Женщине приписывают такие качества, как пассивность, слабость, эмоциональность, а мужчине – активность, силу, рациональность. Но реальность доказывает обратное. Существует огромное разнообразие характеристик мужчин и женщин. Поэтому мы согласимся с утверждением, что «биологический пол не может быть объяснением различий социальных ролей индивидов, существующим в разных обществах»⁵. **Такое понимание привело к употреблению в современной социальной науке понятий «пол» и «гендер».** «Пол» относят к биолого-анатомическому строению мужчин и женщин. А «гендер» – процесс социокультурного конструирования человеческой сущности и его результат, а также культурные средства, и социальные практики, с помощью которых эта сущность институционализируется и легитимизируется. На первый план выходит понимание того, что важны не биологические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям.

1997; Бем С. Л. Линзы гендера. – М., 2004; Жеребкина И. Прочти мое желание... Постмодернизм, психоанализ, феминизм. – М., 2000.

⁴ Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. – М., 2004.

⁵ Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Под ред. Жеребкиной И. – Харьков, 2001.

Взаимоотношения мужчин и женщин, определение их места и роли в обществе тема для науки не новая, еще Аристотель рассматривал данную проблематику и в своем трактате «Политика». Он сравнивал познание и рациональность с активным мужским началом, а хаотичную материю – с пассивным женским началом. Мужчина дает «силу жизни», а женщина исполняет роль пассивного сосуда. Аристотель утверждал, что мужчина по своей природе выше женщины, поэтому он властвует, а женщина находится в подчинении. Разделение полов следует принципу, что лучше, когда высший отделен от низшего. Поэтому там, где это возможно, мужское отделено от женского⁶.

Многие последователи Аристотеля отстаивали идею резкого различия природы мужчины и женщины, их интеллектуальных, нравственных и других качеств. Средневековая христианская философия продолжает противопоставлять форму и тело, рациональность и эмоциональность, маскулинность и феминность. Средневековые философы Святой Августин, Фома Аквинский, Филон Александрийский утверждали, что «мужское» представляет божественное, а «женское» - образ телесного мира. Чувственное, телесное несет разрушающий характер, соответственно, «женское» ставится ниже по иерархии⁷.

Философия Нового времени, представителями которой являются Ф. Бэкон, Р. Декарт, определяли «разум» как инструмент измерения, контроля над природой. Все «мужское» ассоциировалось с «разумом», а «женское» с «природой». Поэтому тенденция к подавлению «телесного» могла переноситься на подавление «феминного» в культуре.

Французский просветитель Ж.-Ж. Руссо ассоциировал Природу с женщиной, а Природа представляла большую ценность для него. Однако, с другой стороны, по его мнению, страсти, эмоции, которым больше подвержена женщина, угрожают гражданскому обществу. По этой причине Ж.-Ж. Руссо предлагал женщине свою «нишу», он отводил ей сферу частного, приватного, семейного⁸.

Г. Гегель также выводил женщин за сферы гражданского общества и морали. Семью он рассматривал, как низшую стадию гражданского общества, и эта сфера была определена им для женщин. Мужчины имели возможность дополнительной сферы деятельности. Г. Ге-

⁶ Аристотель. Политика. – М., 2002.

⁷ Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Под ред. Жеребкиной И. – Харьков, 2001.

⁸ Гендерные проблемы в общественных науках: Сб. науч. тр. / Под ред. Семашко И. М. – М., 2004.

гель вслед за Ж.-Ж. Руссо исключал женщин из социокультурной среды. Но женский мир, по его мнению, необходим, он также является составной частью гражданского общества⁹.

Автор книги «Пол и характер», вышедшей в конце XIX в., О. Вейнингер считал, что мужчины и женщины наделены природой различными интеллектуальными способностями: «женщина обладает способностью говорить, но лишена способностью рассуждать, так как ее мысль порхает между различными предметами, сквозит по их поверхности, чего не делает мужчина, который привык мыслить «в корне вещей»¹⁰.

Распространение просветительских, социалистических идей, концепции гражданских прав привело к тому, что идеалом стало соединение маскулинного и феминного, возникли идеи равноправия женщин и мужчин в обществе.

В своей первой книге «Поведение в социальных ситуациях» Э. Гоффман показал, что «Каждое общество само разрабатывает концепцию о том, что является существенным и характерным в каждом «гендерном классе»... Сюда также относится идеальный образ Мужественности и Женственности...»¹¹. Разделение по «гендерным классам» становится первой социальной дифференциацией, которой подвергается человек в обществе. Приписанные к разным – мужскому или женскому – классам индивидуумы с самого начала по-разному воспринимаются окружающими и соответствуют разным ожиданиям. И как следствие у каждого класса складывается свой специфический способ действия, чувствования и презентации, «этот комплекс может быть назван гендерно-специфической субкультурой»¹².

Установившиеся в конкретном обществе представления о сущности мужественности и женственности, усваиваются отдельными его членами, и то, что на макроуровне было гендерно-специфической субкультурой, на микроуровне становится гендерной идентичностью.

Гендерная идентичность, по Э. Гоффману, является первичной и основной, превосходящей даже возрастную. «В современных индустриальных, а очевидно, и во всех остальных, обществах пол является

⁹ Гендерные проблемы в общественных науках: Сб. науч. тр. / Под ред. Семашко И. М. – М., 2004.

¹⁰ Вейнингер О. Пол и характер. – М., 1991.

¹¹ Goffman, Erving *Interaktion und Geschlecht*. Frankfurt/New York.

¹² Там же.

основой центрального кода, в соответствии с которым выстраивается социальная интеракция и социальная структура»¹³.

Помимо биологического и социального в анализе проблемы пола феминистски ориентированные исследователи обнаружили и третий, символический, или собственно культурный, его аспект. Мужское и женское на онтологическом и гносеологическом уровнях существуют как элементы культурно-символических рядов:

- мужское – рациональное – духовное – божественное – ... – культурное;
- женское – чувственное – телесное – греховное – ... – природное.

В отличие от первого, биологического, аспекта пола, в двух других его пластах – социальном и культурно-символическом – содержатся неявные ценностные ориентации и установки, сформированные таким образом, что все, определяемое как «мужское» или отождествляемое с ним, считается позитивным, значимым и доминирующим, а определяемое как «женское» – негативным, вторичным и субординируемым. Это проявляется не только в том, что собственно мужчина и мужские предикаты являются доминирующими в обществе. Многие, не связанные с полом феномены и понятия, (природа и культура, чувственность и рациональность, божественное и земное и многое другое) через существующий культурно-символический ряд отождествляются с «мужским» или «женским» – таким образом, создается иерархия, соподчинение внутри уже этих – внеполовых – пар понятий. При этом многие явления и понятия приобретают «половую» (или, правильнее сказать, гендерную) окраску. Для обозначения культурно-символического смысла «женского» и «мужского» феминистские теоретики обычно используют термины «феминный» и «маскулинный» соответственно.

Вместе с тем встроенность мужского и женского как онтологических начал (то есть первичных бытийных принципов) в систему других базовых категорий трансформирует и их собственный, первоначально природно-биологический смысл. Пол становится культурной метафорой, которая, как отмечает Э. Фи, «...передает отношение между духом и природой. Дух – мужчина, природа – женщина, а познание возникло как некий агрессивный акт обладания; пассивная природа подвергается вопрошанию, раскрытию, человек проникает в ее глубины и подчиняет себе. Приравнивание человека – познающему духу в его мужском во-

¹³ Goffman, Erving *Interaktion und Geschlecht*. Frankfurt/New York.

плошении, а природы – женщине с ее подчиненным положением было и остается непрерывной темой европейской культуры».¹⁴

Оказывается, что метафора пола выполняет роль культурно-формирующего фактора. Иными словами, гендерная асимметрия является одним из основных факторов формирования традиционной европейской культуры, понимаемой как система производства знания о мире.

Понятие гендера обозначает, в сущности, и сложный социокультурный процесс конструирования обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках, и сам результат – социальный конструкт гендера.¹⁵

Важным элементом конституирования гендерных различий является их поляризация и иерархическое соподчинение, при котором маскулинное автоматически маркируется как приоритетное и доминирующее; а феминное – как вторичное и подчиненное.

Ограничения, накладываемые традиционной женской ролью

Одной из значительных ограничений, налагаемых традиционной женской ролью в наше время является то, что работающая женщина продолжает нести бремя домашних забот и ответственности за детей.

Работающая женщина выполняет подавляющий объем работы по дому. Увеличение доли времени, которое женщины посвящают работе, привело лишь к небольшому сокращению их домашних обязанностей, а количество времени, отнимаемого у них заботой о детях, и вовсе осталось неизменным.

В работе женщины обычно ниже по статусу, чем мужчины. Большинство самых престижных профессий в нашем обществе занято мужчинами. Женщины гораздо реже занимают должности, предлагающие контроль над ресурсами и определение того, какие цели фирма будет преследовать и каким способом. Это происходит отчасти потому, что мужские гендерные стереотипы включают в себя больше качеств, которые считаются необходимыми для завоевания и удержания власти. Поэтому мужчины кажутся более подходящими для руководящих ролей.

¹⁴ Fee E. Critiques of Modern Science: the Relationship of Feminism to Other Radical Epistemologies//Feminist Approaches to Science.

¹⁵ Women's Studies Encyclopedia. Ed. Tierney H. – N.Y.: Peter Bedrick Books, 1991.

Женщины пытающиеся сделать карьеру иногда сталкиваются с таким явлением как «стеклянный потолок». Эта метафора выражает тот факт, что в некоторых организациях существует как бы невидимый потолок, выше которого женщины не могут продвинуться. Общепринятые стереотипы, предполагающие, что мужчины гораздо лучшие лидеры, чем женщины, отчасти ответственны за существование «стеклянного потолка».

У домохозяйек так же существует множество проблем. Большинство из них не может удовлетворить свои социальные потребности. К тому же большинство социологов согласны, что женщина, зарабатывающая деньги, пользуется в доме большей властью.

Ограничения, накладываемые традиционной мужской ролью

На сегодняшний день существует сравнительно немного исследований, касающихся ограничений, которые накладывает традиционная мужская роль. Последние несколько лет мужская роль пользуется все возрастающим вниманием исследователей.

Структура ролевых норм мужчины складывается из трех факторов. Первый связан с ожиданиями, что мужчины завоевывают статус и уважение других (**норма статуса**). Второй фактор, **норма твердости**, отражает ожидание от мужчины умственной, эмоциональной и физической твердости. Третий фактор – это ожидание того, что мужчина должен избегать стереотипно женских занятий и видов деятельности (**норма антиженственности**).

Норма успешности (статус) – гендерный стереотип, утверждающий, что социальная ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешностью на работе. С этой нормой связан целый ряд ограничений для мужчины. Во-первых, большинство мужчин не способно на 100% соответствовать норме, из-за чего имеют заниженную самооценку. Во-вторых, носитель традиционной мужественности никогда не знает меры и не может наслаждаться тем, что имеет. Он должен постоянно наращивать объем и время работы, и такой стиль жизни часто приводит к появлению обусловленных стрессом физиологических и психологических симптомов. Мужчины склонны выбирать работу и карьеру в зависимости от того, насколько хорошо это оплачивается. Финансовое давление особенно обременяет тех мужчин, чьи жены сидят дома и не работают. В-третьих, точка зрения,

что главная обязанность мужчины в семье - исправно приносить большую зарплату - отрицательно влияет на исполнение им родительских функций, так как, чтобы соответствовать этим ожиданиям, мужчина должен посвящать все свое время работе. Например, в Японии, где понятие о мужестве включает в себя полную самоотдачу на работе, отцы проводят со своими детьми в среднем 3 минуты по будним дням, и 19 минут по выходным.

Когда мужчина не соответствует одному из аспектов мужской гендерной роли, он демонстрирует преувеличенную мужественность в другой области, тем самым, компенсируя своей не состоятельностью. Одной из таких областей является твердость (жесткость).

Норма твердости существует у мужчин в нескольких формах: физической, умственной и эмоциональной.

Норма физической твердости – это ожидание от мужчины физической силы и мужественности. Самооценка мужчин, которые не являются физически сильными, хотя чувствуют, что окружающие ожидают от них именно этого, может серьезно снизиться.

Норма умственной твердости содержит ожидание того, что мужчина будет выглядеть компетентным и знающим. Человек, пытающийся соответствовать этой модели сверх компетентности, начинает тревожиться, как только понимает, что чего-то не знает.

Норма эмоциональной твердости подразумевает, что мужчина должен быть эмоционально твердым: испытывать мало чувств и быть в состоянии разрешить свои эмоциональные трудности без помощи со стороны. Поэтому мужчины получают меньшую эмоциональную поддержку со стороны и имеют меньше подлинно близких отношений.

Отношения между мужчинами характеризуются большей конфликтностью и соревновательностью, меньшим самораскрытием и обсуждением чувств, чем отношения между женщинами. Мужская установка на соревнование не дает мужчинам принимать во внимание окружающих.

Норма антиженственности побуждает мужчин избегать занятий, деятельности и моделей поведения, стереотипно считающихся женскими. Некоторые мужчины считают, что выражение чувств и самораскрытие принадлежит исключительно женщинам и что они будут выглядеть недостаточно мужественными, если будут эмоционально экспрессивны. Существует предположение, что страх женственности (фемифобия) происходит из страха гомосексуальности и обусловлен

социальным контекстом, который обычно приписывает гомосексуальность мужчинам с чертами женственности.

В качестве материалистического аргумента следует подчеркнуть, что гендерные отношения возникают во взаимодействии между «исторической практикой» (например, теории, идеологии и религии), институциональной практикой (государство и власть), и «материальными условиями» распределения ресурсов между полами.

Гендерный *порядок* понимается в современной науке как исторически обусловленная форма организации, бытия и символического воспроизводства общества и политики, как «правило», по которому воспроизводятся общества. Роберт В. Коннел определяет, к примеру, гендер как структуру порядка, которая состоит из трёх отношений: отношения власти, отношения производства и катехистские, т. е. эмоциональные отношения. Для того чтобы охарактеризовать устоявшуюся структуру гендера, он использует понятие «гендерного режима»¹⁶. Общества различаются благодаря тем специфическим гендерным режимам, которые организуют воспроизводство социального неравенства между мужчиной и женщиной таким же образом, как доступы к политической власти. Гендерные режимы современных обществ, или эти способы доступа, базируются на двух центральных структурных расколах: раскол между общественным и приватным мирами, как и между продуктивной и репродуктивной работой.

Джоан В. Скотт¹⁷, которая высказывается по поводу теоретизирования гендерных отношений и критически высвечивает архитектуру патриархата во всех его формах – идеологической, политико-институциональной, организационной и субъективно-индивидуальной, определяет *политическую* двуполость по пяти уровням:

- на уровне политической культуры,
- на уровне государственных институтов и правил (Polity),
- на уровне политических процессов и его акторов (Politics),
- на уровне содержания политики (Policy),
- а также в политических субъектах.

Гендер можно определить как феномен микро- и макроуровня политики. Это сплетение системной и акторской перспективы опреде-

¹⁶ Connell, Robert W. 1990. The State, Gender, and Sexual Politics. Theory and Appraisal. Theory and Society.

¹⁷ Scott, Joan W. 1992: Deconstructing Equality-versus-Difference: or, the Uses of Post-structuralist Theory for Feminism. In: Defining Women, Social Institutions and Gender Divisions, hrsg. McDowell, Linda / Pringle, Rosemary. Cambridge.

ляется как *двойной характер* гендера и института: гендер *есть* институт и политические институты *имеют* гендер или производят гендеры, т. е. они гендерируют человека в принудительном порядке. Политическая система конструирует гендер в собственных институтах своими политиками, решениями и инструментами. В то же время они определяют официальные исключения женщин или маргинальные включения женщин. Ситуация с женщинами в политике, к примеру, сформирована (структурирующей) совместной игрой мужских политических институтов с одной стороны, (культуры, дискурсы, институты, правила процесса), и диспозициями субъектов, с другой стороны.

Таким образом, политические институты, процессы и культуры есть андроцентристские политические структуры и одновременно результаты, а также постоянные производители политической двуполости.

В ноябре – декабре 2011 г. студенты факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета в рамках Института гендерных исследований провели под руководством автора глубинное интервью с целью выяснения общественного мнения о желаемых качествах для политика. Поскольку обработка полученных 500 интервью еще не закончена, приведем данные первичного анализа, полученные студентами. Ответы не корректировались. В исследовании участвовали студенты 4 курса и представляется актуальным привести некоторые студенческие имена и материалы в оригинале. Когда-нибудь они вспомнят свою студенческую жизнь и энтузиазм, с которым они проявили свои таланты в ходе гендерного исследования, способствуя, таким образом, увеличению научного знания.

Программа исследования

Описание проблемы: в понимании человека всегда существуют образы, представления, связанные с определёнными людьми, такими как политические деятели. Соответственно у населения Санкт-Петербурга существует определенный образ политического героя. Данное исследование направлено на выявление образ идеального политика.

Объект: жители Санкт-Петербурга (выборка случайная).

Предмет: образ идеального политика (качества характера, семейное положение, социальный статус и т. д.).

Цель: сформировать образ идеального политика.

Задачи:

1. проведение опроса,
2. интерпретация и анализ результатов.

Николаев Кирилл:

Было опрошено 10 человек в возрасте от 20 до 50 лет. Из них 7 мужчин и 3 женщины. Респондентам было предложено ответить на вопрос в свободной форме: «Какой, по Вашему мнению, идеальный политик?».

Анализ результатов позволил сформировать образ идеального политика: основное – это мужчина, 35 – 50 лет, который имеет семью и детей.

Также наиболее важными качествами идеального политика были отмечены (5 наиболее важных, в порядке убывания частоты упоминаний):

1. Порядочность. Политик должен быть человеком, у которого слово не расходится с делом, т.е. человеком последовательным, которому можно верить, на которого можно положиться.

2. Здоровье, дееспособность. Политик должен быть здоров как физически, так и психически, без явных пороков и негативных пристрастий; возраст идеального политика должен быть не моложе 35 лет и не старше 50 лет.

3. Патриотизм, забота об интересах народа: «не отрываться» от народа, знать его нужды.

4. Компетентность. Политический герой должен обладать высокими профессиональными качествами.

5. Ум, эрудиция, высокий уровень образованности.

Войник Анна:

Образ идеального политика выясняла также у 10 человек.

1. Женщина с высшим, желательно гуманитарным образованием, обеспеченная (чтобы не воровала). Должна иметь реальные заслуги за спиной. Старше 47 лет. Пол респондента – мужской. Возраст – 21.

2. Пол не принципиален, хотя мужчины чаще больше в политике понимают. Образованный человек, умеющий принимать решения, т. е. оперативно реагировать. Не утопист! Активист, оптимист, честный. Пол респондента – женский. Возраст – 20.

3. Пол не важен. Не должен обещать того, чего не может сделать на самом деле. Не должен быть излишне скандальным, но и не забитым. Должен четко высказывать свое мнение и защищать свою позицию, должен бороться за справедливость, защищать бедных, обездоленных и т.д. Должен всегда опрятно выглядеть, быть хорошим

семьянином, любить детей. Не должен принимать участие в сомнительных мероприятиях, красоваться в желтой прессе. Пол респондента – женский. Возраст – 21.

4. Пол не важен. Но если мы говорим об идеальной женщине политике, то, на мой взгляд, такой является Ангела Меркель. Видно, что человек занимается делом, а не своей внешностью как Матвиенко. Должна быть полная отчетность о результатах деятельности, прозрачность. Политик должен быть откровенен и честен. Пол респондента – женский. Возраст – 20.

5. Пол не важен. Ответственность, умение принимать решение, ум, высшее образование (желательно два, одно из которых юридическое). Важно чувство юмора, чтобы мог вовремя отшутиться. Любовь к Родине, патриотизм. Умение лаконично, точно и понятно излагать свои мысли. Не старый, от 35 до 55, стильный, подтянутый. Если женщина, то никакой красной губной помады и розовых пиджаков. Национальность не важна, пусть будет даже бурят! Пол респондента – женский. Возраст – 20.

6. Патриот. Компетентный, не ангажированный. Хотелось сказать честный, но политик не может быть честным. Предпочтение отдаю мужчине. 35-40 лет, женат. Пол респондента – мужской. Возраст – 53.

7. Мужчина, 45 лет. Высшее образование (техническое или экономическое), умение предвидеть ходы, математический склад ума. Умение убеждать, лидерские качества, в определенной степени необходима жесткость. В тоже время умение слышать, идти на компромисс, учитывать разные точки зрения. Хороший семьянин, должна быть крепкая семья, жена, дети. Это важно! Не гуляка! Здоровый образ жизни, спортивный. Пол респондента – женский. Возраст – 48.

8. Мужчина, высокий и с пышной шевелюрой. Возраст – 37 лет, уверенный, хорошо образованный, умеющий ориентироваться во многих сферах, некорыстный по отношению к своему народу, и так же способный протянуть руку другим странам. Пол респондента – женский. Возраст – 21.

9. Он должен быть таким как Обама: черным, курить марихуану в колледже, быть вполне счастливым со своей женой и показать всем, что расовая дискриминация – полная ерунда. Пол респондента – женский. Возраст – 20.

10. Пол не имеет значения. Взрослый, состоявшийся человек, от 40 лет. Должен иметь семью, детей. Высшее образование обязательно. Спокойный, не суетливый, должен всем своим видом вселять людям уверенность, не пустослов, патриот. Должен прилагать все возможные

усилия, чтобы улучшить ситуацию в стране. Пол респондента – женский. Возраст – 20.

Журавлёв Дмитрий результаты своего исследования представил в таблице:

Респонденты	Идеальный политик женщина	Идеальный политик мужчина
Сергей, 20 лет	Идеальный политик-женщина должна быть сильной, целеустремленной и сдержанной.	Идеальный политик-мужчина должен быть равнодушен к деньгам, и ко всем материальным благам в целом.
Ольга, 19 лет	Женщина в принципе не может быть политиком, на мой взгляд.	Мужчина – политик обязан быть честным, порядочным и сильным человеком.
Светлана, 23 года.	Женщина, если уж она решила стать политиком, должна быть абсолютным лидером, должна быть жесткой, но в то же время и понимающей.	Ну, а мужчина должен быть твердым в своих убеждениях, должен уметь отстаивать свои интересы.
Антон, 23 года	Женщина никогда не должна показывать своих эмоций на людях, у нее не должно случаться истерик, она обязана быть легкой и независимой.	Хорошим политиком может стать далеко не каждый мужчина. На самом деле, я считаю, что идеальных политиков-мужчин вообще не существует, и не может существовать, потому что сама по себе мужская натура этого не предусматривает.
Евгения, 20 лет	Идеальная женщина – политик, на мой взгляд, не может быть моложе 40-45 лет, т. к. только к этому возрасту женщина накапливает тот жизненный опыт, который необходим для успешной политической деятельности.	Мужчина – опрятный мужчина в возрасте, с высшим образованием.

Иван, 20 лет	Женщина – молодая, замужем не за политиком, носит шубу.	Мужчина политик обязан быть человеком некурящим и непьющим, а так же ездить на общественном транспорте.
Олег, 21 год	Ну, женщина - скромная, но настойчивая.	Мужчина –ответственный, исполнительный.
Анна, 25 лет	Женщина должна быть современной, понимать, что происходит со страной, и что делать дальше.	Идеальный мужчина-политик – интеллигент, лет 50, начитанный и мудрый.
Елена, 20 лет	На мой взгляд, женщине не место в политике, она должна сидеть дома, воспитывать детей, готовить вкусные обеды.	Мужчина – политик должен быть жестким, грубоватым, но справедливым.
Егор, 22 года	Женщина должна быть стойкой, уверенной в себе, в своих действиях, а также сдержанностью.	Мужчина-политик должен быть коммуникабелен, приветлив, иногда даже уступчив.

Виноградова Анастасия, опросив 10 человек, получила следующие данные:

1. Мужчина, 49 лет: «Я вижу мужчину, от 40 до 55 лет, семейного, хорошего специалиста в своей области, который добился определенных успехов, готовый к переменам, умеющий, так сказать, четко формулировать свои мысли и выступать перед аудиторией «без бумажки!»».

2. Мужчина, 33 года: «Целеустремленный, авторитетный мужчина, у которого отсутствуют собственные меркантильные интересы, отвечает за свои слова».

3. Женщина, 20 лет: «Не имеет значение, женщина или мужчина, главное, чтобы человек был грамотный и надежный, который стремится развивать политику государства и направляет ее в нужное русло».

4. Мужчина, 21 год: «Мужчина за 35 лет, но не пожилого возраста, отвечает за свои слова, честный и справедливый, ответственный, если сказал, значит сделал!».

5. Женщина, 22 года: «Харизматичный лидер, способный ярко и объективно выражать мнение народа и вести его за собой! Умеющий убеждать, знающий закон и историю!».

6. Мужчина, 20 лет: «Человек средних лет, очень богатый, которому незачем воровать! Решительный, патриот, мужчина!».

7. Женщина 34 года: «Политик должен быть исполнительный, рассудительный, интеллигентный, дипломатичный, образованный, откровенный».

8. Мужчина, 45 лет: «Мужчина, который должен любить Родину, думать не только о себе, но и о народе, который строит перспективы на будущее».

9. Женщина, 28 лет: «Однозначно мужчина, причем женатый, порядочный человек, должен уметь слушать людей, держаться хорошо на публике, ответственный».

10. Мужчина, 20 лет: «Во-первых, идеального политика не было, нет и быть не может, во-вторых, если политик, то должен быть мужчиной, образованным и жестким, который спокойно воспринимал критику, общался с народом, знал, какие действия надо предпринимать, чтобы Россия была самой мощной державой на планете!».

Таким образом, большинство (7 из 10) респондентов, в образе идеального политика видят мужчину, причем семейного, старше 35 лет образованного и исполнительного, который не будет защищать исключительно свои собственные интересы.

Также следует подчеркнуть, что в сознании людей идеальный политик должен быть самостоятельным в принятии решений, иметь свою точку зрения, а также быть патриотом своей Родины: «Должен думать не только о себе, но и народе».

К сожалению, можно сделать вывод, что женщина не ассоциируется у респондентов с идеальным политиком, так как они считают, что женщина должна заниматься семьей и детьми.

«Что касается моего мнения», подытожила Виноградова Анастасия, «то я считаю, что идеальным политиком, может быть, как мужчина, так и женщина, так как не каждая женщина может быть хорошей хозяйкой, которая захочет заводить семью и рожать детей, а захочет быть успешным лидером и заниматься политикой, так же это касается и мужчин».

Лепехина Вера задала вопрос десяти респондентам о том, как они представляют себе идеального политика-женщину и идеального политика-мужчину. Вот, что из этого получилось:

1. Студент, 20 лет: «Даже женщина-политик в некотором смысле – мужчина», распространенная довольно фраза, не знаю, правда, кто ее придумал.

Если говорить о женщине-политике, то идеальным ее типом будет, пожалуй, как раз та женщина, которая сможет эту женственность засунуть подальше в карман, т. е. меньше эмоций, больше анализа. На мой взгляд, в реальной жизни всех ближе к этому образу Ангела Меркель.

А если говорить о мужчине, то он должен уметь ставить под контроль свою жажду признания (или, как в народе говорят – не мериться половыми органами с другими политиками), т. е. опять же быть более рациональным. Здесь довольно сложно привести яркий пример, могу только субъективно назвать Николая Саркози).

2. Студентка, 19 лет: «Идеальный политик – мертвый, если только такой ответ не попадает под статью 282)».

3. Студент, 20 лет: «Идеальный политик должен быть честным и целеустремленным, вне зависимости от пола».

4. Менеджер (женщина), 22 года: «Качества, которыми должен обладать идеальный политик: стабильная семья, хорошее образование, лидерские качества, доказанные жизненным опытом (т. е. он должен предьявить пример успешного руководства), чувство юмора, грамотная и уверенная речь. «А еще я свято верю, что место женщины – кухня, а не политика»».

5. Студентка, 20 лет: «Политик должен быть справедливым, немного твердым, властным диктатором, с многосторонним развитием и мирным хобби. Если это женщина, то только с мужским гендером».

6. Менеджер (женщина), 25 лет: «Главное в нем – патриотизм должен присутствовать. Вне зависимости от пола, он должен быть обаятельным, умным и разумным».

7. Менеджер (мужчина), 29 лет: «Женщине в политике не место. Что касается качеств идеального политика вообще – он должен уметь слушать, быть похожим, верить в тех, кому служит, быть аналитиком, примером для других и т. д. и т. п.»

8. Преподаватель младших классов, 55 лет: «Политика уже выбирает людей двучлиных. Но есть и исключения, когда политикой люди вынуждены заниматься для выполнения своих благородных целей... Сталин, Черчилль, Мао Дзе-Дун – титаны, которые жили для

своих народов. Глядя на них можно сформировать образ идеального политика: умный прагматик, гибкий и смотрящий вдаль, патриот своей страны и жесткий до жестокости с врагами Родины. Практически ни одна женщина на это не способна».

9. Старшеклассница, 16 лет: «Идеальный политик – женщина 35-45 лет, с педагогическим или другим гуманитарным образованием, жена и мать. Например, Ангела Меркель или Хиллари Клинтон. Примеров идеальных политиков-мужчин в истории и так немало».

10. Музыкант (женщина), 26 лет: «Я бы хотела, чтобы политический деятель был правдивый и порядочный. Человек не может быть идеальным, но очень хочется, чтобы из этой пучины он выносил какие-то очень честные и порядочные вещи. Безусловно, политик-мужчина помимо ума и интеллекта должен быть и внешне примером. Женщина же не должна забывать о том, что она женщина, т.е. следить за своим стилем».

Гамова Дарья опросила 10 человек по вопросу «Портрет «идеального политика»: гендерные особенности» и попросила составить идеальный портрет мужчины-политика и женщины-политика. Полученные данные:

1. Женщина, 46 лет: «Политиком должен быть обязательно мужчина, потому что у мужчин другой склад ума, нежели у женщин. Представительницы слабого пола должны заниматься домашними делами, так как они являются «хранительницами домашнего очага». В крайнем случае, могут претендовать на должность министра. Женщины имеют гибкий ум, и они могут найти более простой выход из сложившейся ситуации и поступить более культурно, чем представители сильного пола. Президентом в нашей стране должен быть мужчина. Респондент видит его: грамотным, «кристально честным», обладателем человеческих качеств (мораль, воспитанность), лояльным, а не жестким».

2. Мужчина, 45 лет: «Россия – жесткая страна и ей должен управлять жесткий человек, только мужчина. Возможно, что женщина будет « у руля», но не ранее, чем через 25 лет. Женщина может быть министром, так как у нее другой взгляд (как противовес). Политик-мужчина: умный, смелый, авторитетный, справедливый, «никого не бьет по лицу»».

3. Женщина, 42 года: «Мужчина-политик: грамотный, политически подкованный, высокий, интеллигентный, красивый или привле-

кательный, мужественный, волосы зачесаны назад, открытый лоб. На вопрос про женщин, ничего определенного респондент не ответил».

4. Мужчина, 20 лет: «Прерогативу отдает мужчине. Он должен быть требовательным, настойчивым, упорным, целеустремленным, энергичным, честным, неподкупным, иметь качества лидера, чтобы люди шли за ним; он должен работать с народом, учитывая мнения всех слоев населения. Политик виден народу, он проводит пресс-конференции, информация о нем доступна (каждый человек может ознакомиться с его биографией). Если говорить о президенте, то это обязательно мужчина, который был кадровым работником, а не офисным (как пример, Путин В. В., работавший в ФСБ).

Женщина может заниматься образованием, здравоохранением, социальной стороной жизни. Она должна быть лидером для своего аппарата. Ей недопустима мягкость и покладистость, не должна показывать слабость, чтобы не убрали с должности. Она открыта для людей, с уважением относится к разным слоям населения и классам».

5. Женщина, 35 лет: «Мужчина-политик: честный, порядочный, средних лет, грамотный, среднего возраста. Женщина-политик: вышедшая из народа, которая могла бы понять чаяния народа».

6. Женщина, 28 лет: «Мужчина-политик: грамотный, честный, неалчный. Женщина-политик: обязательно замужем, чтобы у нее были дети. Знала, какие нужды у народа, в особенности, женские».

7. Женщина, 22 года: «Политика-женщину вижу, но в России такое маловероятно и малоэффективно, так как народ просто не воспримет.

Политик-мужчина. Во-первых, он должен быть лидером, за кем пойдут, к кому будут прислушиваться. Во-вторых, он должен быть разносторонне развитым во всех сферах, чтоб понимать проблемы страны и решать их. Должен вызывать доверие. Респондент считает, что президент в нашей стране должен избираться только на один срок. Из-за того, что они избираются на 2 и 3 срок ведет к таким результатам, как коррупция, отсутствие новаторства и свежих идей».

8. Мужчина, 21 год: «Политик-мужчина: высокий, спортивный, улыбающийся, светлые волосы, мужественный, образованный (имеет научную степень), знает иностранный язык (чем больше, тем лучше). Как пример – премьер-министр Норвегии. Политик-женщина нужна в нашем государственном аппарате, чтобы был противовес. Она должна быть с виду женственной, но внутри иметь стержень. Женщина-

политик обязательно должна быть замужем и иметь детей, а также быть умной, порядочной, привлекательной, отзывчивой».

9. Мужчина, 53 года: «В политике должны быть только мужчины, женщинам там не место (большая конкурентность и жесткая атмосфера, женщина не выдержит этого). Политик-мужчина должен быть требовательным, жестким, но в тоже время человечным, целеустремленным и с выдержкой. А главное - быть патриотом».

10. Мужчина, 34 года: «В нашей стране основное население – женщины, а все вопросы решают почему-то мужчины. Респондент считает, что в политике должны быть и мужчины и женщины. К тому же есть вещи, которые мужчины просто не всегда понимают. Если мужчины больше думают о войне, то женщины по природе своей думают о мире. Задача мужчин – защищать женщин, а задача женщин – хранить традиции и мир. Поэтому, что мужчина-политик, что женщина-политик должны обладать такими качествами, как честность, бескорыстность, ответственность, образованность, компетентность и опытность».

Махновская Елена опросила 13 человек на предмет того, какой он, идеальный политик. К рассмотрению принимались следующие основные критерии: пол, возраст, образование, семейное положение, внешность, и, конечно же, черты характера. Лексические и речевые ошибки оставлены без изменений.

1. Пол - мужской (на решения и поведение не влияют гормональные перепады); возраст 30-35 (еще молод и энергичен, но уже есть жизненный опыт); образование – экономическое; семейное положение – женат; внешность – средний рост, нормальное телосложение (главное не толстый), приятное лицо (без усов и бороды); характер – уравновешенный, амбициозный, с чувством юмора, хозяйственный, общительный, интеллигентный, подкованный не только политически.

2. Пол – мужской однозначно, потому что мужчины психологически выдержаннее, «исторически» более подготовлены, видят в этом своё главное предназначение, менее эмоциональны и т.д. и т.п., для любой женщины всё равно всегда самым важным будет материнство, какой бы карьеристкой она ни была, это у нее в крови. Образование – ВЫСШЕЕ, причем, я думаю, что это должно быть специализированное учебное заведение, ну, или, во всяком случае, каждый, кто метит в политики, помимо своего одного высшего образования, должен был бы пройти курсы или получить второе высшее. В общем,

учебное заведение должно сочетать в себе направленность юридического, социологического, исторического и философского факультетов (не знаю уж какая там у них программа, но юриспруденцию, законы, историю и философию политик, хороший, не может не знать). Возраст – думаю, что от 25 (когда можно закончить второе высшее) до 55 (когда проблемы со здоровьем не дают думать о работе!). Семейное положение – женат (женщина всегда была лучшей опорой хорошему политику, много примеров есть тому, не будем распространяться). Внешность: обаяние!!! - самое главное это обаяние, все остальное не имеет значения, по большому счету. Характер (но тут сложнее всего, мне кажется, еще бы знак зодиака спросили =)))): выдержка, уверенность в себе, патриотизм, гибкость, на самом деле, важна, умение подстраиваться под обстоятельства и находить контакт с любыми людьми, сдержанность в эмоциях, чтоб никто не понял, какой же характер у этого человека на самом деле. =))).

3. Пол – мужчина; возраст – 40 лет; образование – высшее юридическое, Государственный университет, не обязательно в России; семейное положение не важно; внешность не важна; характер – ответственность, пунктуальность, коммуникабельность.

4. Пол – женщина, конечно. Женщины адекватны, рассудительны, мудрые по жизни, а мужчины живут в нереальном мире. Сейчас женщины умнее мужчин. Возраст – зрелый, к сожалению, 45, даже 50. Образование – высшее; экономика, юриспруденция, политика. Магистратура, второе высшее, стажировка – за границей, международное образование. Семейное положение – замужем, 2-е детей. Внешность – ухоженный, респектабельный вид. Характер – общительная, обаятельная, располагающая к себе, пунктуальная, обязательная, человек дела – меньше слов, больше дела.

5. Пол – мужской, хотя я вообще за женщин, просто их очень мало. Женщины имеют больше понятия о порядке (Елизавета, Екатерина). Возраст – 40 лет. Образование – высшее, потому что человек должен быть «грамотным». Юридическое, экономическое, можно несколько. Семейное положение – должен быть семейным, с детьми – должен быть нормальным. Внешность – без дефектов. Характер – волевой, уравновешенный, выдержанный, порядочный.

6. Пол – женщина, потому что она менее агрессивна, больше чтит мораль, семейные ценности, больше будет выступать за мир, на стороне семьи и детей. Возраст – средний лет 40, достаточно опыта, и сил для осуществления планов. Образование – дипломат, политолог,

экономист (по убывающей). Семейное положение – семья должна быть, одинокому волку нечего терять. Если все познается на практике, то семейные ценности в первую очередь. Внешность определенно должна быть презентабельной, харизматичной. Характер – умение себя держать, уверенность, гибкость ум, терпение, большая работоспособность, любовь к стране и людям, знания, умение учиться. Убеждения – вера в Бога. Для меня наверно Маргарет Тэтчер максимально приближенное лицо к моему представлению.

7. Пол – женщина, для сравнения. Возраст – 35 лет. Образование – юридическое, экономическое, психология. Семейное положение – не замужем. Внешность – официальная внешность. Характер – целеустремленность, строгость, знает чего хочет.

8. Пол – женщина, из солидарности с этим полом. Возраст – от 30. Образование – юридическое, экономическое, психологическое. Семейное положение – без разницы. Внешность – элегантная. Характер – уверенная в себе, толерантная, креативная, сдержанная, справедливая, интеллигентная.

9. Пол – мужской, потому что это, скорее всего, стереотип. Как ни крути, мужчина солиднее смотрится в власти. Возраст: от 30-до 45 лет (можно до 50), молодой (и не очень) и энергичный. Образование высшее, в области политологии и (или) юриспруденции. Семейное положение: женат, семья. Внешность: должен выглядеть солидно, не клоуном, высокий рост, обязательно деловой стиль. Характер: решительность, честность, некая харизма, умение преподнести идеи большой аудитории, умение «вести за собой», большой кругозор и не только в области политики.

10. Пол – мужской, потому что стереотип. Возраст – за 45, без жизненного опыта не может быть нормального политика. Образование – только высшее, специализация не имеет значения. Семейное положение – стереотип – женат. Внешность – не имеет значения. Чем дальше тип от неандертальца, тем лучше. Если у него лицо, как у Шарикова, то даже с дипломом об образовании, никто не поверит, что у него есть мозг. Характер – энергичность, честность (однозначно), максимальное стремление к общему благу или благу государственному, коммуникабельность.

11. Идеальный политик: в молодости сколотил свою рок-банду, до 18 лет играл и пел рок-н-ролл. В 18 лет решил спасти больную мать, бросил музыкальную карьеру, и занялся бизнесом. Впервые в истории России сделал прибыльной мясомолочную отрасль Влади-

мирской области, операцию больной матери доверил российским врачам, с чем они с блеском и справились, оставшийся миллион разделил на две части - одну половину отдал в фонд детей-сирот с пороком сердца, другую половину - пустил на образование. Поступил в МГУ на экономический, чтобы разобраться, как работает экономика страны. Параллельно получил юридическое образование, чтобы знать, как защищать правду. На студенческой практике во Владивостокском окружном суде влюбился в девушку, несправедливо обвиняемую в краже, на самом деле это она была изнасилована местным политиком, а дело против нее сфабриковано. Рискую жизнью, нашел доказательства в ее пользу. Женился на ней. В 30 лет основал инновационную компанию по производству высоких технологий, через 5 лет компания занимала ведущие позиции на рынках Европы, США и Японии, поставляя компоненты для медицинского и космического оборудования. Реализовав свой потенциал в бизнесе, понял, что может совершить нечто большее для погрязшего в коррупции и нищете отечества, основал партию «Счастье». В настоящее время женат, имеет трех собственных и двух приемных детей.))))))))

12. Пол – мужчина, т. к. мужчины мудрее и сдержаннее в большинстве своем. Возраст – около 50-ти. Образование – экономическое (еще б неплохо философское или историческое). Семейное положение – женат и с детьми. Внешность – внушающая уважение. Характер – уравновешенный.

13. Пол – мужик – подсказывает подсознание. Возраст – 40-50. Образование – высшее, экономическое и юридическое. Семейное положение – холост. Внешность – без разницы. Характер – ответственность, пунктуальность, патриотизм.

Десятова Ирина, аналитическую записку о «Портрете «идеального политика» оформила творчески, предварив ее эпиграфом.

- Не ругай политиков,- строго сказал мне мой бес.- И газетами нечего швыряться, тебе же самому потом придется убирать.

- Не ругать политиков?!- возмущился я.- Да ты посмотри, что они делают! Они же... они же...

- А что «они»?- пожал плечами бес.- Нормальные политики. Даже отличные политики, не побоюсь этого слова.

- Отличные?!- взвыл я.

- Конечно. А что тебя так удивляет?

Он всмотрелся в мое лицо, понимающе хмыкнул и скорчил рожу.

- А-а, вот в чем дело. Ты считаешь, что хороший политик обязан печься о благе народа, а плохой - тот, который этого не делает?

- Разумеется.

- Ну, так ты не прав. Политики бывают двух сортов: второго и третьего.

Он поерзал на моем левом плече и воздел вверх палец, начиная лекцию:

- Скажи-ка мне, умник, зачем, по-твоему, люди идут в политику? Нет, не отвечай пока, я сформулирую вопрос иначе. Можешь ли ты себе представить молодого человека, который поступает в Оксфорд, Кембридж или Институт Международных Отношений исключительно для того, чтобы в отдаленном будущем сделать свой народ счастливее?

- М-м... нет... хотя постой... да, могу.

- Правда?- искренне удивился бес.- А скажи тогда, какие шансы у этого феноменального юноши пройти экзамены в МГИМО, удержаться и успешно закончить обучение? Среди сотен поступивших туда юных карьеристов, сынков (ну и дочек) высокопоставленных родителей? И не скурвиться самому, а потом еще заручиться поддержкой партии, где все - такие же бывшие выпускники того же заведения, а без партии ведь никуда, в одиночку к власти не пробьешься. Так вот, я спрашиваю - какие у него шансы пройти весь этот путь и попасть в правительство?

- Нулевые,- уверенно ответил я.

- Правильно, - ободряюще улыбнулся мне бес. - Молодые амбициозные люди, начинающие свою политическую карьеру, преследуют собственные цели. Кто-то жаждет власти, кто-то почестей, кто-то денег, а большинство хотят все это разом. Затем и рвутся в институт, затем и прогрызают себе дорогу наверх, расталкивают других локтями, уничтожают противников, лгут, воруют, дают взятки - лишь бы добрать-

ся до вершины, любой ценой! А ведь не заплатишь любую цену - не доберешься, вот в чем штука!

Бес сплюнул мне в нагрудный карман и продолжил:

- Какие у тебя основания полагать, что, достигнув власти, человек резко изменится? Что он перестанет думать о карьере и личной выгоде и задумается о благе народном?

- Никаких,- признал я.

- Ну, так чего же ты хочешь от политиков? Они делали карьеру для того, чтобы им - понимаешь, им самим, было хорошо. А отнюдь не тебе и уж тем более не какому-то абстрактному «народу». Так что у вас идеальные политики. Всем политикам политики. Образцово-показательные!

(с) Бормор

И действительно. Идеальный политик, каков он? Какими качествами он должен обладать?

Какие требования сегодня люди предъявляют к политикам? И какую роль играют гендерные особенности в этом вопросе?

В ходе опроса – главным достоинством, впрочем, как и во все времена люди называют честность. Возможно, это связано с тем, что люди хотят быть уверенными в своем лидере и полностью ему доверять.

Важнейшим качеством является харизматичность. Но также «при всей своей лидерской харизме, политик должен использовать демократический стиль ведения дел, стремиться решать вопросы коллегиально, информировать визави о положении дел, правильно реагировать на критику». Часто отмечалось, что идеальный политик это, прежде всего – генератор эмоционального настроения.

«Хорошее знание и чувство человеческой природы». Идеальный политик должен уметь подбирать людей и регулировать отношения между ними. Иметь хороший внутренний стержень, который позволит оставаться человеком в любых ситуациях. Политик должен быть принципиальным, честным, коммуникабельным. Должен обладать умеренным чувством юмора, быть самодостаточным, уверенным в себе, «обладать ораторским талантом и красноречием, хорошо ориентироваться в вопросах социума».

На втором месте присутствуют интеллектуальные качества, образование. И как отмечали некоторые люди именно юридическое,

обосновывая это тем, что «политик должен быть дальновидным, оценивать последствия законодательного акта. Уметь проследить реализацию принятого решения». Для кого-то идеальный политик – это «гибрид хорошего менеджера и прирожденного лидера». Для молодого поколения очень важно, чтобы политик понимал « что именно выходит на первый план, какая именно проблема в стране и пытаться разрешить ее. Чтобы он смог создать и реализовать программы для молодежи (имею в виду по работе - так чтобы сразу после института человек смог найти работу желательной по специальности), жилищно-коммунальный вопрос решил». Для многих идеальный политик должен заниматься предотвращением коррупции и не должен превозносить государство-коллективизм как нечто превалирующее над личностью.

Интересно, что некоторые люди сами признавали, что « политика – такая сфера, где быть идеальным – себе дороже». А кто-то вообще считает, что идеальный политик должен быть «мертвым». Конечно, все эти ответы довольно интересны, и у каждого свое мнение на этот счет.

Но, что особенно хотелось бы отметить, так это то, что из 10 респондентов, 7 считают, что нет разницы мужчина это или женщина. Все зависит от качеств человека и его способностей. Тем, самым можно зафиксировать, что большинство людей все-таки придерживаются принципа равноправия между мужчиной и женщиной в политической сфере. То есть, для них не так важны гендерные особенности политика, главное, чтобы он «добросовестно выполнял свою работу и имел большое сердце!».

Всего 2 респондента указали, что в качестве идеального политика видят мужчину. Один из них прокомментировал это следующим образом: «Мужчина (да простят меня феминистки... я отвечу почему, я просто считаю, что женщина не должна брать на себя такую ответственность – ...политика всегда к чему-то обязывает, женщина слишком хороша, чтобы быть политиком)». А второй отметил, что «мужчина, так как он не обременен поддержанием семейного очага». Этот ответ можно отнести к стереотипу, в котором роль женщины воспринимается традиционно, в качестве жены и матери.

И один человек считает, что идеальный политик это все-таки «женщина – потому что, сколько у нас в правительстве мужчин, никто из них ничего не смог сделать, а женщина более целеустремленная и пробивная». Обычно эти качества приписываются мужчинам, нежели женщинам. Таким образом, данный респондент хотел бы видеть в

качестве политика женщину, обладающую все-таки мужским гендером, подчеркивает Десятова Ирина.

Подводя итог, следует отметить, что, по мнению наших респондентов, в целом пол политического деятеля значения не имеет, поскольку качества, которые назывались респондентами, универсальны. Вместе с этим, явное предпочтение отдается мужскому полу и маскулинному гендеру. Однако при этом, многие отмечали, что женщина и политика – это вещи несовместимые. Если допускать женщин в политику, то на средние и низкие позиции.

Общественное мнение в нашей стране склонно поддерживать, таким образом, стереотипное представление о том, что политика – мужское поле, обладающее маскулиным гендером и требующее от акторов, как и прежде, маскулинного гендера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. / Под ред. Малышевой М. М. – М., 2002. С. 145.
2. Цит. по: Введение в гендерные исследования. – М. 2005.
3. Фрейд З. Основные принципы психоанализа. [Пер. с нем., англ.: А.П.Хомик, Е.Б.Глушак]. – М., 1998. С. 134 – 145; Парсонс Т. О структуре социального действия. – М., 2000; Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. / Под ред. Малышевой М. М. – М., 2002. С. 145. С. 205 – 206; Бовуар С. Второй пол. – М., 1997; Бем С. Л. Линзы гендера. – М., 2004; Жеребкина И. Прочти мое желание... Постмодернизм, психоанализ, феминизм. – М., 2000.
4. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. – М., 2004.
5. Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Под ред. Жеребкиной И. – Харьков, 2001.
6. Аристотель. Политика. – М., 2002.
7. Введение в гендерные исследования: Учебное пособие / Под ред. Жеребкиной И. – Харьков, 2001.
8. Гендерные проблемы в общественных науках: Сб. науч. тр. / Под ред. Семашко И. М. – М., 2004.
9. Вейнингер О. Пол и характер. – М., 1991.
10. Goffman, Erving *Interaktion und Geschlecht*. Frankfurt/New York.
11. Fee E. Critiques of Modern Science: the Relationship of Feminism to Other Radical Epistemologies//Feminist Approaches to Science.

12. Women's Studies Encyclopedia. Ed. Tierney H. – N.Y.: Peter Bedrick Books, 1991.

13. Connell, Robert W. 1990. The State, Gender, and Sexual Politics. Theory and Appraisal. *Theory and Society*.

14. Scott, Joan W. 1992: Deconstructing Equality-versus-Difference: or, the Uses of Post-structuralist Theory for Feminism. In: *Defining Women, Social Institutions and Gender Divisions*, hrsg. McDowell, Linda / Pringle, Rosemary. Cambridge.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ ЖЕНСКОЙ ПЕРИОДИКИ В РОССИИ

В XXI веке мировое развитие напрямую зависит от эффективности решения существующих глобальных проблем. В отличие от локальных и региональных, глобальные проблемы требуют объединения усилий государств и международных организаций, так как они затрагивают интересы большинства людей, живущих на Земле, и имеют общечеловеческую значимость. Все более широкие слои населения принимают участие в поисках необходимых решений.

В связи с этим понятен интерес представителей научного сообщества к процессу глобализации, охватывающему все сферы жизни общества – экономическую, политическую, духовную, социальную.

Современные социальные исследователи понимают под глобализацией «постепенное преобразование мирового пространства в единую зону, где беспрепятственно циркулируют капиталы, товары, услуги; где свободно распространяются идеи и перемещаются их носители, стимулируя развитие современных институтов и шлифуя механизмы их взаимодействия»¹. Довольно часто термин «глобализация» используется для обозначения нарастающей взаимозависимости мира – экономической, социально-культурной и политической².

СМИ имеют важнейшее значение для процесса глобализации. С одной стороны, СМИ являются «публичной ареной», на которой развивается дискурс и происходит манипулирование общественным вниманием, с другой – они выступают в роли индикатора процессов интеграции сообщества в единое целое.

¹ См.: Володин А. Г. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // Политические исследования. – М., 1999. № 5. С. 84. Цит. по: Мирошкин М. А. Глобализация как явление: истоки и тенденции // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 57. С. 81-88.

² См.: Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. Выпуск №1. С. 32.

Женские журналы, как самостоятельный вид периодической печати, не являются исключением. Процессы глобализации тесно связаны с развитием отечественной женской периодики.

Издания для женщин появились в России еще в XVIII веке, но лишь с конца XIX столетия начали возрастать их распространенность и доступность.

Важным этапом в процессе развития женской периодики в России явился рубеж XIX – XX веков, когда появились так называемые издания «феминистского толка» («Женский вестник» (1904–1917, СПб), «Женская мысль» (1909–1910, Киев) и пр.). Эти журналы стоят особняком среди прочей периодики тех лет. Заостряя внимание на проблемах, с которыми сталкивалась женщина, они создавали платформу для будущей борьбы за равноправие и, таким образом, интегрировали своих читательниц в особую общность.

Вслед за ними стали выходить общественно-политические женские журналы (такие как «Союз женщин» (1907–1909), «Работница» (начало выхода 1914) и пр.), которые также посвятили себя вопросам, связанным с борьбой за права женщин (в том числе избирательные). Эти журналы продолжали традиции первых феминистских изданий и имели разделы, освещающие не только женский вопрос в России, но и хронику женского движения за границей. Однако все это было лишь начальным этапом развития женской периодики.

В советское время женские журналы стали выпускаться миллионными тиражами (например, журналы «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина» и др.). Для этого периода характерно появление так называемых «массовых изданий» для женщин, которые были сильно идеологизированы и почти ничем не отличались друг от друга.

Лишь после смерти И. В. Сталина «российская журналистика потихоньку стала утрачивать былую монолитность и однообразие»³. Период Хрущевской «оттепели» пришелся на вторую половину 1950 – начало 1960-х гг. и характеризовался ослаблением идеологического давления, что повлекло за собой снижение значения политико-экономической пропаганды. Новые формы общения с аудиторией вели к публичному обсуждению и, следовательно, к признанию «нехарактерных для женщины тоталитарного общества» личных чувств,

³ Ажгихина Н. Парадоксы свободы: гендерные стереотипы и гендерная цензура в современных СМИ // Гласность и журналистика. 1985-2005. – М., 2006. С. 191.

переживаний, внимания к внешнему виду и пр. Прежние идеалы теряли свою актуальность, и печать взялась за поиск вариантов дальнейшего женского воспитания и образования. Отсюда введение в структуру журналов большого количества познавательных рубрик и материалов.⁴ В 1959 г., начиная с № 4, редакция журнала «Работница» ввела новый раздел, в котором поместила «статьи видных писателей, художников, композиторов, артистов в помощь слушателям народных университетов культуры»⁵. Одновременно возросло значение просветительской функции журнала «Крестьянка».

Важно отметить, что как раз в это время (в 1958 г.) к женским изданиям добавился международный журнал – орган Международной федерации женщин «Женщины мира», что отражало изменение международной политической ситуации. Журнал освещал деятельность Федерации и ее национальных организаций, публиковал материалы о положении женщин и детей в различных странах, важнейшие документы МДФЖ⁶, информировал читателей о событиях в международном женском движении. На страницах журнала со статьями, очерками, рассказами, письмами выступали видные общественные деятели, ученые, писатели, журналистки и рядовые женщины разных стран.⁷

В начале 1960-х гг. СССР стал испытывать серьезные экономические трудности. В это же время стала сдавать свои позиции официальная идеология, поэтому идеалы стали терять свою актуальность. Основными приоритетами в 1970 – начале 1980-х гг. стала ориентация на оказание помощи женщине и ее семье в быту. Таким образом, женские журналы из общественно-политических превратились в издания для женщины и ее семьи.

1991–1993 гг. отмечены бурным ростом числа порнографических изданий в России, причем как для мужчин («Мистер Икс»,

⁴ Коломийцева Е. Ю. Формирование женского универсального журнала в отечественной журналистике XVIII–XX веков: история развития и типологические особенности: Автореф. дис. ... док. филол. наук. – Краснодар, 2008. С. 15.

⁵ Работница. 1959. № 4.

⁶ Международная демократическая федерация женщин, МДФЖ – международная женская организация прокоммунистической направленности. Создана в декабре 1945 г. на Международном женском конгрессе в Париже. В 1974 г. в МДФЖ входили 112 национальных женских организаций 97 стран мира. Советских женщин в МДФЖ представлял Комитет советских женщин.

⁷ Женщины мира. 1958. №1.

«Красная шапка», «Андрей»), так и для женщин («Мисс Икс», «Женские дела»). Многие издатели вполне уважаемых журналов и газет публиковали фривольный материал, полагая, что это – «знак свободы и прогресса»⁸.

С середины 1990-х гг. с учетом требований времени началась очередная переориентация женских изданий. Журналы пытались соответствовать ожиданиям целевой аудитории. Появилось несколько новых изданий газетного типа — «Сударушка», «Натали», «Дочки-матери», «Деловая женщина», «Женское счастье» и др. На отечественный рынок пришли адаптированные западные издания. Начался новый период развития на отечественном рынке женских журналов.

Таким образом, поменялась вся структура женской прессы. Теперь в ней можно выделить, во-первых, журналы, имеющие в России многолетнюю историю («Работница», «Крестьянка»), во-вторых, журналы – отечественные аналоги западных изданий («Cosmopolitan», «Marie Claire», «Elle», «Vogue») и третий тип журналов – отечественные журналы, ориентированные на западные варианты, но в итоге являющиеся лишь дешевой пародией на них («Лиза», «Домашний очаг»)⁹.

С распадом СССР информационное пространство России перестало быть изолированным. Ценностные ориентации западноевропейских стран и Америки стали проникать в национальную культуру страны. «Ежемесячные глянцевики журналы стали одним из первых вестников процесса глобализации в России»¹⁰. Однако рынок этой печатной продукции был нестабильным, что обусловлено развитием конкуренции между изданиями.

Как считают исследователи, стало возможным говорить о распространении стандартов потребления и образа жизни, характерного для среднего класса развитых западных стран. Начался период господства глянцевых журналов, «наиболее точно отвечающих запросам

⁸ Ажгихина Н. Парадоксы свободы: гендерные стереотипы и гендерная цензура в современных СМИ // Гласность и журналистика. 1985 – 2005. – М., 2006. С. 197.

⁹ Об этом см.: Гусева Ю. Г. Политическая активность женщин и ее отражение в популярных журналах // Интегративный подход в психологии: Сб. научных статей. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 252.

¹⁰ Черменская С. М. Зарубежные женские глянцевые журналы в информационном пространстве России: трансформация коммуникативных моделей в условиях глобализации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2006. С. 13.

современного общества, определяемого как общество потребления»¹¹. У большинства изданий процент читателей с высоким уровнем доходов составляет большую часть аудитории. Исключение – журналы «Beauty», «Cosmopolitan» и «Она», читатели которых по большей части имеют средний доход, зато именно эти издания занимают наивысшие позиции по охвату аудитории. В 2006 г. средний ежемесячный тираж «Cosmopolitan» составил 1 млн. экз., а к 2008 году читательская аудитория журнала превысила 6 888 200 человек.¹²

Сегодня женские журналы востребованы рынком, о чем свидетельствует устойчивый платежеспособный спрос со стороны аудитории и интерес рекламодателей. Рост конкуренции заставляет журналы для женщин быть более инновационными, искать незанятые ниши потребителей, применять новые форматы, вводить новые рубрики, используя как опыт западных рынков, так и российские традиции, работать над содержанием и качеством материалов.¹³

Такие журналы, как «Крестьянка» и «Работница», существуют и по сей день, сохраняя высокий уровень популярности. Это связано с тем, что журналы развиваются в соответствии с запросами времени — форма и содержание журналов отвечают ожиданиям публики, «запрограммированной» на потребление западных образцов и стереотипов.

В конце 2005 года «Крестьянка» вошла в состав Издательского Дома Родионова. По материалам сайта ИДР тираж журнала составил 151 340 экз., читательская аудитория в России – 841,3 тыс. человек, читательская аудитория в Москве – 196 тыс. человек. По подписке журнал получают 52 тыс. человек. Сегодня «Крестьянка» доступна читателям в 88 регионах России. Наибольшей популярностью журнал пользуется на Урале, в Сибири, и на Юге России, в ближнем зарубежье – на Украине и в Белоруссии, а также в Германии и Испании. По

¹¹ Зверева Е. А. Грани и углы журналистики общества потребления / Потребление как коммуникация – 2009: Материалы 5 междун.конф., 26–27 июня 2009 / Под ред. В. И. Ильина, В. В. Козловского. – СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 78.

¹² Электронная версия журнала «Cosmopolitan. Россия» // <http://www.cosmo.ru/sp/boom/boom.php>.

¹³ Об этом см.: Коломийцева Е. Ю. Формирование женского универсального журнала в отечественной журналистике XVIII–XX веков: история развития и типологические особенности: Автореф. дис. ... док. филол. наук. – Краснодар, 2008. С.16.

популярности «Крестьянка» входит в пятерку ведущих глянцевого журналов для женщин, приобретаемых в России.¹⁴

Вместе с тем, несмотря на значительное количество фото-иллюстраций и цветных разворотов, «женские журналы советской эпохи являлись журналами для чтения: общественно-политическими и художественно-публицистическими изданиями. Основное идейное содержание этих журналов транслировалось при помощи письма»¹⁵. Большинство современных изданий, напротив, предпочитают печатать минимум текста, заполняя основной объем цветными фотографиями, иллюстрациями, рекламой. Идеологическая функция журналов сводится к трансляции потребительских норм и ценностей, в то время как развлекательная функция, используемая для привлечения читателей, стала играть главенствующую роль.

Современная пресса отражает то, что может привлечь интерес не столько «читательской», сколько «целевой» аудитории. Поскольку главным приоритетом издателей является прибыль, то им выгоднее печатать тот материал, который обеспечит высокую популярность издания и, как следствие, обеспечит эффективность размещаемой в издании рекламы различных товаров и услуг. «Насажение с помощью СМИ потребительских стереотипов, использование сексуальных символов и тому подобного, разрушающего духовные основы общества, является результатом деятельности финансовых групп, транснациональных корпораций, национальных корпораций, которым эти СМИ принадлежат, по созданию в России общества потребления»¹⁶.

Переполненный такого рода изданиями рынок является одним из индикаторов идущего в современном мире процесса глобализации.

С другой стороны, согласно Р. Робертсону, необходимо признать существование противоположных тенденций: глобализационные процессы могут и должны принимать форму, отражающую местную специфику. Этот тезис можно подтвердить и на примере развития женской периодики: «своеобразной реакцией на появление в западных медиаимпериях все новых и новых клонов, адресованных женщинам,

¹⁴ Гудова М. Ю. Женские глянцевые журналы: хронотоп воображаемой повседневности: монография / М. Ю. Гудова, И. Д. Ракипова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. С. 18.

¹⁵ Там же. С. 16.

¹⁶ Богдадьев А. С. К вопросу о гендерной экспертизе СМИ // Мужчина и женщина: параллельные миры? / Под ред. С.М. Виноградовой. Вып.2. – СПб.: Роза мира, 2005. С. 133.

стало развитие женских изданий в регионах России, создание даже ассоциации региональных СМИ для женщин и семьи «Женский фактор»¹⁷. Согласно С. М. Черменской, «женские глянцевого журналы одновременно являются носителями не только глобальной связанности разных культур, но и глокализации (глобальной локализации)».¹⁸

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

В Европе журналы для женщин появились гораздо раньше, чем в России, однако путь развития отечественной периодики – самобытен. Одна из его особенностей заключается в том, что в нашей стране развитие женских журналов было тесно связано с женским движением.

Другая особенность, характерная для российской журналистики в целом, выражается в присущей ей зависимости от насаждаемой в советское время идеологии. Падение «железного занавеса» определило новый этап: конец 1990-х гг. ознаменован начавшейся монополизацией СМИ. Большинство современных женских журналов, представленных на рынке, принадлежат двум-трем издательским домам. Глянцевые журналы являются выгодным коммерческим предприятием. Перенасыщенные рекламными объявлениями, они предлагают читательницам яркие картинки «красивой жизни» и навязывают их как эталон существования современной женщины. Причем достигнуть желаемого можно, приобретая рекламируемые в журнале товары. Так происходит насаждение с помощью СМИ потребительских стереотипов и формирование ценностно-нормативной основы общества потребления.

Подводя итог рассмотрению вопроса о взаимосвязи глобализации и этапов развития женской периодики, можно утверждать, что процессы взаимосвязаны. Женские журналы, как и все средства массовой информации, неизбежно включены в ход мирового развития.

¹⁷ Ажгихина Н. Парадоксы свободы: гендерные стереотипы и гендерная цензура в современных СМИ // Гласность и журналистика. 1985–2005. – М., 2006. С. 205.

¹⁸ Черменская С. М. Зарубежные женские глянцевого журналы в информационном пространстве России: трансформация коммуникативных моделей в условиях глобализации : Автореф. дис. ... канд. филол. Наук. – М., 2006. С. 13

Часть 2.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ

Последние лет сорок в развитии социологии, как теоретической, так и эмпирической, ознаменовались постоянными дебатами вокруг будущего социологии в связи с кризисом теории и практики. Нельзя сказать, что тема кризиса не поднималась до появления в 1969 году работы Э. Гоулднера. Скорее «Наступающий кризис Западной социологии» стал предварительным итогом подобного рода рассуждений, и уж со всей очевидностью можно утверждать, что внутри социологического сообщества эта работа сделала легитимными разговоры о научном статусе социологии, положении социологов как ученых, общественных деятелей, а также просто обывателей, заинтересованных в получении материальной выгоды от своей деятельности. Таким образом, было положено начало тому направлению, которое сейчас принято называть социологией социологии¹. Самоанализ, к которому призывал социологическое сообщество тот же Гоулднер, должен был привести к обновлению социологии в теоретическом и, как принято говорить, кадровом плане.

Идея кризиса в социологии оказалась настолько популярной, что ее стали развивать все и всюду. Казалось, что на кризис можно списать обнаруженную вдруг несостоятельность социологической теории, понижение качества эмпирических исследований и, в целом, падение популярности социологии в обществе. Этот процесс переосмысления положения социологии в современном мире привел к некоторым изменениям внутри социологического сообщества, внутри которого сформировался новый институт, а именно, институт критики. Следствием развития этого института стало появление целого корпуса критической литературы по социологии, который и сейчас постоянно пополняется.

¹ Социология социологии, конечно же, не является самостоятельной социологической субдисциплиной, а относится к социологии науки.

Несмотря на огромное количество критических статей, обзоров и монографий, посвященных кризисным явлениям в социологии, видимых перемен в той же теоретической социологии не наблюдается. В рамках классической социологии имеется достаточное количество примеров конструктивной критики, которая приводила к созданию новых теоретических разработок, сегодня же критика не предваряет новое, а замыкается на самое себя. Она существует как бы не внутри социологии, а вовне, занимая тем самым обособленное положение по отношению к своему объекту. Отсюда, социологическая критика не приобрела в глазах социологического сообщества должной репутации, и очередной анализ того, почему социология пребывает в кризисе, остается чаще всего не замеченным.

Возникает сомнение, что социология, вообще, находится в кризисе. Особый интерес к развитию науки как особому социальному институту появился с конца 60-х – 70-е гг. XX в. после публикации работ в рамках философии науки, которые были посвящены изучению этапов развития науки в связи с деятельностью научного сообщества². Главным итогом стало формирование конвенционального подхода к развитию науки. Этот подход быстро приобрел сторонников не только в среде естественных наук, на примере которых он и разрабатывался, но и в среде социальных наук, в частности в социологии. Однако, не все его положения подходят для объяснения процесса становления социологии как науки. Например, имея в виду теорию Т. Куна, можно сказать, что центральный ее тезис о смене парадигм в науке вследствие научных революций абсолютно не применим к социологии, поскольку социологическое сообщество участвует в «революция» и видит «смену» парадигм постфактум. Иначе как объяснить отсутствие полемики непосредственно между Дюркгеймом и Вебером?

Парадигмы и революции в социологии – это исторические конструкты, предлагаемые историками социологии, которые, в случае с упомянутыми классиками социологии, мистифицировали противостояние между их теориями. Результатом этой деятельности стало неискоренимое убеждение большей части социологов о наличии борьбы между макро-подходом и микро-подходом в познании общества. Именно эта борьба, а вернее ее преодоление, является лейтмотивом всей критической литературы по поводу кризиса в социологии: когда

² См.: Т. Кун. Структура научных революций; И. Лакатос. Методология исследовательских программ. П. Фейрабенд. Против метода и др.

раскол будет преодолен, тогда социология выйдет из состояния кризиса.

На современном этапе развития социологии эти исторические конструкты, в дополнение к упомянутому сюда можно отнести и сам кризис в социологии, для большей части научного сообщества стали объективной реальностью. Главным трендом трех последних десятилетий в теоретической социологии стал синтез макро- и микро-теорий, который так и не довелось завершить и вряд ли удастся. Попытки, предпринятые в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. Бурдьё, Хабермасом и Гидденсом, конечно же выделяются на общем фоне, но они не нашли достойного развития в теоретической социологии и, как кажется, сейчас не вызывают энтузиазма даже у двух ныне живущих авторов. Тем не менее, в рамках истории социологии этот синтез идет полным ходом: создается конструкт новой парадигмы, которую все чаще называют интегративной. Получается, что при отсутствии оригинальной социологической теории ее функции в рамках науки социологии берет на себя история социологии.

Освещение вопроса о взаимоотношении социологической теории и истории социологии, особенно касательно степени автономии этих сфер в первую очередь по отношению друг к другу, очень важно для понимания нынешнего состояния социологии и тех проблем, которые попадают в ее поле зрения как науки и от которых зависит ее существование, опять же как науки.

При обсуждении современных проблем социологии, необходимо определиться с тем, во-первых, что подразумевается под проблемой и, во-вторых, какие проблемы следует считать современными. Термин «проблема» (от греческого *πρόβλημα* – задача) очень широко используется в российском социологическом дискурсе, настолько широко, что при переводе его на иностранные языки, он часто просто опускается, поскольку фактически не несет на себе никакой смысловой нагрузки.

В словарях русского языка можно встретить такие определения проблемы: сложный вопрос, задача, требующие разрешения, исследования; (разг.) то, что трудно разрешимо, осуществимо (С. И. Ожегов); теоретический или практический вопрос, требующий разрешения, исследования (Современный словарь иностранных слов). В «Большом энциклопедическом словаре» проблема, в широком смысле – сложный теоретический или практический вопрос, требующий изучения, разрешения; в науке – противоречивая ситуация, выступающая в виде

противоположных позиций в объяснении каких-либо явлений, объектов, процессов и требующая адекватной теории для ее разрешения. Наконец, в социологическом словаре дается такое определение: все то, что требует изучения и решения; объективно возникающий комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес³.

Часто термин «проблема» играет роль маркера, цель которого просто привлечь внимание к тому или иному вопросу теории или практики без реальных попыток поиска ответов на поставленные вопросы, именно в этом случае он не несет никакой смысловой нагрузки. Такое его использование наиболее часто в социологических текстах по поводу развития самой социологии, и как следствие, социологическое сообщество уже привыкло к обилию проблем и значительному меньшему количеству решений этих проблем. Нужно иметь в виду, что здесь не идет речь о социальных проблемах, поскольку это тема для отдельного разговора. Речь идет о том, как обозначаются и решаются проблемы теории, практики, эпистемологии и методологии социологии, то есть тот корпус проблем, который затрагивает социологию как определенный вид деятельности, где сталкиваются между собой не только идеи, но и интересы отдельных групп внутри профессионального сообщества.

Принимая во внимание уже сложившийся опыт использования термина «проблема» в обозначенном выше контексте, целесообразно принять на вооружение определение из социологического словаря, в котором проблема, еще раз повторимся, трактуется как *объективно возникающий комплекс вопросов, решение которых представляет существенный практический или теоретический интерес*. Однако, нужно иметь в виду, что акцент здесь смещается с решения объективно возникающих вопросов на субъективный интерес к ним, который и является подлинным двигателем научного познания. Иными словами, что и как познавать, решает само научное сообщество, при том, что формально все нормы как бы подчинения объективной необходимости будут соблюдены.

Что касается того, какие проблемы следует считать современными, то большая часть ответа на этот вопрос содержится уже в предыдущих рассуждениях. Современным будет то, что интересно науч-

³ Энциклопедический социологический словарь. Под общей ред. Осипова Г. В. — М.: ИСПИ РАН. 1995. С. 584.

ному сообществу на данном этапе развития социологии. Само же социологическое сообщество на нынешнем этапе своего развития далеко от единства, это становится очевидным даже на национальном уровне.

В действительности существуют отдельные группы по практическим интересам, по общности взглядов на теорию и методологию социологии, а также по идеологическим предпочтениям. За редким исключением эти группы представляют собой научные школы, по большей части это неустойчивые образования вокруг каких-либо социологических организаций. Отсюда отмечается огромный разброс мнений по поводу того, какие проблемы необходимо решать сейчас, а какие представляются неактуальными. Категория «современная проблема» весьма относительна и приобретает эвристическую ценность лишь с учетом контекста ее использования. Таким образом, начертание карты современных проблем социологии – задача очень сложная во всех отношениях, и сколько бы мы не стремились придать ей законченный вид, она всегда будет страдать некоторой фрагментарностью.

Тем не менее, разговор на эту тему должен постоянно вестись в рамках социологии, и самой главной площадкой для его развития в первую очередь является университет. На факультете социологии СПбГУ фактически с момента открытия магистерских программ начал преподаваться курс «Современные проблемы социологии» в рамках так называемого федерального компонента, то есть его слушали магистранты вне зависимости от выбранного профиля. В 2003 году была опубликована программа этого курса⁴. Однако с 2011 года данный курс был исключен из базовой части учебного периода обучения.

В качестве основных задач курса определено формирование у студентов представления, во-первых, об основных теоретических ориентациях социологии в современных условиях; во-вторых, о динамике социальных проблем и проблематике исследований; в-третьих, проблемах современного общества; в-четвертых, о современных проблемах методологии и методики; наконец, в-пятых, о проблемах социологического образования и перспективах социологии. Основное внимание в этом курсе уделяется проблемам теоретической социологии, таким образом, создается впечатление, что именно теория является средоточием проблем социологии как науки. Конечно, проблемам эмпи-

⁴ Бороноев А. О. Современные проблемы социологии // Социология: Учебные программы: Магистратура / под ред. А.В. Петрова. – СПб.: Социологическое общество им. М. М. Ковалевского, 2003. С 23-29.

рических исследований также уделяется внимание в лекции, посвященной анализу динамики проблематики современного спектра социологических исследований. В заключительных лекциях курса говорится о вопросах взаимоотношения социологии и общества, а также проблемах социологического образования.

Интерес к проблемам теоретической социологии во многом обусловлен тем, что данная сфера долгое время задавала темп развития социологии в целом. Как правило, изменения в недрах теории становились толчком к преобразованию облика социологии в целом. По устойчивой традиции всегда разграничивали теоретическую и эмпирическую социологию. Однако, с появлением работ Р. Мертон, в которых он изложил свою точку зрения на предмет преодоления пропасти между теорией и практикой посредством разработки теорий среднего уровня, эта проблема стала выглядеть не столь уж безнадежной. И вот уже в учебниках социологии запечатлена новая структура социологического знания, где между общей теорией и эмпирическим знанием помещены теории среднего уровня или, как их еще называют, специальные социологические теории. Отражает ли это схема реальное положение дел – это уже другой вопрос, главное здесь то, что социологическое сообщество воспринимает эту схему как реальное состояние социологии на современном этапе ее развития и руководствуется ею на разных уровнях своей деятельности.

В рамках теории постоянно появляются новые идеи, часть из которых представляют вариации на старые темы, но не все они приводят к реальным изменениям. Изменения начинают происходить после того, как происходит тиражирование новой идеи, а это происходит во многом благодаря всякого рода компиляторам и интерпретаторам, трудящихся скорее на ниве истории социологии, нежели непосредственно теоретической социологии. Именно они влияют на формирование настроений внутри социологического сообщества относительно того, что актуально, интересно, проблематично.

Итак, о каких же проблемах при преподавании курса «Современные проблемы социологии» стоит говорить в первую очередь? Нужно иметь в виду, что история развития науки – это не только история развития теорий, подходов, парадигм, но и история формирования и деятельности научного сообщества. Процесс институционализации новой сферы знания имеет два важных аспекта: когнитивный и

социальный⁵. Принимая эту позицию, можно выделить два типа проблем социологии: теоретико-практические проблемы, когда социология понимается как особый вид знания и профессионально-организационные проблемы, когда социология воспринимается как определенный вид деятельности.

Первому блоку проблем традиционно уделяется большее внимание, как при преподавании, так и в социологическом дискурсе. Во многом это связано с шаткостью позиций социологии как науки на начальных стадиях ее существования, потому спектр обсуждаемых проблем сводился в основном к постулированию независимости социологии от других наук выделением особого объекта и предмета изучения, собственной методологии и т.д. Заинтересованность в решении этих проблем было как внутри науки, так и вовне. После того как основные этапы институционализации социологии завершились, и социология заняла свое место среди других социальных наук, обсуждение этих проблем, как не парадоксально, не прекратилось. Оно стало развиваться по законам замкнутого внутри научного дискурса. Такая ситуация существует и сейчас, чтобы удостовериться в этом достаточно просмотреть публикации за несколько последних лет, как в российских, так и зарубежных социологических журналах.

Второй блок проблем находится несколько в тени и интересует сейчас, в первую очередь, тех, кто занимается социологией науки. Как уже отмечалось выше, обсуждение проблем профессионального сообщества и организации деятельности социологических учреждений в академической, образовательной и исследовательских сферах особенно активным стало с момента укоренения в социологическом дискурсе темы кризиса дисциплины. Популярность этой темы привело, если можно так сказать, к смене парадигмы восприятия социологии в поле социальных наук, оказалось, что сфера идеального очень тесно связана с материальной. Стало очевидно, что без переосмысления положения социологии среди других видов деятельности в обществе не возможно решить и теоретико-практических проблем науки. Постепенно количество переросло в качество, и современные публикации относительно организации социологического образования, организации работы исследовательского коллектива, структуры социологического

⁵ Иванов О. И. Введение в социологию социальных проблем: Учебно-методическое пособие. – СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 9.

сообщества и т. д. стали более конструктивными и избавленными от тревожных увещеваний по поводу кризиса и скорого конца социологии.

Социология сейчас находится на том этапе развития, когда количество и серьезность проблем, затрагивающих ее на разных уровнях, не грозит ее существованию. Возникновение комплексов вопросов, требующих скорого разрешения, как кажется, не зависит от объективных условий существования самой науки, этот процесс стимулируется, прежде всего, интересами групп внутри профессионального сообщества. От успешности продвижения этих интересов и, стало быть, степени влияния самой группы зависит и масштаб постановки проблемы. Соответственно, чем эти показатели выше, тем более значимой будет проблема, тогда-то у остальной части сообщества и складывается мнение о том, что проблема возникла в силу объективных обстоятельств, а не является чьим-то конструктом.

Обращаясь к первому блоку, хотелось бы обратить внимание на проблему анализа и синтеза в познавательном процессе, проблемы функционирования понятийного аппарата, проблему соотношения теории и практики. Этот перечень, конечно же, не претендует на полноту и отображает лишь озабоченность автора по этой проблематике.

Анализ и синтез – это два взаимосвязанных логических приема мышления, которые применительно к процессу познания в частности социальной реальности оформились в методы. С развитием естествознания особую популярность приобрел анализ, что отразилось по понятным причинам и на социальных науках, особенно в период их становления. В качестве главного преимущества этого метода часто отмечается то, что он помог отойти от умозрительных конструктов, так широко используемых в философии, к оперированию непосредственно эмпирическими фактами. Это особенно было актуально для социологии на начальном этапе ее развития, которая всячески старалась отмежеваться от философии. Расчленение целого на отдельные элементы позволяло лучше понять структуру и строение этого целого, кроме того становились сразу очевидными и результаты применения этого метода, что выражалось в создании классификаций описывающих объект-целое. Однако необходимо всегда понимать, что анализ создает некоторую искусственность в представлении объекта, и применительно к социологии, в представлении общества. Эта искусственность выражается в абсолютизации роли классификаций и выявленных компонентов изучаемого объекта в социальном познании.

Социология, в отличие от естественных наук, не может похвалиться осязаемостью результатов своей деятельности. В качестве основного вклада часто представляются классификации или типологии, которые в зависимости от степени влиятельности теоретического направления или школы, продвигающих их, могут занять исключительное место в представлении изучаемого объекта. К такому статусу своих классификаций стремиться каждый социолог. Но очевидно, что классификация – это лишь вариант отображения существенных свойств изучаемой реальности, и он зависит, прежде всего, от субъекта познания. В связи с этим классификация больше отмечена печатью субъективного, нежели, как принято считать, объективного.

Именно здесь и кроется основная проблема применения этих методов в социологии. В современной социологии анализ явно превагирует над синтезом. Если в классических теоретических построениях можно усмотреть анализ, сопровождаемый синтезом, то есть разделение целого (общества) на отдельные компоненты не было самоцелью, главным было, напротив, получение нового знания о целом. Сейчас происходит замыкание на анализе. Общество выступает в качестве объекта социологии лишь номинально, поскольку социологи имеют дело с отдельными его компонентами, и самоцелью становится изучение этих компонентов, безотносительно к целому. Неслучайно сейчас все чаще раздаются призывы исключить из социологического лексикона само понятие общество, в силу того, что оно не несет смысловой нагрузки. Но избавление от понятия не приведет к решению имеющейся проблемы, суть которой заключается в том, что анализ как метод познания социальной реальности должен с необходимостью завершаться синтезом. Таким образом, сейчас общество как некое целое не может быть объяснено социологами.

Вторая проблема современной социологии связана с функционированием понятийного аппарата. Как уже отмечалось выше, социология как наука за образец взяла естествознание, но изначально она не могла соответствовать ему, поскольку природа изучаемого объекта у социологии принципиально иная. Специфику социального познания обуславливает то обстоятельство, что общество одновременно является объектом и субъектом познания⁶, что означает включенность социологии в общественную жизнь и невозможность занять ею отстра-

⁶ Иванов О.И. Методология социологии: Учебно-методическое пособие. – СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 11.

ненную позицию в изучении общества. При этом нужно считать, что речь здесь не идет о некоем абстрактном обществе, напротив общество всегда конкретно, и эта ее конкретность накладывает отпечаток и на организацию процесса социального познания, поскольку субъект познания всегда соотнесен с определенной культурой, национальностью, социальным слоем, религией и, наконец, языком.

Данный вопрос затрагивался уже классиками социологии, то есть он возникает с момента осознания социологией самой себя. Сразу наметились две стратегии поведения: социолог как ученый, беспристрастный наблюдатель, занимающий нейтральную позицию по отношению к объекту изучения и социолог как ученый, но активно участвующий в процессах, которые он изучает, исполняющий роль преобразователя общества. Первую стратегию связывают с именем Макса Вебера, вторая в российской традиции исходит от субъективной школы во главе с К. М. Михайловским. Более подробно эта ситуация, существующая и в современной социологии, будет рассмотрена ниже при обсуждении проблемы взаимоотношения социологии и общества. Здесь же она приводится в качестве отправной точки в рассмотрении того, как, исходя из столь диаметральных позиций, осуществляется процесс описания и объяснения социальных явлений. Можно ли быть уверенными, что понятия, по форме совпадающие, имеют одинаковое содержание, как для объективистов, так и для активистов?

В развитии социологической теории и при описании результатов эмпирических исследований имеется еще одно существенное затруднение. Его суть состоит в том, что, как и в случае с теорией, так и в случае с эмпирическим исследованием, результатом всей работы будет текст. В отличие от естествознания социология не располагает искусственным языком, который бы был понятен всем вне зависимости от культурно-языковой принадлежности ученого. Напротив, социология, как и все без исключения другие социальные науки, целиком и полностью зависят от естественных языков, на которых говорят и пишут ученые. Именно на основе этих конкретных языков формируется понятия, называемые социологическими. Эти понятия самим научным сообществом воспринимаются так, как будто бы они являются частью того искусственного языка, который создается в рамках социологии. Однако существование такого языка это большая иллюзия, которая мешает социологам осознать истинное положение их науки в структуре познания природы и общества.

В действительности никаких универсальных социологических понятий выработать не удалось. Работа в этом направлении, безусловно, ведется и наиболее заметными ее результаты становятся при выходе очередного социологического словаря или энциклопедии. Однако все подобные издания принимаются с известными оговорками по поводу принадлежности составителя к определенной научной и, что более важно, национальной школе. В связи с этим многоязычность социологического сообщества должна рассматриваться как важный фактор развития дисциплины в целом.

Терминологическая разногласица, таким образом, может и не трактоваться как проблема современной социологии, она скорее является неотъемлемым признаком социологии. Обилие терминов, обозначающих зачастую одни и те же социальные явления, ведет к формированию представления о неохватности социальной реальности. У начинающих социологов от этого часто опускаются руки, однако, в действительности, все обстоит гораздо прозаичнее. Это обилие терминов — плод разобщенности социологического сообщества, когда в рамках отдельных социологических теорий может формироваться собственная терминология в пику уже существующей. Интересно то, что ввод нового термина и оформление за ним нового понятия часто представляется в виде открытия новых аспектов социальной реальности, тогда как в действительности речь идет об уже известном социальном явлении, но под другим названием. Таким образом, язык с его метафоричностью и образностью в полной мере влияет на процесс создания новых теорий и концептуальных систем в социологии, и это обстоятельство необходимо учитывать при анализе нынешнего этапа развития социологии.

Другой важной теоретико-практической проблемой современной социологии является проблема соотношения теории и практики. История социологии на начальном этапе ее существования часто преподносится как история формирования двух «разных» социологий: теоретической и эмпирической, т. е. теоретики мало интересовались тем, какие результаты получались в рамках эмпирических социологических исследований, а практики обходили стороной теоретиков, считая их теоретические объяснения социальной действительности слишком далекими от реального положения дел. Со временем между этими «разными» социологиями, как принято считать, Р. Мертон построил мост, объявив о необходимости создания частных теорий, которые

бы возникали вследствие практической необходимости, но с учетом уже имеющейся теоретической перспективы.

Жесткого разделения социологии на теоретическую и эмпирическую, на наш взгляд, никогда не существовало и не существует и ныне. Любая теория зарождается под влиянием социально-экономических условий, имеющих в ту или иную эпоху. Именно контекст эпохи представляет собой эмпирическую базу для теоретического творчества. Потому говорить об оторванности теории от реальной жизни не приходится. Что касается эмпирических исследований, то они, безусловно, пересекаются с теорией при обработке результатов, когда начинается процесс интерпретации эмпирического материала. Даже при таком абрисе данной темы, становится очевидным, что противопоставление теории и практики это ни что иное, как очередной конструкт истории социологии, ставший со временем стереотипом, прочно укоренившимся в социологическом мышлении.

Можно предположить, что на разных этапах развития социологии прослеживалось либо превалирование теории над практикой, что отмечается историками социологии, например, на рубеже XIX–XX вв., либо бурное развитие прикладных и эмпирических исследований, что во многом характерно для современного этапа развития социологии. Абсолютизации и теории и практики ведет, в конечном счете, к извращению базового принципа существования любой науки – всесторонне объяснить изучаемую реальность.

Современная социология бедна на теории, и то, что сейчас выдается за движение теоретической мысли, скорее всего, является практикой компиляций. Источником вдохновения для современного социолога-теоретика служит не социальная реальность, а сам социологический дискурс, который хотя и является частью этой реальности, тем не менее, представляет собой искусственный конструкт. Не лучше дело обстоит и с эмпирической социологией. Здесь представлена другая крайность – полное растворение в социальной реальности, вернее в вариантах социальной реальности, природа которой в каждом конкретном случае определяется интересом исследователя.

Обилие эмпирических исследований качественно не улучшило наше понимание общества, не смогло создать прочную базу для социологического прогнозирования, что от социологии ожидается в первую очередь. Это происходит во многом от того, что нет общей концепции эмпирического поиска, понимания того, для чего описывается современное общество. Современный социолог-эмпирик уподоб-

ляется в лучшем случае этнографу, цель которого состоит в как можно более сжатые сроки собрать наибольшее количество информации об объекте в надежде когда-нибудь позже ее упорядочить и интерпретировать. Однако нужно понимать, что условия сбора эмпирической информации в данном случае разные, и над социологом не висит угроза завтра потерять изучаемый объект.

Подводя итог сказанному в отношении теории и практики, хотелось бы отметить, что границу между теоретической социологией и эмпирической социологией следует понимать, как средство выделения двух этапов (но ни в коем случае двух различных способов) познания объективной реальности, не пытаясь установить первичность каждого из них. Имеющееся же сейчас явное противопоставление теории и практики – это, скорее всего, следствие развитие социологического сообщества, когда теоретики заявляют об особенностях своих практик познания социального, а практики – о своих.

Таким образом, мы подошли ко второму блоку проблем современной социологии. Профессионально-организационные проблемы в развитии социологии всегда оказывали большое влияние на ход развития дисциплины, но их обсуждение происходит скорее эпизодически, чем систематически. Особое внимание здесь хотелось бы обратить на такие проблемы, как взаимоотношения социологии и общества, а также на проблему дифференциации социологии и формирование различных социологических субдисциплин.

Успешность развития всякого научного сообщества зависит от того, насколько результаты его деятельности востребованы обществом и есть ли вообще заказ на производимое им знание. Бурное развитие социальных наук совпало как раз с периодом культурных, социальных, политических, экономических перемен, интенсивность и глубина которых полностью изменили облик западного общества. Социология в том виде, в котором она нам предстает сейчас, могла развиться только в лоне западного общества, поскольку в условиях постоянной социальной нестабильности появилась потребность в прогнозировании общественного развития на основе знания об обществе. Эта потребность выказывалась как государством, так и частным сектором и институтами зарождавшегося гражданского общества. В итоге, прикладные социологические исследования начала XX в. сыграли огромную роль в процессе институционализации социологии, позволив ей превратиться из маргинального философского течения в respectable академическую науку.

В первой половине XX в. социология продолжала удерживать лидирующие позиции как в сфере прикладных исследований, так и теоретических разработок, в фокусе внимания которых находилась социальная проблематика, кроме того, она пользовалась доверием своих основных заказчиков из сферы политики и бизнеса. Однако, уже с 60-х гг. XX в. начинается постепенное понижение уровня участия социологии в решение насущных проблем общества. Это во многом произошло из-за неготовности социологии воспринять новый виток перемен, сотрясавших основы западного общества: ее респектабельность, академичность и инертность не смогли ничего противопоставить мобильности и активности новых социальных квазинаук, таких как маркетинг, связи с общественностью, так называемые коммуникативные науки и т.п.

Несмотря на очевидность перемен, произошедших в общественном сознании, социологическое сообщество в большинстве случаев продолжает придерживаться ранее выбранной стратегии взаимоотношений с публикой, когда инициатором взаимодействия и потребителем являлась последняя. Кроме того, академическая социология всегда старалась не вмешиваться в процесс внедрения результатов социологических исследований, особенно касающихся политической сферы. Такая отстраненная позиция привела к потере социологией лидирующих позиций среди других социальных наук.

Сейчас социологи все чаще заявляют о необходимости активно-го продвижения достижений социологии и своем активном участии в жизни общества. Этот процесс протекает нелегко, зачастую препятствия возникают в рамках самого социологического сообщества. Однако важность его развития очевидна, поскольку социология, как и любая другая социальная наука, должна меняться вместе с обществом, тогда и социологи будут востребованы и успешны в конкуренции за ресурсы с представителями схожих научных дисциплин.

Своеобразной реакцией социологического сообщества на вызовы конкурентов, на наш взгляд, стала интенсификация процесса дифференциации социологии. Именно внешние обстоятельства стали основной причиной безудержного процесса дробления «большой» социологии на различные субдисциплины. Конечно, процесс дифференциации имеет давнюю историю (как на особую проблему в развитии социологии на нее указывал уже Дюркгейм), в ходе него оформились многие социологические дисциплины, без которых немислима совре-

менная социология в целом. Однако на современном этапе логика этого процесса изменилась.

Если на ранней его стадии возникновение новых социологических субдисциплин было обусловлено необходимостью детализации объекта социологии в целом вследствие увеличения объема знаний о нем, то сейчас детализация объекта абсолютно бессмысленна и скорее носит деструктивный характер. Процесс дифференциации, таким образом, обусловлен не логикой научного познания, а внешними обстоятельствами, в которых сейчас оказалось социологическое сообщество: конкуренция за ресурсы и приверженцев с представителями других социальных наук, борьба за влияние внутри научного сообщества отдельных группировок и т. д.

Дифференциация науки, кроме того, что она имеет инструментальный, механический характер, обладает еще очень важной чертой, а именно то, что она создает видимость упорядоченности и гармоничности реальности, изучаемой социологией. Действительно, глядя на современную социологию, складывается впечатление, что она успела объять необъятное. Смотреть на социальную реальность стало привычным через призму разделения социологии на различные субдисциплины. Порой может показаться, что взаимоотношения между отдельными сегментами этой реальности, происходят таким же образом, как и между субдисциплинами, изучающими эти сегменты.

Отсюда возникает вопрос, не руководствуются ли социологи в познании социальной реальности в первую очередь целесообразностью развития самой науки социологии, а не реальными задачами, которые ставит перед ними современное общество?

ТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ИДЕОЛОГИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В истекшее десятилетие социологическая дискуссия о судьбах религии в современном мире принципиальным образом изменила свои теоретико-методологические основания. Анализ социологических публикаций по проблеме позволяет говорить об отчетливо артикулируемом отказе от нескончаемых обсуждений процессов секуляризации в пользу осмысления проблемы дисциплинарной замкнутости и гуманитарной аскетичности социологии религии. На смену концепциям и теориям секуляризации пришел дискурс, открывающий широкие горизонты междисциплинарного изучения религиозных идеологий в глобальном формате. В научный обиход этот дискурс включен рубриками «религия в эпоху глобализации» и «глобализация религии», охватывающими огромный разброс тематик. В нижеследующем рассмотрении я предлагаю сосредоточиться на теоретико-методологических и эмпирических составляющих проблемы научного осмысления функционирования религиозных идеологий в глобальном пространстве политических, экономических, международных, социокультурных и прочих взаимодействий и коммуникаций.

В перспективе социологического обсуждения проблемы мне представляется необходимым говорить отнюдь не о глобализации некоей абстрактной религии, где в пределе западные ученые имеют в виду христианство, ислам и новые религиозные движения. В течение многих десятилетий социология религии продолжает неотступно фокусироваться лишь на одном объекте изучения – религиозные организации и движения, позиции которых представлены в формате мировоззренческого плюрализма западного образца на «рынке религий» неазиатских обществ. Это предельно возможное сужение предметной области социологии религии, воспроизводимое академической средой в течение ряда десятилетий, имеет своим следствием неустанную апелляцию к давно устаревшим мыслительным моделям, подходам и в пределе – к экстраполяции европейского опыта трактовок религии и

форм ее существования. Такое положение дел во многом объясняет, почему социология религии фактически оказывается исключенной из круга социологических дисциплин, располагающих значительным прогностическим ресурсом и способностью разрабатывать тезисы, использование которых выходит за рамки наук о религии.

Полагаю, что современное, созвучное актуальной сложности мира, рассмотрение глобальных форм и содержаний религиозных идеологий требует иной постановки проблемы. Содержание этой проблемы состоит в острой нехватке социологических концептуализаций новых форм глобального функционирования религиозных идеологий. И речь здесь следует вести о формах, порожденных новым содержанием коммуникаций поверх национальных, территориальных и прочих границ.

Принципиально новым в глобальном пространстве идеологий следует считать вовлеченность традиционных религиозных идеологий в интерпретацию проблем политического, идеологического, экономического и социокультурного взаимодействия стран с различным историко-культурным прошлым и геополитическими амбициями. И, как показывают исследования социологии миграций, политической социологии и глобальной социологии, содержание процесса глобализации религий составляет совсем не «столкновении цивилизаций» или «неизбежность реванша Бога».

Социологический ракурс рассмотрения позволяет говорить о вполне конкретных формах политической, экономической и геополитической мобилизации идеологического ресурса традиционных религиозных идеологий. Так, благодаря транснациональной активности католических и протестантских организаций, буддийских, мусульманских, индуистских диаспорных анклавов в пространстве глобального дискурса о демократизации и глобальном гражданском обществе обнаруживаются диаметрально противоположные точки зрения и позиции. И, что особенно важно, это разнообразие позиций представлено в формате диалога. Более того, вовлечение религиозно-идеологической риторики в дискурс о глобальных судьбах мира, позиционирование религиозной принадлежности в качестве доминанты социокультурной идентичности выступают отчетливыми стратегиями этноменьшинств, детерриторизированных сообществ и неправительственных гражданских организаций в их стремлении быть включенными в глобальное пространство идеологий.

Социологическое рассмотрение поставленной проблемы предполагает анализ динамики ее формирования и проникновения в исследовательские тематики дисциплин, занимающихся научным изучением религии. В этой динамике можно выделить три этапа. Первый этап социологического и религиоведческого осмысления глобальных судеб религиозных идеологий представляет собой рефлексию об институционализации различных религий в конкретных исторических рамках и социокультурных условиях, а главное — в пределах национальных государств и территорий.

В силу того, что социология религии является продуктом западной научной рефлексии, предметно и объектно замкнутой на неазиатские общества, в фокусе ее внимания оказывалось христианство и отношения христианства с нехристианскими идеологиями. Подчеркну, что изучение идеологий нехристианского Востока оставалось преимущественной областью исследований востоковедов и антропологов. А они, в свою очередь, заняли неоправданно снобистскую позицию по отношению к социологии религии как науке «не работающей непосредственно с восточными языками и культурами» и развивающей абстрактное теоретизирование о христианских или бесписьменных обществах. Это взаимное пренебрежение результатами научных поисков и исследований имело под собой отчетливое основание, коренящееся в специфике институционализации традиционных религиозных идеологий.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению заявленной проблемы, полагаю необходимым сделать ряд понятийно-терминологических уточнений, касающихся разработанной мною аналитической рамки¹ для изучения процессов институционализации традиционных религий в их исторической ретроспективе и в историческом континууме современных обществ.

Понятие «традиционная религиозная идеология» включает в себя ряд обязательных структурных компонентов — письменно зафиксированную религиозную доктрину; способ институционального и организационного самовоспроизведения религиозной системы, исторически закреплённый в социокультурной форме конкретного обще-

¹ Подробное изложение предложенной мною теории институционализации традиционных религиозных идеологий см.: Островская Е. А. Религиозная модель общества. Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005.

ства; собственную концепцию «истории» (религиозная мета-историческая концепция) и модель общества. В соответствии с данной трактовкой к традиционным религиям относятся те, социокультурная эволюция которых исторически восходит к стратифицированному типу дифференциации общества. А это в свою очередь означает, что их традиция выстраивалась в ходе социокультурной эволюции стратифицированных обществ, т.е. формулирование доктрины, вызревание религиозных институтов и организаций, концептуализация «истории» и письменная фиксация религиозной модели общества были всецело замкнуты на историко-культурный контекст определенного типа социальной системы.

Необходимо отметить, что понятие «традиция» применимо лишь к тем обществам, которым была известна письменность и рефлексия о тексте. Именно этот критерий кладется в основу различения примитивных и развитых религий. Таким образом, к развитым религиям относятся все те, которые обнаруживают различие себя как системы и среды, характеризуются отчетливым организационным уровнем функционирования, наличием сформулированной и письменно зафиксированной доктрины, а также производят рефлексию о самих себе, воплощаемую «теологической» дискуссией и комментаторскими традициями.

Вводимое нами понятие «традиционные религиозные идеологии» охватывает собой все те религии, историко-культурная динамика которых обнаруживает постадийное вызревание институциональной модели функционирования религиозной системы в качестве тотально господствующей идеологии. Критерием классификации религии как традиционной выступает наличие в ней концепции «истории» и религиозной модели общества. Оба эти компонента традиционных религий являются продуктом функционирования религии в статусе политической идеологии, мотивирующей тотальную рефлексию системы о самой себе. Специфика этих религий заключается в создаваемых ими религиозных «моделях общества».

Под «традиционными религиями» мы понимаем только те, которые в своем самоописании базируются на письменном источнике знания, т.е. располагают сформулированной и письменно зафиксированной доктриной. Наряду с кодификацией священных/канонических текстов в традиционных религиозных системах обнаруживается отчетливое различие системы и среды. Это различие обретает свое закрепление в письменно зафиксированной модели институциональ-

ного самовоспроизведения религии как системы — в «религиозной модели общества».

Религиозная модель общества представляет собой коммуникативный уровень религиозной подсистемы общества — ее коммуникативное самоописание или рефлексию о самой себе. Она воплощает институциональную структуру религиозной социетальной системы, складывающуюся исторически и подвергающуюся письменной фиксации в контексте теологического дискурса об основаниях социальной реальности. В этой модели необходимо вычленять четыре обязательных института — институт религиозных профессионалов, институт мирянства, институт религиозного образования и институт религиозного реципрока (форма религиозной коммуникации между тремя другими институтами). Ее средой выступают священные доктринальные тексты, теологический дискурс о социальной реальности и религиозные организации.

Обнаруживаемая в традиционных религиях «модель общества» — это идеологический конструкт религиозно-философской герменевтики. Конструкт этот есть результат дискурса религиозных идеологов относительно стихийно сложившейся институциональной формы функционирования религии в историко-культурной реальности конкретного общества и письменно зафиксированной доктринальной картины мира. Картина мира, или обнаруживающаяся во всех без исключения традиционных религиозных системах религиозная антропология, содержит истолкование природы человека и целей человеческой жизни, сущности социального действия и ценностно-нормативных его оснований, предельных смыслов социального взаимодействия.

Конструируемая религиозными мыслителями «модель общества» — это уже значительно удаленная по времени возникновения теоретико-понятийная рефлексия религиозной системы о способе самовоспроизведения в сложившемся обществе. И в этой связи важно не терять из вида то обстоятельство, что речь идет о самовоспроизведении религии в качестве господствующей идеологии. Именно благодаря формулировке и письменной фиксации рефлексии системы о самой себе — «модели общества» — традиционная религия и становится способной выступать в качестве социально-политической идеологии. И в этом пункте необходимо ввести дополнительное различение традиционных религиозных идеологий и мировых религий как таковых.

Общепринятым в социологии религии, религиоведении и антропологии религии считается отождествление мировых религий с теми

религиями, которые фиксируют на уровне доктрины безразличие к национальным, этническим и территориальным границам, содержат в качестве обязательного компонента установку на миссионирование и прозелитацию.

Однако для нашего исследования необходимо специфицировать это общепринятое определение. К мировым религиям мы относим только те, историко-культурная динамика которых предполагала разработку такой модели общества, которая может быть трансплантирована в принципиально иные, отличные от эндемичной зоны распространения, типы обществ. Специфика социокультурной эволюции мировых религий состоит в том, что они зарождаются только в обществах определенного типа сложности – обществах, обнаруживающих широкую палитру вариативности в подсистемах. Они изначально формируются в жестком противопоставлении уже существующим религиозным способам легитимации политической и социально-экономической стратификации. Институциональный и организационный уровни мировых религий формируются в ходе реинтерпретации уже существующей социальной реальности.

Социокультурная эволюция мировых религий предполагает наличие широкого горизонта вариативности трактовок социальной реальности, представленных в коммуникации религиозных систем, возникших в этом обществе ранее. Таким образом, производимая ими селекция смыслов учитывает возможности, не использованные в уже существующих религиозных системах. В силу этого среда мировых религий – «миссионерское поле» – оказывается гораздо более широкой, нежели в религиях национально замкнутых.

Наряду с вышесказанным, необходимо удерживать в фокусе внимания и тот факт, что «мировыми» религии становятся по мере их распространения за пределы зоны возникновения. И в этом смысле специфика таких религий заключается в принципиальной возможности их институционализации в качестве государственной идеологии и за пределами эндемичной зоны. Эта возможность как раз и обусловлена тем, что формулируемая ими религиозная модель общества содержательно не замкнута на воспроизведении этнических/национальных и административно-территориальных границ, а предлагаемая концепция «истории» (религиозная метаисторическая концепция) имеет универсальный характер.

Проделанный мною экскурс в теорию институционализации традиционных религиозных идеологий позволяет со всей очевидно-

стью констатировать, что первым этапом процесса глобализации религий следует считать процесс институционализации мировых религий и национально замкнутых религий на конкретных территориях в пределах политических пространств конкретных регионов и государств.

Различные религиозные идеологии – мировые религии и религии национально замкнутые, этнические религиозные традиции сформировались и получили свое социокультурное закрепление в пределах конкретных территорий, национальных государств, геополитических регионов. В их исторической ретроспективе можно с уверенностью констатировать устойчивые типы национальной, территориальной, языковой и социокультурной практики воспроизведения. Так, общества Западной и Восточной Европы, России, США и Канады воспроизводили в своей рефлексии христианские и так называемые постхристианские образцы ценностно-нормативных оснований как деятельности религиозной, так и деятельности экономической, политической, правовой, образовательной и прочей. Применительно к странам Дальнего Востока следует говорить об институционально привычных буддизме, конфуцианстве и местных этнических верованиях и культах. Южная и Юго-Восточная Азия обнаруживали превалирование индуизма, буддизма, ислама и также автохтонных верований. Ближний и Средний Восток издавна и прочно увязываются с исламом, иудаизмом, вкраплениями христианства, племенными верованиями и культами.

В истории каждого из указанных регионов прослеживаются как периоды доминантного (и даже монопольного) функционирования какой-либо религиозной идеологии, так и периоды функциональной дифференциации религиозной и прочих подсистем общества. Также необходимо констатировать, что во всех названных регионах христианство имело опыт частичной институционализации.

Второй этап динамики созреваания обсуждаемой проблемы обозначился только в связи с переделом территориальных и национальных границ функционирования этих религиозных идеологий. В научных дискуссиях исследователей религий этот этап отчетливо маркирован появлением термина «глобализация религии».

Профессиональным социологам религии представляется весьма сомнительным определение сущности процесса глобализации религий как проникновения различных религиозных идеологий в новые для них территории и регионы. А именно так этот процесс пытались опре-

делить в 1970–1980-х гг. Суммируя попытки определения глобализации религии на том этапе научной дискуссии, можно свести их к тезису о «приходе Востока на Запад».

Применительно к Западной и Восточной Европе, США и Канаде этот незамысловатый тезис обладал известной долей истинности. Действительно, вплоть до 1970-х – начала 1980-х годов знакомство западного мира с буддизмом, индуизмом, исламом ограничивалось «колониальной» эрудицией или мистическими поисками философствующих интеллектуалов. Полагаю достаточным упомянуть здесь в качестве примеров деятельность Теософского общества Е. Блаватской и пропагандистов «восточной духовности» Дж. Кришнамурти, Судзуки, супругов К. Н. и Е. И. Рерих, эссеистические интервенции З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма, Э. Эриксона в область религиозных практик буддийской Азии. Меж тем теоретическое и полевое изучение религиозных идеологий Востока продолжало оставаться уделом узкого круга специалистов – востоковедов, антропологов, религиоведов.

Первичное поверхностное осознание нерелевантности трактовки процесса глобализации религии как знакомства западного мира с азиатскими религиозными традициями относится к середине 1990-х годов. Потоки эмигрантов, беженцев и трудовых мигрантов принесли с собой не только новые экономические, политические и социокультурные коммуникации, радикальным образом изменившие стабильный постхристианский мир. Ислам, буддизм, индуизм предстали взору западного человека в реалиях, воздвигаемых в европейских и заатлантических мегаполисах мечетей, буддийских и индуистских храмов, в функционировании центров медитации и йоги. На излете 1990-х гг. западные религиоведы и социологи религии вступили в полосу ренессанса исследовательского интереса к религиозным организациям, а самые отчаянные из них решились на изучение нехристианских организаций.

Анализ тематики публикаций, социологических конференций, исследовательской активности данного периода показывает, что итогом этого первичного осознания глобальных изменений стали концепции под общей рубрикой «новые религиозные движения и культы», а также ревизия теорий и концепций секуляризации. Именно под этими рубриками были возвращены концепты «мировоззренческого плюрализма», дискуссии о новых формах толерантности, космополитизма и способах аккомодации религиозных меньшинств.

Определенным достижением и отчетливым шагом вперед явилась «социология конверсации» – новое теоретико-методологическое направление. Я обозначаю его как маргинальное, поскольку попытка изучения обращения европейцев в азиатские религии была предпринята крайне малочисленной группой германских ученых, апеллировавших к американским методологическим разработкам и стремившихся включить объект собственных исследований в консервативное академическое русло теорий, принятых в социологии и религиоведении².

Методологическая операционализация теоретических и концептуальных результатов социологии конверсации оказалась невозможной на втором этапе осмысления глобальных судеб традиционных религиозных идеологий. Причина этого коренилась в устаревшей теоретико-методологической базе социологии религии, непригодной для изучения новых глобальных трансформаций социальной реальности как в национальном, так и в транснациональном измерении. Необходимо было выйти за пределы прежних предметных разграничений, освоить те новые социологические концепции, которые разрабатывались другими отраслевыми дисциплинами.

О третьем этапе динамики вызревания проблемы научного осмысления глобальной востребованности религиозных идеологий можно с уверенностью говорить только применительно к середине 1990-х гг. Принципиально важно отметить, что подлинное понимание идущей полным ходом реструктуризации пространства идеологий в целом и способов функционирования религиозных идеологий как его неотъемлемой части зародилось вовсе не в области религиоведения или социологии религии. Вопрос о необходимости новых научных концептуализаций способов самовоспроизведения религий в совре-

² См., например, Wohlrab-Sahr M. (Hg.) *Biographie und Religion. Zwischen Ritual und Selbstsuche*. Frankfurt/Main; New York: Campus Verlag, 1995; Knoblauch H., Krech V., Wohlrab-Sahr M. (Hgs.) *Religiöse Konversion. Systematische und fallorientierte Studien in soziologische Perspektive*. Konstanz: UVK, Univ.-Verl. Konstanz, 1998; Wohlrab-Sahr M. *Konversion zum Islam in Deutschland und den USA*. Frankfurt/Main; New York: Campus Verlag, 1998; Baumann M. *Deutsche Buddhisten. Geschichte und Gemeinschaften*. Marburg: diagonal-Verlag, 1995; Baumann M. *Migration – Religion – Integration. Buddhistische Vietnamesen und hinduistische Tamilen in Deutschland*. Marburg: diagonal-Verlag, 2000; Saalfrank E.S. *Geistige Heimat im Buddhismus aus Tibet. Eine empirische Studie am Beispiel der Kagyüpas in Deutschland*. Ulm: Fabri Verlag, 1997.

менной реальности и роли религиозного фактора в глобальной реструктуризации мира был поставлен в сфере исследований, группирующихся под общей рубрикой «global studies».

Социологическое осмысление проблемы впервые обнаружило себя в контексте обсуждения «глобализации религии» — темы, сравнительно недавно сформировавшейся в теоретической социологии религии. Наибольшей популярностью здесь пользуются тезисы, выдвинутые Р. Робертсоном, П. Бейером, Х. Казановой. Немаловажно подчеркнуть, что именно эти ученые отважились на достаточно жесткую критику теорий секуляризации и приватизации религии как безнадежно устаревших в их стандартном академическом применении и малопригодных для анализа тех проектов глобализации, которые реализуются традиционными религиозными идеологиями в современном мире.

Именно в середине 1990-х гг. вышли в свет статьи и монографии, посвященные попыткам социологической интерпретации новых идеологических позиций, организационных и институциональных функций религии в процессе глобализации мира. Первопроходцем в этом направлении стал Р. Робертсон, инициировавший в конце 1980-х гг. дискурс о глобализации. В статье «Globalization, Politics, and Religion» (1989) он выдвинул неоспоримый тезис о «политизации религии» и «религиозации политики»³, предложил полностью отойти от социологических концептуализаций религии на базе гносеологической установки, именуемой «секуляризация».

Развязанная Робертсоном непримиримая война с засильем теорий секуляризации преобразовала его исходный тезис в набор рыхлых и слабо аргументированных постулатов. Трактую секуляризацию как установленное и конституционально-закрепленное разделение функций религии и политики, или отделение церкви от государства, он выделил в качестве ключевой характеристики современной глобальной реальности новые формы воссоединения религии и политики. Яркими репрезентантами этой тенденции Робертсону виделись исламские государства Ближнего и Среднего Востока⁴, в идеологических пространствах которых возникли разнообразные организации и движения религиозного фундаментализма. Сюда же он причислил и радикальные

³ Robertson R. Globalization, Politics, and Religion. In: Beckford J.A., Luckmann T. (eds.). The Changing Face of Religion. — Beverly Hills, 1989, P. 10–23.

⁴ См.: Robertson R. Globalization, Politics, and Religion, P. 12–13.

религиозные организации Пакистана, Индонезии, Филиппин, и католические либеральные движения Латинской Америки, и японское движение Сокагакай⁵.

Критика репрезентативности подобранных Робертсоном примеров не входит в задачи настоящего рассмотрения, поскольку оно подорвало бы на корню авторский тезис. Ограничусь здесь лишь ремаркой: методика преподнесения иллюстративного материала, как, впрочем, и ключевые тезисы отсылают читателя к далекому прошлому социальной философии в ее рассуждениях об универсальной истории человечества, выстраиваемой путем синхронизации гетерогенных феноменов.

Парадоксальным образом в работах живого классика социологии религии концептуализация трансформаций религиозных идеологий в эпоху глобализации оказалась на статусе некоей периферийной тематики. В большинстве своих статей Робертсон так или иначе упоминает о роли религиозных организаций и движений в глобальных процессах «универсализации партикуляризма» и «партикуляризации универсализма», пытаясь встроить эти сложные словесные конструкции в собственное философствование об универсальной истории человечества, венцом которой и выступает глобализация⁶. В контексте анализа теоретических и методологических оснований современной социологической дискуссии о глобализации религии определенное значение имеет лишь тезис Робертсона о глобально обнаруживаемом вовлечении религиозных идеологий в политические дискурсы о деятельности правительств, о власти и управлении. Этот феномен он и обозначает термином «политизация религии», иллюстрируя его смысл апелляцией к политизированной активности мусульманских и иудейских фундаменталистских организаций, либеральной теологии, евангелических и прочих религиозных организаций.

Гораздо менее удачным мне представляется робертсоновский неологизм «религиозация» политики, маркирующий другую составляющую выхода религии в глобальное пространство идеологий. В данном случае подразумевается вторжение государства и прави-

⁵ См.: Robertson R. Globalization, Politics, and Religion, P. 15–16.

⁶ Подробный анализ понятийного аппарата теории глобализации и глобальной культуры Р. Робертсона см.: Островская Е. А. Глобализация культуры // Теория культуры. Учебное пособие под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. – СПб.: Питер, 2008, С. 546–548.

тельства в те ниши приватной жизни индивида, которые прежде были сферой компетенции религии. К ним относятся политико-правовые дефиниции жизни как таковой в связи с осмыслением проблем абортов, медицинских технологий продления жизни, сексуальности, морали и судеб рода человеческого в связи с распространением ВИЧ инфицирования⁷. Анализ этой размытой аргументации, изложенной в форме общих суждений без конкретных иллюстраций, позволяет заключить, что за термином «религиозация политики» стоит некая творческая интуиция, смысл которой далеко не очевиден.

Оставляя в стороне критику тезисов Робертсона, подчеркну, что его вклад видится мне в самой попытке вовлечь социологов различных отраслей в осмысление новых форм, функций и ролей, принимаемых религиозными идеологиями в глобальном пространстве. Именно Робертсон указал на самое суть глобальной трансформации применительно к религиозным подсистемам: глобально ориентированные религии претендуют на рефлексию о мировом порядке⁸, включаясь тем самым в глобальный политический дискурс на статусе идеологии, располагающей весомым конкурентным потенциалом в сравнении с политическими и экономическими способами рефлексии о социальной реальности.

Непримиримая теоретическая позиция по отношению к скомпрометировавшей себя гносеологической установке под названием «секуляризация» содержится и в монографии П.Бейера «Religion and Globalization» (1994)⁹. Ядром бейеровского рассмотрения современных форм организационного и институционального воспроизводства религий в условиях глобализированной современности выступает постулат о принципиально значимой роли религиозных идеологий в процессах развития, разработки и проблематизации смыслов глобальной системы¹⁰. Теоретическим основанием данного постулата становится определение религии в качестве одной из неотъемлемых подсистем современного общества, объемлющей религиозное взаимодействие, религиозные организации и религиозные коммуникации. Ины-

⁷ Подробный анализ понятийного аппарата теории глобализации и глобальной культуры Р. Робертсона см.: Островская Е. А. Глобализация культуры // Теория культуры. Учебное пособие под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. – СПб.: Питер, 2008. С. 14.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ Beyer P. Religion and Globalization. – London: Sage Publications, 1994.

¹⁰ Там же. Р.3.

ми словами, социологическая доминанта теоретизирования Бейера заключается в утверждении о несводимости религии к религиозной принадлежности или религиозной организации.

Он полагает, что теории секуляризации устарели не столько в своей содержательной части, сколько в их гносеологических, а, следовательно, и стратегических посылах. Трактую свой предмет исключительно как проблему утраты идеологической монополии религиозных организаций в современном обществе, эти теории посвящены разработке методологии изучения новых форм организации религиозной жизнедеятельности современного верующего, специфике его религиозной принадлежности и религиозности¹¹. В этом контексте Бейер однако не предлагает социологам религии отказаться от излюбленного объекта изучения. Он призывает взглянуть на религиозные организации, религиозную принадлежность и религиозную идентичность с точки зрения их глобальных измерений и перспектив.

Бейер выступает, по сути, за реструктуризацию предмета исследований современной социологии религии. Он постулирует, что религия, подобно другим функциональным подсистемам современного общества, есть социальная сфера, манифестирующая себя и в качестве социокультурно партикулярной, и в качестве глобально универсальной¹². Публичное влияние и авторитет религии, как, впрочем, и любой другой подсистемы современного общества, напрямую зависит от влияния и авторитета ее профессионалов в общественности. Мировоззренческое воздействие религиозных профессионалов не проявляется более в прежних исторических формах национально-территориальной замкнутости. Однако это совсем не означает, что религии отказались от идеологических амбиций и возможности реализовать свой потенциал в новых глобальных форматах.

Важным вкладом Бейера в дискуссию о формах функционирования религиозных идеологий в глобальном масштабе следует считать критику утвердившейся в социологии религии дихотомии «публичное — приватное» как методологической рамки, применяемой в научных исследованиях специфики функционирования традиционных религиозных идеологий в современных обществах.

Бейер аргументировано демонстрирует слабую теоретическую состоятельность противопоставления «публичной религии» некоего

¹¹ P. Religion and Globalization. – London: Sage Publications, 1994. P. 79.

¹² Там же. P. 67.

прошлого «приватизированной религии» абстрактного настоящего. По мысли Бейера, сконцентрированность современных социологов на обсуждении процессов приватизации религии обусловлена не столько самой социальной реальностью, сколько давлением парадигмы секуляризации. Он подчеркивает, что любая религиозная система воспроизводит себя и в качестве публичной, являя собственные смыслы в деятельности религиозных профессионалов, и в качестве приватной – в религиозном взаимодействии, а также на уровне индивидуальной веры и практики¹³. В публичной коммуникации религия воплощает заложенный в ней идеологический ресурс «производства» смыслов. Этот ресурс, как правило, востребован другими подсистемами общества, и в первую очередь – политической, нуждающейся в артикуляции и легитимации вновь образованных глобализацией смыслов. В приватной коммуникации реализуются собственно религиозные функциональные смыслы, релевантные воспроизводству индивидуальной и групповой идентичностей. Центральным для Бейера становится вопрос – сможет ли религия обрести публичный авторитет и влияние в глобальном обществе в качестве социетальной подсистемы или она окажется задействованной исключительно как социокультурный ресурс, используемый другими подсистемами?

Ответ на него Бейер ищет в области анализа либеральной и консервативной опций глобального функционирования религиозных идеологий. Обе эти возможности выхода религии в глобальную публичность сопряжены с выбором идеологических оснований для конструирования ожидаемой от религии рефлексии в терминах имманентное–трансцендентное.

Либеральная опция религиозной рефлексии о глобальном социуме базируется на размытом, неспецифицированном образе аномии, принятом в современном политическом дискурсе. Воплощением зла, антитезой миру трансцендентного, становится нетерпимость и партикуляристские приписывания. В этой перспективе от религиозных профессионалов ожидается мировоззренческое подкрепление установки на политкорректность, прозелитация экуменизма и толерантности¹⁴.

Консервативная опция предполагает публичную артикуляцию доктринально закреплённых оснований общественного консенсуса, то

¹³ P. Religion and Globalization. – London: Sage Publications, 1994. P. 71-81, 87.

¹⁴ Там же. P. 86-87.

есть конструирование образа глобального мира сквозь призму партикулярных религиозных ценностей и норм. Согласно Бейеру, консервативная форма глобального функционирования религий манифестирует себя через апелляцию к индивиду, противопоставляя его обезличенным, безнравственным социальным структурам¹⁵.

Обе эти возможности, реализуемые религиями в глобальном пространстве идеологий, есть ни что иное как воплощение публичной или приватной формы функционирования религии. В глобальном социальном пространстве религия сталкивается все с тем же ассортиментом структурной социетальной сложности современного общества. Структурная специфика современного общества такова, что религия более не востребована в качестве смыслообразующего регулятора ценностных оснований деятельности. Современное общество предполагает конкурентное сосуществование рефлексий об обществе различных подсистем, индифферентных к религиозному осмыслению ценностных оснований их деятельности.

Бейер полагает, что на пути развертывания религиозной рефлексии об обществе в пространстве глобальных идеологий обнаруживаются прежние сложности, характерные для условий ее привязанности к какой-либо конкретной территории, государству, нации. Структурные изменения современного общества и их глобальная манифестация делают проблематичной артикуляцию антиструктур, антиномии, то есть создают серьезные барьеры для «персонификации зла»¹⁶. Согласно Бейеру, современное общество обнаруживает безразличие к ценностным основаниям деятельности, так как мораль уже не выступает более привилегированной формой социального регулирования. Каждая из социетальных подсистем руководствуется собственной рефлексией о ценностной рациональности деятельности. Так, в экономической подсистеме ценностным основанием деятельности является получение прибыли и доли на рынке. Политическая подсистема допускает в качестве приемлемой для политиков нормы лжи, уловки и компромисс относительно исходных нравственных принципов, поскольку подобные способы деятельности имеют своим следствием достижение и укрепление власти. В научной подсистеме образцовой становится деятельность, нацеленная на открытие нового вне рефлексии о моральных последствиях последующего использования резуль-

¹⁵ P. Religion and Globalization. – London: Sage Publications, 1994. P. 90.

¹⁶ Там же. P. 72.

татов научных открытий. В глобальной перспективе общество оказывается неспособным сконструировать образ аутсайдера, который выступал бы репрезентом зла, опасности и хаоса. Отсюда Бейер приходит к выводу, что глобальное общество не в состоянии идентифицировать собственные морально-нравственные основы.

Эта системная слабость глобального общества и открывает религиям доступ к публичному дискурсу о конкурирующих идеологических рефлексиях других подсистем. Бейер полагает, что либеральный и консервативный модусы глобального функционирования религии являются по своей сути взаимодополняющими, поскольку воплощают публичные и приватные запросы других подсистем. Так, либеральная опция способствует артикуляции политкорректного образа зла и антинормии, апеллирует ко всему человечеству и коммунитарному прошлому религий. Консервативная опция решает проблему включения в дискурс изгоев и аутсайдеров глобализации, адресуясь к ним как религиозным идентичностям.

Обе опции, реализующие публичный и приватный форматы функционирования религии в глобальном пространстве, адресованы различным аудиториям. А это структурное обстоятельство в свою очередь фрагментирует религиозную рефлексию о глобальном обществе, ставя под вопрос ее необходимость и востребованность в глобальном пространстве идеологий. В качестве одного из перспективных способов решения внутренних противоречий каждой из опций, их разобщенности Бейер указывает на формирование новых религиозных социальных движений¹⁷. Собственное теоретизирование Бейер подкрепляет прикладным изучением пяти объектов — организаций «Нового христианского права» в США, движения «Либеральной теологии» в Латинской Америке, исламской революции в Иране, организаций «нового сионизма» в Израиле, религиозного инвайронментализма.

Во многом созвучным бейеровскому рассмотрению оказывается и тезис Х.Казановы, интерпретирующий глобализацию религии как процесс ее деприватизации или выхода на публичные арены. Концепция «деприватизации религии», выдвинутая Казановой в монографии «Public Religions in the Modern World» (1994)¹⁸, стимулировала западных социологов религии обратиться к осмыслению новых форм и со-

¹⁷ P. Religion and Globalization. — London: Sage Publications, 1994. P. 107.

¹⁸ Casanova J. Public Religions in the Modern World. — Chicago & London: The University of Chicago Press, 1994.

держаний религиозной подсистемы, обретаемых в формате выхода в глобальное публичное пространство идеологий.

Итак, о приватизации религии следует говорить только применительно к ситуации 1960-1970-х гг. Казанова полагает, что, начиная с 1980-х гг., имеет место обратный процесс — деприватизации и реполитизации религий, причем касается это преимущественно традиционных религиозных институтов и организаций. Деприватизация традиционных религиозных институтов и организаций видится ему в трех аспекта современного позиционирования религий в публичной сфере: вторжение религиозных организаций в публичный дискурс по проблемам современных свобод и прав граждан и артикуляция собственных позиций по вопросу противопоставления гражданского общества абсолютистским и авторитарным режимам (1); продвижение в публичность религиозно-идеологических оценок ценностно-нормативного основания деятельности секулярных подсистем, дифференцированных от религиозной подсистемы (2); стремление публично обозначить свою охранительную позицию по отношению к традиционной картине мира, ущемляемой административным и юридическим вторжением государства (3)¹⁹.

Основополагающая идея Казановы выражена в тезисе о религиозных организациях, вновь обретающих прежнюю идентичность через публичное позиционирование собственного мнения, а также утверждая свое право голоса в дискурсе современного гражданского общества. Деприватизация религии, таким образом, представляет собой процесс отказа религиозной системы от навязанной ей роли «приватизированной реальности». Религии активно включаются в недифференцированную публичную сферу гражданского общества, стремясь занять ключевые позиции в решении полемических вопросов дискурсивной легитимации и перedelывания границ.

Теоретические положения Казанова иллюстрирует детальным анализом результатов проделанного им кейс-стади пяти объектов: идеологические и организационные трансформации, которым подверглись католические церкви Испании, Польши и Бразилии, возникновение протестантских фундаменталистских организаций евангеликов, идеологическая реструктуризация католицизма США. В анализе этих объектов Казанова показывает, каким образом современные со-

¹⁹ Casanova J. Public Religions in the Modern World, P. 57-58.

циологические концепции гражданского общества, глобализации, неправительственных коммерческих организаций²⁰ и прочие могут быть использованы в перспективе обретения нового знания на поле социологии религии.

В докладе «Religion, the New Millenium, and Globalization» 2001 г. Казанова напрямую обращается к вопросу о социологическом анализе специфики функционирования традиционных религий в условиях современной глобализированной реальности²¹. Его теоретическая разработка оказывается принципиально важной, поскольку позволяет в перспективе учесть новые формы глобальной институционализации религии²² и транснациональный формат организации религиозной жизнедеятельности.

Оставаясь верным утвердившимся в социологии религии позициям, Казанова уходит от анализа проблемы функционирования религиозной подсистемы современного общества в условиях глобализации, отсылая свою аудиторию к работам Р. Робертсона и Дж. Чирико, Дж. Симпсона, П. Бейера²³. Предметом собственного рассмотрения он

²⁰ К сожалению, формат настоящей статьи не предполагает подробного рассмотрения результатов прикладного исследования Казановой. Однако будущий профессиональный религиовед и социолог религии с необходимостью должен ознакомиться с этим богатейшим материалом, поскольку в нем содержится демонстрация методик социологического эмпирического исследования, сочетающаяся с детальным анализом динамики трансформаций католических организаций от национально замкнутых в направлении выхода в публичную активность НГО гражданского общества и т. д. См.: Casanova J. Public Religions in the Modern World, P. 75–211.

²¹ Casanova J. Religion, the New Millenium, and Globalization // *Sociology of Religion* 2001, 62, P. 415–441.

²² Под глобальной институционализацией я понимаю новое социокультурное закрепление религиозных институтов традиционной религиозной модели общества в детерриторизованном глобальном пространстве. Подробное рассмотрение глобальной формы институционализации тибетского буддизма. См.: Островская-мл. Е. А. Воины радуги: Институционализация буддийской модели общества в Тибете. – СПб.: Изд. Санкт-Петербургского университета. 2008, С. 261–314.

²³ Robertson R., Chirico J. Humanity, Globalization, and Worldwide Religious Resurgence: A Theoretical Exploration // *Sociological Analysis*, 1985, vol. 46, № 3, pp. 219–249; Simpson J. The great reversal: Selves, communities, and the global system // *Sociology of Religion*, 1996, 57, P. 115–125; Beyer P. Religion and Globalization. – London: Sage Publications, 1994.

обозначает провоцируемые глобализацией изменения модели отношений церкви, государства, нации и гражданского общества. А в качестве иллюстративных примеров выбирает католицизм и пятидесятничество²⁴.

Вслед за Робертсоном, он исходит из постулата, что глобализация являет собой новую философию пространства, благодаря которой впервые можно говорить о реально разворачивающейся в настоящем всемирной истории человечества. Глобализация как философия пространства сменила устаревшую философию истории с ее концепцией прогресса, конструировавшейся с помощью метафоры времени. Социологические размышления об отношениях церкви, государства, нации в глобальной перспективе должны, следовательно, выстраиваться через метафору пространства, учитывая те изменения, которым подвергаются государство, нация, рынок и гражданское общество. Ключевым компонентом этих изменений становится, по мысли Казановы, их отрыв от территориальной привязанности, выход в некое глобальное пространство коммуникаций.

Применительно к модели отношений церкви и государства радикальная реструктуризация осуществилась уже в контексте территориальной закреплённости нации, государства и культуры современных обществ. Либеральное государство подорвало монополистские притязания церкви либо путем конституционального закрепления разделения их функций и введения принципов свободы воли и вероисповедания, либо введением принципа разумной религиозной толерантности. Согласно Казанове, глобализация лишь расширила эти преобразования, уничтожив территориальную закреплённость и государств, и наций, и гражданства, и церкви. А осуществилось это благодаря универсализации и глобализации детерриторизированной ныне доктрины прав человека. Мировая система государств и ее надгосударственные учреждения и институты сакрализовали индивида как носителя неотчуждаемых прав, главным из которых является право на свободу совести. Руководствуясь этими сакральными правами, они подрывают традиционный «этатистский принцип» невмешательства во внутренние дела государств. Стирая привычную территориально обусловленную связь между государством, рынком, нацией и гражданским обществом, глобализация элиминирует и модель функционирования национальной религии в территориальных границах конкрет-

²⁴ Casanova J. Religion, the New Millenium, and Globalization, P. 424.

ного государства²⁵. Основным выводом Казановы в данном контексте рассуждений становится тезис о разрушении самой модели отношений церкви и государства, поскольку глобализация лишает их всякого смысла.

Инновацию социологического осмысления отношений церковь-государство-нация Казанова производит путем внедрения понятия «детерриторизация». И здесь необходимо отметить, что данное понятие было создано в рамках таких дисциплин, как глобальная социология и социология миграций применительно к описанию и анализу процессов формирования новых детерриторизированных этносообществ, многообразная активность которых осуществляется поверх национальных, государственных и территориальных границ. Принципиально важно, что авторы данного понятия имели в виду не некую философскую абстракцию, а вполне конкретные этносообщества, или сообщества мигрантов, туристов, ученых и т. д., покинувших родину либо утративших свою исконную территорию. Казанова вкладывает в указанное понятие иной смысл.

Глобализация открывает возможность возвращения древним цивилизациям и мировым религиям, но не в качестве культурных единиц, привязанных к конкретным нациям, народам и государствам, а в статусе детерриторизированных «воображаемых сообществ»²⁶, которые превосходят воображаемые национальные сообщества и даже конкурируют с ними²⁷. Примечательно, что свой тезис Казанова аргументирует путем апелляции к истории западных государств, причем конструирует вехи этой истории с европоцентристским пафосом.

Он утверждает, что сам принцип территориальности, точнее, принцип закреплённости национальных государств и религий в пределах конкретных территорий, был установлен исключительно благодаря триумфу европейского модерна и всемирной системы государств с их глобальной колониальной экспансией. Более того, Казанова полагает, что данный принцип возник благодаря распространению западного христианства, его плюрализации в различных национальных государствах и национальных церквях. Западное христианство стало

²⁵ Casanova J. Religion, the New Millenium, and Globalization, P. 425.

²⁶ Казанова использует в своем рассмотрении разработанно Б. Андерсоном понятие «воображаемые сообщества».

²⁷ Casanova J. Religion, the New Millenium, and Globalization, P. 430.

первой цивилизацией, закрепившей национальное государство на конкретной территории²⁸.

В развернутой Казановой аргументации, пренебрегающей реалиями и историей азиатских обществ и религий, вполне логичным выглядит обращение к католичеству и пятидесятничеству как единственным репрезентам глобального детерриторизированного функционирования религии.

Отдельного внимания заслуживает, на мой взгляд, ключевой тезис Казановой о производимом глобализацией разрыве внутренней связи между концепциями сакрального времени, пространства, народа, содержащихся во всех мировых религиях и историями конкретных народов и территорий. Он трактует этот разрыв в качестве одной из тех опасных угроз, которые несет с собой глобализация в отношении конкретных культур. Данным тезисом Казанова заключает свое теоретизирование о глобализации религии, переходя далее к рассмотрению транснациональных форм функционирования католичества и протестантизма в глобальном пространстве.

Следует отметить, что из весьма плодотворной концепции «транснационального», разработанной социологами миграций, Казанова произвольно извлекает лишь понятие «транснациональные сообщества» и использует его вне какой-либо референции с ее теоретическими положениями. Я имею в виду концепт «транснациональное пространство», интерпретируемый его авторами²⁹ как пространство

²⁸ Там же. Р. 428.

²⁹ Справедливости ради следует отметить, что статья Казановой была опубликована в 2001 г., а глубокая проработка теоретико-методологических положений транснационального подхода осуществилась в течение последующих пяти лет. Однако авторами этого подхода выступают ученые, с работами которых Казанова хорошо знаком, причем некоторые из них являются его коллегами. Здесь я ограничусь упоминанием лишь тех работ по тематике «транснациональное», которые уже вышли в свет на тот период. См., например: Basch, L., Glick Schiller, N. and Szanton Blanc, C. Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. Langhorne, PA: Gordon and Breach, 1994; Levitt, P. God Needs No Passport: Immigrants and the Changing American Religious Landscape. Boston: New Press. 1997; Vertovec S. Conceiving and researching transnationalism // Ethnic and Racial Studies, 22, 1999; Faist T. Grenzen überschreiten. Das Konzept Transstaatliche Räume und seine Anwendungen. In: Faist T. (Hg.) Transstaatliche Räume. Politik, Wirtschaft und Kultur in und zwischen Deutschland und Türkei. Bielefeld, 2000.

политических, экономических, религиозных и прочих коммуникаций поверх национальных, государственных и территориальных границ. Средой этих коммуникаций являются транслокальные акторы, представленные детерриторизированными сообществами, правительствами стран исхода и принимающих стран, разнообразными неправительственными организациями³⁰ и т. д.

В своем рассмотрении глобальных форм функционирования религии Казанова концентрируется лишь на проблеме детерриторизации христианства, то есть на производимом глобализацией разрыве его идеологической привязки к территориям прежде сакрализованных европейских национальных государств. Таким образом, на периферии исследовательского внимания оказываются новые содержания идеологического конструирования, производимого христианством и другими религиями в транснациональном организационном формате их функционирования.

Мне представляется, что при условии отказа от методологической установки на поиск «угроз и опасностей», порождаемых глобализацией, выдвинутый Казановой тезис может быть весьма продуктивен в дальнейшем социологическом размышлении о глобальных судьбах традиционных идеологий. Более того, я полагаю, что его следует использовать в качестве исходного теоретического положения при анализе проблемы концептуализации новых форм глобальной институционализации религий. Однако при такой постановке проблемы с необходимостью придется вынуть из дискурса нерелевантные предмету рассмотрения апелляции к хантингтоновскому постулату о «столкновении цивилизаций» и сопутствующий ему политологический арсенал понятий прошлого столетия. Однако сделать этот шаг можно, лишь высвободившись из прокрустова ложа академической лояльности устаревшим концептам.

Как и в случае с концепцией «деприватизация религии», Казанова стремится оставаться в русле академически утвердившейся в социологии религии модели рассмотрения и введения новых тезисов. Глобализация религии рассматривается им исключительно в формате «отношений церковь и государство» с привлечением новых элементов

³⁰ О транснациональном пространстве применительно к социологическому осмыслению религий в глобальном пространстве идеологий. См.: Островская Е. А. Транснациональные коммуникативные сети идеологий // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2010, № 4.

социологического дискурса конца 1990-х – начала 2000-х гг., то есть с учетом вновь введенных концептов «гражданское общество», «детерриторизация», «глобализация» и «транснациональное». В силу такой методической особенности собственного теоретизирования Казанове удастся сохранить конформную установку в отношении отраслевой специфики социологии религии и вместе с тем продвигаться в фарватере новых социологических трендов.

Академический конформизм отчетливо проявляется и в стойкой приверженности к трактовке дисциплинарного объекта, несмотря на критику, десятилетиями воспроизводимую в этой отрасли социологического знания. И в территориальных рамках национальных государств, и в глобальном пространстве религия рассматривается Казановой исключительно на уровне религиозных организаций, причем преимущественно христианских. Привлекая в дискуссию социологов религии новые социологические понятия и концепты, Казанова ограничивает их круг лишь теми, которые уже прошли апробацию в работах авторитетных современных социологов. Обновляя кровь этой дискуссии концептами «гражданского общества», «детерриторизации» и «транснациональных организаций», он отнюдь не стремится ни просветить свою аудиторию знакомством с их содержанием, ни разобраться в сути каждого из них. Отсюда и возникает иллюзия, будто бы благодаря концепции какого-либо авторитетного метра социология религии может по-прежнему держать сосредоточение на устаревшем объекте и ей вовсе необязательно обогащать свою предметную область постановками новых проблем. Однако именно крайняя ригидность социологии религии относительно любых инноваций в области предмета и объекта исследований, ее сопротивление понятийно-терминологическим новшествам, привлекаемым не только из других отраслей социогуманитарного знания, но и напрямую из социологии, позволяют оценить вклад Казановы с сугубо позитивной стороны.

Анализ публикаций по вопросам социологической теории показывает, что международное сообщество социологов религии все еще предпочитает принять инновацию только от ученых мэтров, утвердившихся в данной отрасли своими исследованиями христианских организаций и выдвинувших в своем пионерском прошлом способы методического обновления таких излюбленных концептов, как «церковь – секта – НРД», «секуляризация» и проч. В данном контексте безусловным достижением Казановы, причем на всем протяжении его научной деятельности, выглядит активное привлечение в отраслевое

теоретизирование социологии религии инноваций из области социологического дискурса о современном обществе. Благодаря этим новым вкраплениям в среде социологов религии обретает легитимность само рассуждение по темам глобализации религии, детерриторизованных религиозных сообществ, транснационального пространства, религиозных организаций в гражданском обществе, религии в пространстве глобальных идеологий.

Резюмируя сказанное, следует констатировать, что проблема глобальной востребованности религиозных идеологий уже включена в исследовательский репертуар социологии религии. Более того, усилиями ее живых классиков созданы предпосылки как для теоретических, так и для прикладных исследований по теме религиозная подсистема в глобальном пространстве идеологий. Открывается отчетливая перспектива расширения предметной области и объекта исследований этой отрасли социологического знания. Так, рассмотрение религии в глобальном пространстве идеологий следует выводить за узкие рамки организационного уровня функционирования религиозной системы в пределах национальных государств. Созданный трудами современных социологов религии фонд эмпирических исследований транснациональных аспектов глобальной организационной активности христианских организаций и новых религиозных движений вполне возможно инвестировать в осмысление новых форм глобальной институционализации традиционных религиозных идеологий. В ракурсе такой постановки проблемы откроется перспектива интеграции эвристичных находок социологии конверсации в изучение новых транснациональных идентичностей, изучаемых социологией миграций и глобальной социологией. Привлечение концепций, разработанных в других областях социогуманитарных исследований глобализации, позволит социологии религии не только расширить свою проблематику, но взглянуть на религию как на социетальную систему, активно вторгающуюся в глобальное пространство идеологий.

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО П. А. СОРОКИНА В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ТРАДИЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Осуществление теоретической реконструкции истории российской социологии в ее школах, основных направлениях, персоналиях и динамике развития является первостепенной и неотъемлемой задачей отечественной социологии как научной дисциплины. Кроме этого, архивные, историко-социологические исследования, а так же систематизация обширного опыта прикладных исследований XX века и включение его в отраслевые направления социологического знания помогают определить актуальные и приоритетные направления развития отечественной социологии.

История российской социологии в отличие от истории других научных национальных школ социологии отмечена одной яркой и уникальной чертой – транстерриториальным характером, поскольку многие значимые этапы ее становления и развития проходили за пределами России. Именно эта особенность актуализирует изучение российской социологии в ее школах, основных направлениях, персоналиях и динамике развития, что в свою очередь приведет к расширению тем теоретико-методологического дискурса в современной отечественной и зарубежной социологии.

Обращение к истории российской социологии – это важная составляющая институционализации социологии на современном этапе. Формирование социологии в России началось приблизительно в тот же период, что и в Европе. Однако этот процесс не проходил гладко, поскольку на его пути возникали всевозможные препятствия как административного плана, так и академического. Несомненно, что фигура Питирима Александровича Сорокина является знаковой в этом процессе.

14 ноября 2011 г. исполнилось 110 лет со дня открытия Русской высшей школы общественных наук в Париже. Характерно, что с 1994 года 14 ноября социологи СПбГУ по инициативе профессора

А. О. Бороноева стали отмечать профессиональный праздник – День социолога. Эта традиция получила поддержку в других городах и регионах России. Выбранная дата была не случайной. Именно в этот день в 1901 г. в Париже при активном участии М. М. Ковалевского, Ю. С. Гамбарова, Е. В. де Роберти, В. М. Бехтерева открыла свои двери для студентов Русская высшая школа общественных наук, объединившая пионеров социологии и заложившая основы ее преподавания. О значимости данного события в мировой социологии того времени свидетельствует тот факт, что объявление об открытии Школы было помещено в ведущем профессиональном журнале – *Revue Internationale de Sociologie*¹. Политика цензуры и отсутствие нормативно-правовой базы для институционализации социологического образования в России послужили причиной чтения курсов социологии и оформления отечественного социологического сообщества за рубежом, тем не менее, связь организаторов школы с ведущей профессурой России способствовала стабильности, систематичности и высокому уровню образования. Преподавательский состав насчитывал около 50 человек, так же к чтению лекций приглашались известные политики общественные деятели. Слушатели делились на две группы: постоянные учащиеся (360 человек) и слушатели отдельных лекций (400–500 человек). Лекции в основном читались на русском языке и иногда на французском. Стоит отметить, что к этому времени многие российские ученые были известны во Франции, так например, когда в России вышел запрет на книги Е. В. де Роберти «Социология» (СПб, 1880) и «Прошедшее философии» (М., 1886), он, «...начиная с 1887 г. начал издавать их в Париже на французском языке. Всего им было издано одиннадцать книг, которые до сих пор на русский язык не переведены»². О признании научной деятельности российских социологов за рубежом говорил и тот факт, что с 1895 г. М. М. Ковалевский был вице-президентом, а с 1907 г. – президентом Международного института социологии. Как отмечает в своей статье Буланова М. Б., «задачи работы профессоров со слушателями строились полностью на принципе добровольности и заинтересованности студентов. Содержание преподавания и методы работы со слушателями Школы были новаторскими, и, несмотря на короткий период ее

¹ *Revue Internationale de Sociologie*. 1901. № 11. P. 856.

² Емельянов Б. В. Русский позитивизм XIX в. // Известия Уральского государственного университета. 2010. № 2(77). С. 163-177, 171.

существования, стали ценным экспериментом по внедрению первой модели социологического образования, теоретически разработанной Н. И. Кареевым и М. М. Ковалевским. Результаты этого опыта были использованы при создании первой кафедры социологии в России³.

После закрытия по идеологическим причинам в 1906 г. Русской высшей школы, М. М. Ковалевский вернулся в Россию, где в связи с именами в политической сфере смог воплотить свои идеи по организации кафедры социологии в самом демократичном высшем учебном заведении – Психоневрологическом институте, созданном по инициативе В. М. Бехтерева и при поддержке Всероссийского съезда по педагогической психологии, проходившего в 1906 г. Студентам института давалось психологическое, естественнонаучное, общее и специальное медицинское образование. Для выполнения научных задач в указанной сфере деятельности, при институте предполагалось устройство специальных курсов и лекций. В Особом журнале Совета Министров от 21 июля 1914 г. имеется отчет «О состоящем в ведении Министерства Народного Просвещения Психоневрологическом институте» или «О превращении Института из числа научных учреждений в учебное, «противоправительственное» составе преподавателей и учащихся, о предложении закрыть институт и необходимости изменить Устав института»⁴. В этом документе зафиксировано, что в жизни института преимущественное развитие получила не научная сторона его деятельности, отступившая на второй план, а учебная. Таким образом, с первого года своего существования Психоневрологический институт, широко толкуя предоставленное ему право устраивать курсы по предметам, входящим в область психологии и неврологии и сопредельных с ними наук, открыл целый ряд курсов. Эти курсы с течением времени, превратились в частное высшее учебное заведение, в составе четырех университетских факультетов с общим числом слушателей, превышающих 3000 человек. Оригинальность читаемых курсов, блестящий профессорско-преподавательский состав (М. М. Ковалевский, Е. В. де Роберти, Л. И. Петражицкий, Н. И. Кареев, Н. О. Лосский, В. М. Бехтерев, К. Ф. Жаков и др.), гибкая система обучения, наличие в программе обучения курса социологии (в то время данная дисцип-

³ Буланова М. Б. Социологическое образование в Русской высшей школы общественных наук в Париже. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. С. 8.

⁴ ЦГИА СПб., Фонд 2265, оп.1, Д. 906.

лина преподавалась только в Психоневрологическом институте) внесли свой вклад в формирование социологического сообщества.

Студентом, а затем сотрудником Психоневрологического института был Питирим Александрович Сорокин, именно там он впервые познакомился с социологией и социологами в лице М. М. Ковалевского и Е. В. де Роберти, оказавшими ключевое влияние на формирование исследовательских интересов будущего социолога с мировым именем. В 1919 г. П. А. Сорокин выступает одним из организаторов кафедры социологии на отделении общественных наук Первого Петроградского университета, избирается профессором социологии в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства. В следующем году Питирим Сорокин совместно с академиком И. П. Павловым организовали Общество объективных исследований человеческого поведения. Тем не менее, социологическое образование, зародившееся в начале XX века, вскоре было полностью разрушено советской властью, «поспешившей заменить социологию историческим материализмом, а восстановлено лишь в 1998 г.»⁵. Характерно, что традиции социологического образования заложенные М. М. Ковалевским, Е. В. де Роберти, Л. И. Петражицким, Н. И. Кареевым и другими выдающимися учеными все-таки получили свое дальнейшее развитие благодаря научной и организационной деятельности П. А. Сорокина.

Социальный взрыв 1917 г. выбросил за пределы России к началу 20-х годов, по различным подсчетам, от двух до трех миллионов человек. И дело тут не столько в количестве изгнанников, сколько в их качестве – большинство русских беженцев принадлежали к культурной и политической элите. П. А. Сорокин был выслан из страны в 1922 г. В этом году в России было арестовано более 150 выдающихся ученых, писателей, философов и выдающихся деятелей культуры, среди которых были С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, Е. И. Замятин, А. Н. Ясинский, М. А. Осоргин, И. Х. Озеров и многие другие. Это были лучшие представители интеллигенции и все они, выражаясь словами из письма В. И. Ленина к Ф. Э. Дзержинскому, являлись «законченными кандидатами на высылку за границу». Хотя большевистское правительство пыталось представить высылаемых как незначительных для науки и культуры людей, эту акцию эмигрантские газеты

⁵ Добренков В. И., Кравченко А. И., Гутнов Д. А. Социологическое образование в России. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2009. С.145.

назвали «щедрым даром». Так, например, в списке на арест в Петрограде, под «номером один» значится П. А. Сорокин. Дело в том, что в начале 1922 г. произошел очередной конфликт ученого с советской властью, а поводом стал повышенный интерес ученого к причинам массового голода в стране в 1921–1922 гг. и, особенно, подготовка им рукописи книги «Голод как фактор», кроме этого П. А. Сорокин вел открытую полемику с главным теоретиком коммунистической партии Н. И. Бухариным. Сохранить жизнь многим арестованным помог тот факт, что молодая Советская Россия активно пыталась завоевать авторитет и признание на международной арене, поэтому репрессии не могли остаться незамеченными среди мирового научного сообщества и вызвали бы негативную реакцию со стороны правящих кругов многих стран. Поэтому опальную интеллигенцию просто выслали из страны. Покинув родину, на четвертый день пребывания в Берлине, Сорокины получили личное приглашение президента Т. Г. Масарика приехать в Прагу в качестве официальных гостей страны. В своих воспоминаниях П. А. Сорокин писал: «...следующим же вечером мы уже обедали с президентом в великолепном дворце, где жила семья президента. Несмотря на свое высокое положение, этот великий человек, ученый и государственный деятель оставался столь же искренним и естественным в своих манерах, как и раньше, когда сам был скромным эмигрантом. За обедом мы обменялись мнениями о ситуации в России и затем, во время кофе, он, улыбаясь, спросил, есть ли у меня деньги. Я ответил, что еще осталось несколько тысяч ничего не стоявших немецких марок и небольшое количество рублей.

– Не хотите ли Вы почитать лекции в нашем Карловом университете? – спросил он.

– Не думаю, что я в хорошей форме после стольких лет жизни в кровавом российском сумасшедшем доме. Если возможно, я бы хотел, чтобы мне дали какое-то время привести мозги в порядок.

– Тогда мы организуем Вам специальную стипендию, как и другим русским ученым.

Так, в изящной форме, была решена прозаическая проблема наших с женой средств существования⁶».

Известный политик и ученый того времени Томаш Гарриг Масарик как никто другой понимал, какой урон понесет общемировая

⁶ Сорокин П. А. Долгий путь. – Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. С.161-162.

наука и культура, если эмигрантам не будет оказана поддержка. В то время в Чехословакии существовала разветвленная сеть научных и образовательных учреждений, специально созданная правительством по инициативе Т. Г. Масарика для оказания помощи российской послеоктябрьской эмиграции 20–30-х годов. Это начинание выдающегося политика обеспечило расцвет науки и культуры русского зарубежья в демократической Чехословакии и вошло в мировую историю под названием «Русская акция». Т. Г. Масарик не только ученым, обеспечил достойное проживание и место работы, но также пригласил в Прагу пять тысяч молодых российских эмигрантов, предоставив им возможность получить высшее образование. Это был уникальный опыт создания русского научно-образовательного комплекса за рубежом.

Девять месяцев, проведенные в Праге, были очень плодотворными, именно там П. А. Сорокин продолжил работу над фундаментальным трудом «Социология революции», читал лекции, сидел в библиотеках, знакомясь с последними социологическими трудами западных ученых, которые ему были недоступны в годы революции. Он активно сотрудничал с Институтом сельскохозяйственной кооперации, Русским университетом, был редактором журнала «Крестьянская Россия»; в это же время он написал ряд интересных научных и публицистических работ. В Праге он познакомился и завязал дружеские отношения со многими выдающимися русскими учеными, например, П. Струве, Н. Лосским, И. Лапшиным, П. Новгородцевым. Он очень часто общался с Т. Г. Масариком, Э. Бенешем, К. Крамаржем, В. Клофачем и другими чешскими политиками, деятелями науки и культуры. Безусловно, что идеи Т. Г. Масарика о гуманизме и демократии как основах чехословацкой государственности и их успешная реализация в политике правительства, послужили материалом для наблюдений П. А. Сорокина и повлияли на его политические взгляды.

В октябре 1923 г. П. А. Сорокин получил из США приглашение выступить в университетах Иллинойса и Висконсина с лекциями о русской революции. Цикл лекций состоялся в начале 1924 г., после чего он был избран профессором университета Миннесоты и работал в этой должности до 1930 г. Шесть лет работы в университете Миннесоты оказались очень плодотворными для Сорокина. Здесь вышли в свет такие труды, как: «Социология революции» (1925), «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928), повлиявшие на развитие социологической мысли. Кроме этого, уже в это время он начинает объединять вокруг себя ученых, так например,

его сотрудничество с молодым преподавателем Карлом Циммерманом, привело к совместному курсу семинаров по сельской социологии и работе «Принципы социологии села и города» (1929). П. А. Сорокин очень быстро приобрел авторитет ведущего социолога, а в 1931 году основал социологический факультет Гарвардского университета и был его первым деканом до 1942 года. Двадцать пять лет самой активной научной и организаторской работы были связаны у него с этим ведущим гуманитарным академическим заведением США. Крупнейшие американские социологи сформировались внутри возглавляемой П.А. Сорокиным гарвардской школы: Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Дэвис, К. Лумис, Дж. Райли и др. Благодаря П. А. Сорокину Гарвард стал одним из главных центров теоретической социологии в США, что подчеркивает значимость российского вклада в мировую социологию. Е. В. Масловская⁷, анализируя эволюции американской социологии права, отмечает, что значительный вклад в ее формирование в 30–40-е гг. внесли представители российской социологической традиции Н. С. Тимашев и П. А. Сорокин.

Фундаментальное исследование П. А. Сорокина «Социальная и культурная динамика» (1937–1939) занимает важное место среди работ, посвященных анализу культуры и цивилизационных изменений. Спустя почти три десятилетия, в своем автобиографическом романе «Долгий путь», по этому поводу П. А. Сорокин написал следующее: «...вряд ли какая-нибудь другая социологическая работа в области социальных и культурных систем, их колебаний и изменений может сравниться с моей, которая, в чем я уверен, останется непревзойденной...⁸». Эти слова, говорят не о бахвальстве великого социолога ушедшего века, а о его адекватной оценке проделанной им и его коллегами эмпирической и теоретико-обобщающей работы. Нужно отметить, что действительно, до сих пор не было создано чего-либо равнозначного в социальных науках. Этот фундаментальный труд П. А. Сорокина хвалили и критиковали с одинаковым энтузиазмом, но, очевидно, что он еще не оценен по достоинству. К работе над «Социальной и культурной динамикой» он привлек известных российских уче-

⁷ Масловская Е. В. Эволюция американской социологии права // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Серия Социальные науки. Выпуск 1 (5). – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. С.266–272.

⁸ Сорокин П. А. Долгий путь. – Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. С. 196.

ных, оказавшихся в изгнании, поэтому не случайно, что департамент социологии в Гарварде в то время в шутку называли «белогвардейским». Исследовательская группа, в которую входили Лосский Николай Онуфриевич, Лапшин Иван Иванович, Головин Николай Николаевич, Пушкарев Сергей Германович, Струве Петр Бернгардович, Савицкий Петр Николаевич, Тимашев Николай Сергеевич, Арсений Александрович Зайцов, Николай Львович Окунев и другие известные российские ученые, занималась подбором необходимого эмпирического материала, статистическим сбором и сравнением исторических данных по составленным П. А. Сорокиным исследовательским программам. Целью этого фундаментального научного исследования являлось – построение обобщающей социологии социокультурных изменений западной цивилизации за 25 веков ее истории. Безусловно, что эта цель была достигнута благодаря творческим усилиям всего исследовательского коллектива, а так же опыту П. А. Сорокина по организации научно-исследовательских проектов.

В «Социальной и культурной динамике» одним из основополагающих методологических принципов, на которых строится его исследование, становится рассмотрение общества, культуры и личности как трех аспектов, модулей единого интегрированного социокультурного пространства, неотделимых друг от друга. Если говорить о конкретных методах исследования, то, безусловно, П. А. Сорокин отдает явное предпочтение ***социально-феноменологическому пониманию (интерпретации)***. Во-многом, «Социальная и культурная динамика» интегрировала в себе теоретико-методологические установки и традиции российской социологии, не позволив им исчезнуть по идеологическим причинам.

В 1949 г. П. А. Сорокин создал Гарвардский исследовательский центр по изучению созидательного альтруизма (Harvard Research Center in Creative Altruism). Центр существовал при финансовой поддержке известного филантропа, лидера бизнеса и главы крупнейшей фармацевтической компании «Eli Lilly» – Элай Лилли. За время работы Центра П. А. Сорокиным и его коллегами было проведено огромное количество исследований, посвященных проблемам альтруизма, власти и политики, нравственности и морали, а все труды, опубликованные П. А. Сорокиным после 1949 г. так или иначе связаны с деятельностью Гарвардского исследовательского центра. Сразу после революционных потрясений П. А. Сорокин написал: «...что бы не случилось, я знаю теперь три вещи, которые останутся в моей памяти и

сердце навсегда. Жизнь, даже самая тяжелая, – это самое драгоценное сокровище в мире. Следование долгу – другое сокровище, делающее жизнь счастливой и дающее душе силы не изменять своим идеалам. Третья вещь, которую я познал, заключается в том, что жестокость, ненависть и несправедливость не могут и никогда не сумеют создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном отношении⁹. Именно эти высокие идеалы и ценности П. А. Сорокин пронес на протяжении всей своей жизни, а после создания Гарвардского исследовательского центра по изучению созидательного альтруизма, посвятил себя полностью научному исследованию проблем нравственности и морали, влияя на современность через свои идеи, научные работы, публичные выступления и через своих учеников.

В середине прошлого века в Советском Союзе социология официально не существовала, она была объявлена «буржуазной лженаукой», тем не менее, ученые и целые исследовательские коллективы, работавшие за пределами Советского Союза, обогатили мировую науку российскими исследовательскими традициями и опытом.

⁹ Сорокин П. А. Долгий путь. – Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. С. 266.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Основные понятия: глобализация; многонациональная компания (МНК); транс-национальная компания (ТНК); признаки и классификация ТНК; головная компания ТНК; формы корпоративной интеграции в международном бизнесе; формы филиалов ТНК; этапы становления ТНК; основные качественные признаки ТНК; важнейшая тенденция развития современных ТНК; проблемы становления ТНК в РФ; специфика управления многонациональными коллективами; принципы международного менеджмента; мотивация трудовых ресурсов в организациях ТНК.

Введение

Социология организации рассматривает транснациональные компании (ТНК) как важнейший инструмент глобализации. К исследованиям этого феномена прикована внимание многих социологов, поскольку возникновение ТНК является закономерным результатом развития процессов международного разделения труда и производственной кооперации, повлекший за собой и глобализационные процессы не только в сфере экономики, но и в социальной, духовной и культурной жизни людей. Глобализация является многогранным процессом, охватывающим разные стороны человеческого общества¹.

К настоящему моменту в пространстве ТНК работает более 150 млн человек. Здесь формируется особая социальность, которая по предсказаниям футурологов способна самым существенным образом повлиять на многие интеграционные и кризисные явления, стать их катализатором. Так, например, для создания «Боинга–767» свои усилия в НИОКР объединили «Боинг» (США), «Кавасаки» и «Фуджи» (Япония). Всего же по этому проекту было заключено более 200 международных соглашений различного типа, что позволило объединить усилия сотен

¹ Дементьева А. Г. Современные условия глобализации и роль транснациональных корпораций//Инициативы XXI века. № 1, 2010 г.

ученых и инженеров и получить выдающийся результат. С другой стороны, перемещение только 1–2% массы денег, находящихся в ТНК, способно изменить взаимный паритет любых двух национальных валют, сформировать кризисную ситуацию в том или ином государстве.

Наряду с этим важность социологического анализа транснациональных корпораций осознана недостаточно. Сошлемся на результаты распределения тем 100 дипломных работ (выпускных квалификационных) студентов факультета социологии СПбГУ за 2010–2012 гг. Из них 85 работ были посвящены рассмотрению вопросов культуры, политики, семьи, гендера, моральных ценностей и прочих вопросов. 12 работ затрагивали исследования деятельности российских организаций. И только в 3 дипломных работах рассматривалась деятельность ТНК.

В качестве теоретико-методологической основы изучения ТНК как современного явления могут выступать работы социологов, которые внесли большой вклад в развитие понимания социального устройства рынка и его институциональной структуры. Это такие ученые как М. Аболафии, Ф. Бродель, В. Бейкер, Р. Берта, П.Бурдые, М. Вебер, М. Грановеттер, П. Ди Маджио, М. Каллон, Дж. Майер, Т. Парсонс, У. Пауэлл, К. Поланьи, Б. Рована, Р. Сведберга, Н. Смэлзер, Х. Уайт, О. Уильямсон.

Деятельность ТНК на российском рынке регулируются законодательными актами РФ, такими как Гражданский Кодекс Российской Федерации, Налоговый Кодекс Российской Федерации, Трудовой Кодекс Российской Федерации, Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», Федеральный закон от 23 июня 1999 г. № 117-ФЗ «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг», Федеральный закон от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях», Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации».

1. ТНК как инструмент глобализации

Крупнейшие транснациональные компании представляют собой гигантские образования, их богатства превосходят богатства многих стран. Из сотни крупнейших экономических единиц мира сегодня половину составляют государства, другую половину – транснациональные корпорации. Масштаб деятельности этих компаний потрясающий.²

Переход бизнеса через границы нескольких стран позволяет в наибольшей степени получать выгоду от сотрудничества представителей этих стран. Таков объективный закон развития общества. И поэтому в истории уже давно существуют глобальные организации – многонациональные компании, действующие на территориях нескольких стран. Многонациональные компании (МНК) – международные компании, образовавшиеся на основе объединения капиталов из разных стран. Это одно из базовых понятий настоящей темы.

Помимо многонациональных компаний в международном бизнесе могут использоваться и другие формы корпоративной интеграции, они показаны в таблице 1.

Таблица 1.

Основные формы корпоративной интеграции в международном бизнесе

Лицензионный договор	Использование авторского права, товарного знака, патента
Сопроизводство	Изготовление комплексного изделия или его компонент одним из зарубежных партнеров
Контракт – менеджмент	Передача одним из партнеров другому ноу-хау в области менеджмента
Франчайзинг	Выдача лицензий на определенную деятельность с представлением дополнительной управленческой, маркетинговой и технологической поддержки

² Энтони Гидденс Социология. Цит. по <http://www.fidel-kastro.ru/sociologia/giddens.htm>.

Стратегический альянс	Формальный или неформальный союз, создаваемый с целью объединения ресурсов для решения задач реорганизации, повышения рыночной эффективности и т. д. либо достижения «эффекта масштаба»
Совместное предприятие	Форма стратегического альянса, сопряженная с созданием новой компании юридически и экономически самостоятельными предприятиями
Многонациональная компания	Наиболее «жесткая» форма международного сотрудничества, основанная на механизме акционерного участия и других способов корпоративного контроля

Возрастающий уровень международной конкуренции вынуждает компании искать пути объединения потенциалов и сотрудничать в борьбе за выживание либо за рыночное лидерство.

В современных же условиях среди многонациональных компаний выделяют транснациональные компании (ТНК), которые получают все большее развитие, а транснационализация признается важнейшей тенденцией современной глобализации.

История вопроса

В 1135 году Орден Тамплиеров был первым транснациональным финансовым учреждением, когда начал заниматься банковским делом. В 1600 году основана первая транснациональная компания - Британская Ост-Индская компания. В 1602 г. основана Голландская Ост-Индская компания, - первая акционерная компания. Кроме того, она, вероятно, была первый в мире мегакорпорацией, обладая квазигосударственными полномочиями, в том числе имея возможность вести войну, участвовать в политических спорах, чеканить монету, а также создавать колонии.

Этапы становления ТНК

Первые международные объединения предприятий возникли в 60–80-е гг. XIX в. в сфере добычи, закупки и сбыта минерального сырья, а также в рамках этих объединений создавались закупочные и сбытовые подразделения. Налаживать высокотехнологичное промышленное производство за рубежом было невыгодно. С одной стороны, в принимающих странах отсутствовал персонал необходимой квалификации, а технологии еще не достигли высокой степени автоматизации.

С другой стороны, приходилось считаться с возможным негативным влиянием новых производственных мощностей на способность поддерживать эффективный уровень загрузки мощностей на «домашних» предприятиях фирмы. Субъектами транснационализации в этот период выступали обычно объединения фирм разных стран (международные картели), которые делили рынки сбыта, проводили согласованную ценовую политику и т. д.

Позже на мировой арене появляются международные объединения, связанные с производством и продажей военно-технической продукции.

Второй этап эволюции ТНК, с середины XX в., связан с усилением роли зарубежных производственных подразделений, причем не только в развивающихся, но и в развитых странах. Производственные зарубежные отделения начали специализироваться в основном на производстве той же продукции, которая ранее производилась в «родной» для ТНК стране. Постепенно филиалы ТНК все более и более переориентируются на обслуживание местного спроса и на местные рынки. Если ранее на арене мирового хозяйства действовали международные картели, то теперь возникают национальные фирмы, достаточно крупные, чтобы проводить самостоятельную внешнеэкономическую стратегию. Именно в 1960-е гг. появляется сам термин «транснациональные корпорации».

Быстрый рост числа и значения ТНК с 1960-х гг. происходил во многом под влиянием научно-технической революции. Внедрение новых технологий и упрощение производственных операций, когда появилась возможность использовать даже низкоквалифицированный и малограмотный персонал, создавали возможности для пространственного разъединения отдельных технологических процессов. Развитие транспортных и информационных коммуникаций способствовало реализации этих возможностей. Производственный процесс стало возможно безболезненно дробить и размещать отдельные технологические процессы в тех странах, где национальные факторы производства дешевле. Начала развиваться пространственная децентрализация производства в планетарном масштабе при концентрации управления им. Международные производственные фирмы, руководствуются идеей глобальной экспансии. Эти новообразования начинают рассматривать все мировое хозяйство как сферу своих экономических интересов.

При образовании корпораций в различных странах решающую роль играют разные факторы:

- в США – финансовый капитал,
- в Японии – взаимное владение акциями, а также наличие

собственных информационных, торговых, финансовых, транспортных мощностей,

- в Южной Корее и Японии – координация и поддержка государства.

На современном этапе, с конца XX в., главная особенность развития ТНК состоит в создании сетей производства и реализации глобального масштаба. Статистика показывает, что рост количества зарубежных филиалов ТНК происходит гораздо быстрее, чем рост числа самих ТНК. Главную роль в выборе мест для создания дочерних фирм играет анализ производственных издержек, которые часто более низки в развивающихся странах; продается же продукция там, где на нее выше спрос, – главным образом, в развитых странах. Вот почему, например, жители современной Германии покупают технику германской фирмы «Bosh», произведенную однако вовсе не в Германии, а в Южной Корее.

Поток инвестиций транснациональных корпораций увеличился, но стал все больше концентрироваться в самых богатых регионах мира. Если еще в 1970-х гг. около 25% иностранных прямых инвестиций поступало в развивающиеся страны, то уже в конце 1980-х гг. их доля упала ниже 20%.

Определение

Транснациональная корпорация (ТНК) – разновидность МНК – хозяйственное объединение предприятий (обычно в форме концерна – объединения различных по профилю деятельности промышленных, банковских, коммерческих и пр. групп при господстве крупнейшего капиталиста (ов), состоящее из головной компании и зарубежных филиалов. ТНК еще называют финансово-промышленными группами (ФПГ).

Основные качественные признаки ТНК:

- особенности реализации продукта: фирма реализует значительную часть своей продукции за рубежом, оказывая тем самым заметное влияние на мировой рынок;

- особенности размещения производства: головная компания в таком объединении контролирует деятельность входящих в него предприятий как в своей стране, так и за границей путем владения долей участия в их капитале, а в зарубежных странах находятся некоторые ее дочерние предприятия и филиалы;

- особенности прав собственности: собственники этой фирмы

являются резидентами (гражданами) различных стран.

Фирме достаточно иметь хотя бы один из перечисленных признаков, чтобы попасть в категорию транснациональных корпораций. Некоторые крупные компании обладают всеми этими тремя признаками одновременно

Наиболее важным считается первый признак. Абсолютным лидером по этому критерию является сейчас швейцарская фирма «Нэстле» («Nestle»), которая экспортирует более 98% своей продукции.

В современном мире грань между транснациональными и обычными корпорациями довольно условна, поскольку по мере развития глобализации экономики происходит интернационализация и рынков сбыта, и производства, и собственности. Из-за того, что исследователи пользуются разными *количественными критериями* выделения ТНК, в научной литературе называют сильно различающиеся данные о количестве ТНК (на начало 2000-х гг. от 40 тыс. до 65 тыс.) и масштабов их деятельности.

Другие важные признаки, которые для специалистов – исследователей остаются спорными:

- компания, международный бизнес которой является существенным;
- компания, на зарубежную деятельность которой падает около 25-30 % ее общего объема;
- наличие филиалов в двух и более странах.

Классификация ТНК осуществляется по характеру управления:

Горизонтально интегрированные ТНК – управляют подразделениями, расположенными в различных странах, производящих одинаковые или подобные товары.

Вертикально интегрированные ТНК – управляют подразделениями в определенной стране, которые производят товары, поставляемые в их подразделения в других странах.

Раздельные ТНК – управляют подразделениями, расположенными в различных странах, которые вертикально или горизонтально не объединены.

Формы филиалов ТНК и степень контроля за ними со стороны головной компании показаны на рисунке 1.

Важнейшая тенденция развития современных ТНК. ТНК обладают огромной и постоянно растущей мощностью и государства проигрывают ТНК во всемирной борьбе за влияние и власть. Приведем некоторые данные.

Из 100 наибольших экономик в мире, 52 – транснациональные корпорации, остальные 48 – государства. Перемещение только 1–2% массы денег, находящихся в пространстве ТНК, способно изменить взаимный паритет двух любых национальных валют, на основании чего возможно сформировать кризисную ситуацию в том или ином государстве.

Транснациональные организации в мире это: более 60 000 головных компаний и 800 000 зарубежных филиалов.

Современные ТНК владеют: 60% - международной торговли; 90% - торговли пшеницей, кофе, кукурузой, лесоматериалом, табаком, железной рудой; 85% - торговли медью, бокситами; 80% - торговли чаем, оловом; 75% - бананами, сырой нефтью; 80% - патентов нововведений.

Рис. 1.

География ТНК:

- Первую десятку крупнейших ТНК составляют: 5 – американские, 2 – японские, 2 – ФРГ, 1 – швейцарская.
- Распределение 500 крупнейших ТНК и МНК в мире (1996): США – 162, ЕС – 156, Япония – 126, Швейцария – 4, Южная Корея – 13, Канада – 6, Бразилия – 5, Австралия – 5, Китай – 3.

Рис. 2.

Динамика количества ТНК и их филиалов (по данным ООН).³

Таблица 2.

10 КРУПНЕЙШИХ ТНК МИРА ПО ОБЪЕМУ ЗАРУБЕЖНЫХ АКТИВОВ В 1999 г.⁴

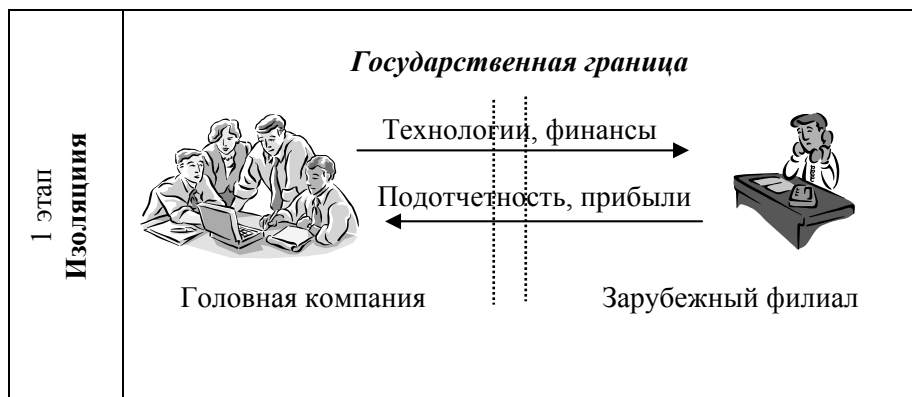
Компании	Ранг по объему зарубеж- ных акти- вов	Зарубеж- ные акти- вы, % от всех ак- тивов компании	Зарубеж- ные про- дажи, % от общего объема продаж	Зарубеж- ный персо- нал, % от всего пер- сонала компании
General Electric (США)	1	34,8	29,3	46,1
ExxonMobil Corporation (США)	2	68,8	71,8	63,4

³ Источник: Владимирова И. Г. Исследование уровня транснационализации компаний// Менеджмент в России и за рубежом. 2001, № 6.

⁴ Источник: Владимирова И. Г. Исследование уровня транснационализации компаний// Менеджмент в России и за рубежом. № 6. 2001 (Рассчитано по: World Investment Report 2001: Promoting Linkages, United Nations (UNCTAD), New York and Geneva, 2001.)

Royal Dutch/Shell Group (Великобритания, Нидерланды)	3	60,3	50,8	57,8
General Motors (США)	4	24,9	26,3	40,8
Ford Motor Company (США)	5	25,0	30,8	52,5
Toyota Motor Corporation (Япония)	6	36,3	50,1	6,3
DaimlerChrysler AG (Германия)	7	31,7	81,1	48,3
Total Fina SA (Франция)	8	63,2	79,8	67,9
IBM (США)	9	51,1	57,5	52,6
British Petroleum (Великобритания)	10	74,7	69,1	77,3

Этапы развития отношений головной компании ТНК с зарубежными филиалами показаны на рисунке 3.

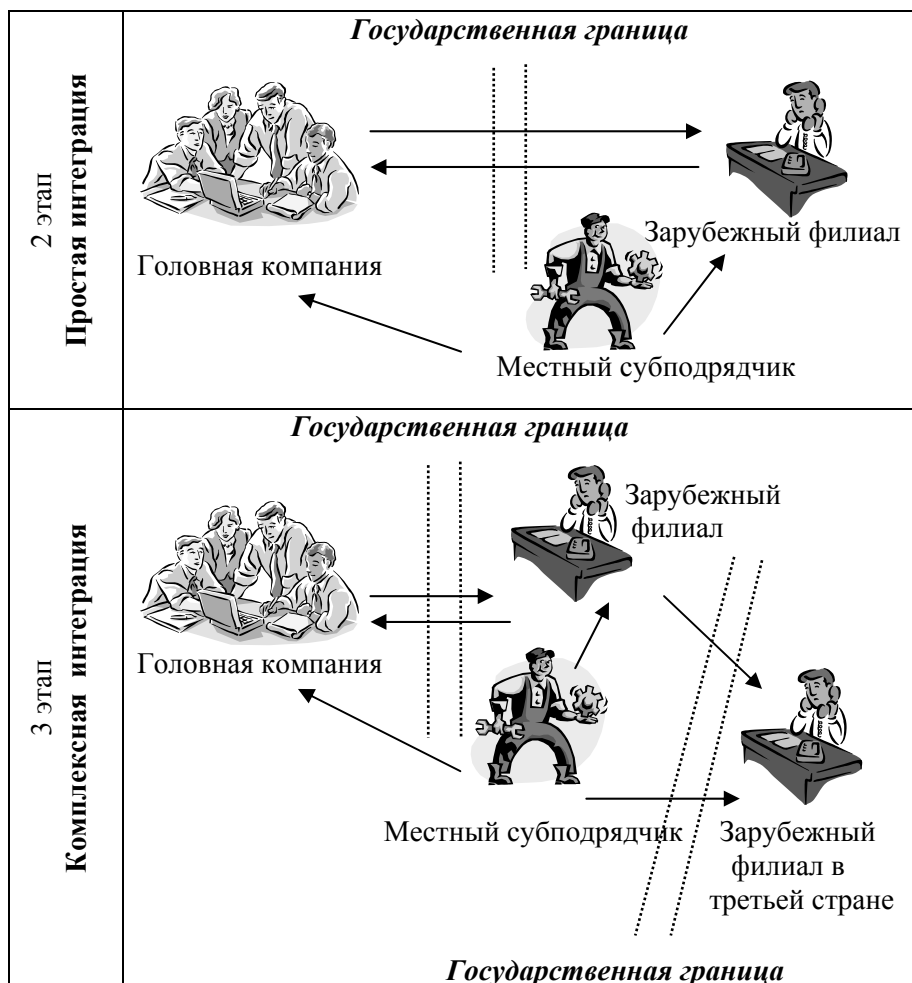

Рис. 3.

Этапы развития отношений головной компании с зарубежными филиалами

Основные вопросы отчета зарубежного филиала перед головной компанией:

1. объем закупки продукции к общей стоимости продукции филиала;
2. количество соглашений о поставках;
3. количество соглашений о передаче технологий;
4. количество местных специалистов, привлеченных на руководящие должности.

Принято делить все ТНК по критерию национальной принадлежности на две подгруппы:

1) собственно транснациональные корпорации – национальные фирмы, чья деятельность «выплескивается» за границы той страны, где находится их штаб-квартира;

2) многонациональные фирмы – объединения национальных бизнес-организаций разных государств.

Подавляющее большинство современных ТНК имеют четкое национальное «ядро», т. е. относятся к первому типу. Многонациональных фирм довольно мало, обычно в качестве примера приводят две англо-голландские фирмы – нефтеперерабатывающий концерн «Роял-Датч Шелл» («Royal Dutch Shell») и химический концерн «Юнилевер» («Unilever»).

По масштабам деятельности все ТНК делят на крупные и малые. Условным критерием является величина годового оборота: так, в 1980-е к крупным ТНК относили лишь те, которые имели годовой оборот более 1 млрд. долл. Если малые ТНК имеют в среднем по 3–4 зарубежных филиала, то у крупных ТНК их число измеряется десятками и даже сотнями.

Как особую разновидность ТНК выделяют транснациональные банки (ТНБ), занимающиеся кредитованием бизнеса и организацией денежных расчетов в международном масштабе.

2. Особенности развития ТНК в РФ

Российскому бизнесу прагматически жизненно важно пробиться на международный рынок, хотя это крайне сложно.

История. К моменту возникновения ТНК Россия оказалась в невыгодных исторических условиях для участия в международном бизнесе.

**Доля России и США
в мировом промышленном производстве (%)**

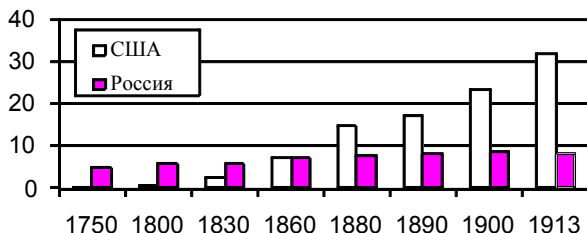

Рис. 4.

Даже после реформ Александра II (1861 г.) Россия оставалась экономически слаборазвитой страной. Реформы не были доведены до конца. Вхождение России в мировой рынок было краткосрочным, ограниченным и аграрным по содержанию. Революция 1917 г. оборвала и без того слабые тенденции к международной адаптации России. К моменту начала формирования пространства международного бизнеса, Россия фактически оказалась исключенной из этого процесса. Первые международные компании современного типа сложились только к началу XX века.

В советские времена существовали отечественные международные фирмы. Примером российской ТНК с «советским прошлым» может служить «Ингосстрах» со своими дочерними и ассоциированными фирмами и отделениями в США, Нидерландах, Великобритании, Франции, Германии, Австрии, а также ряде стран СНГ. Большинство российских международных корпораций сформировались, однако, уже в 1990-е, после распада СССР.

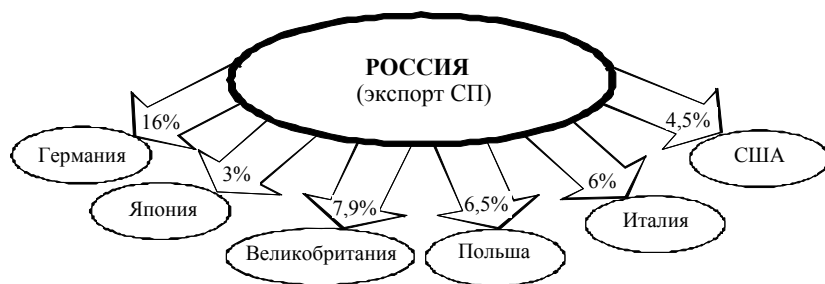
Приватизация в России сопровождалась возникновением достаточно мощных организационно-хозяйственных структур нового типа (государственных, смешанных и частных корпораций, концернов, финансово-промышленных групп), способных успешно действовать на внутреннем и внешнем рынках, – например, таких как «Газпром». «Газпром» контролирует 34% мировых разведанных запасов природного газа, обеспечивает почти пятую часть всех западноевропейских потребностей в этом сырье. Этот полугосударственный концерн (около 40% его акций находятся в государственной собственности), зарабатывая 6–7 млрд. долл. в год, остается самым крупным в постсоветской России источником поступления твердой валюты. Ему полностью принадлежат примерно 60 дочерних фирм, он участвует в уставном капитале еще почти 100 российских и зарубежных компаний.

Подавляющее большинство отечественных ТНК относятся к сырьевым отраслям, особенно к нефтяной и нефтегазовой.

Есть и международные российские корпорации, не связанные с экспортом сырья, – «АвтоВАЗ», «Микрохирургия глаза» и др.

Хотя российский бизнес очень молод, многие отечественные фирмы уже вошли в списки ведущих ТНК планеты. Так, в составленный газетой «Файнэншл Таймс» рейтинг 500 крупнейших компаний мира 2003 вошли такие российские компании, как РАО «Газпром», «ЛУКОЙл» и РАО «ЕЭС России». В списке 100 крупнейших военно-промышленных корпораций мира, составленного в 2003 американским еженедельником «Дефэнс ньюс», присутствуют два российских объединения – ВПК «МАЛО» (32-е место) и АО «ОКБ Сухого» (64-е место).

Подобно тому, как на Западе развитию ТНК предшествовали международные картели, так и в постсоветской России главной формой концентрации производства и экономической власти стали финансово-промышленные группы (ФПГ) – объединения ряда фирм под единым контролем (обычно – из крупного банковского центра). Финансово-промышленные группы представляют собой совокупность юридических лиц, действующих как основное и дочерние общества, полностью или частично объединившие свои материальные активы. Их формирование происходило в основном на базе бывших советских главков или министерств, часто под руководством их бывших министров или заместителей министров. Такого рода «постсоветский» характер многих российских ФПГ показывает не только стремление к консервации старых структур, но и экономическую целесообразность сохранения этих структурных блоков в переходной экономике России.

СП России осуществляют поставки в 64 страны мира

Рис. 5.

В России в настоящее время существуют как официальные, так и неофициальные ФПГ. Официальные ФПГ – это зарегистрировавшиеся в соответствии с российским законодательством как ФПГ организации, например «Интеррос», «Русхим», «Драгоценности Урала». Существуют и неофициальные ФПГ, т. е. компании, юридически не являющиеся ФПГ, но по своей структуре на них очень похожие. Примерами являются группы, сформировавшиеся вокруг ОНЕКСИМ-банка, банка «МЕНАТЕП» и т. д. Неформальный характер многих российских ФПГ связан с принятием на редкость неудачного, по мнению многих экономистов, закона от 30 ноября 1995 № 190-ФЗ «О финансово-промышленных группах» (не давшего ФПГ статуса юридического лица) и Указа Президента РФ от 01.04.1996 № 443 «О мерах по стимулированию создания и деятельности финансово-промышленных

групп», отменившего «Положение о финансово-промышленных группах и порядке их создания». После этих правовых актов практически прекратился рост числа «официальных» ФПГ, но продолжают складываться «неофициальные».

Таблица 3.

КРУПНЕЙШИЕ КОМПАНИИ РОССИИ, 1999⁵

Компании	Отрасли промышленности	Объем реализации, млн. руб.	Численность работающих, тыс. чел.
РАО «ЕЭС России»	электроэнергетика	218802,1	697,8
ОАО «Газпром»	нефтяная, нефтегазовая	171295,0	278,4
Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»	нефтяная, нефтегазовая	81660,0	102,0
Башкирская топливная компания	нефтяная, нефтегазовая	33081,8	104,8
«Сиданко» (Сибирско-дальневосточная нефтяная компания)	нефтяная, нефтегазовая	31361,8	80,0
Нефтяная компания «Сургутнефтегаз»	нефтяная, нефтегазовая	30568,0	77,4
«АвтоВАЗ»	машиностроение	26255,2	110,3
РАО «Норильский никель»	цветная металлургия	25107,1	115,0
Нефтяная компания «Юкос»	нефтяная, нефтегазовая	24274,4	93,7
Нефтяная компания «Сибнефть»	нефтяная, нефтегазовая	20390,9	47,0

⁵ Источник: Сейфуллаева М. Э., Сейфуллаева З. Б. Интернационализация экономики России как предпосылка реализации международного маркетинга // Маркетинг в России и за рубежом. № 2. 2000. (<http://www.cfin.ru/press/marketing/2000-2/12.shtml>)

Темпы прироста численности организаций с участием Иностранного капитала (на конец года, в % от предыдущего)

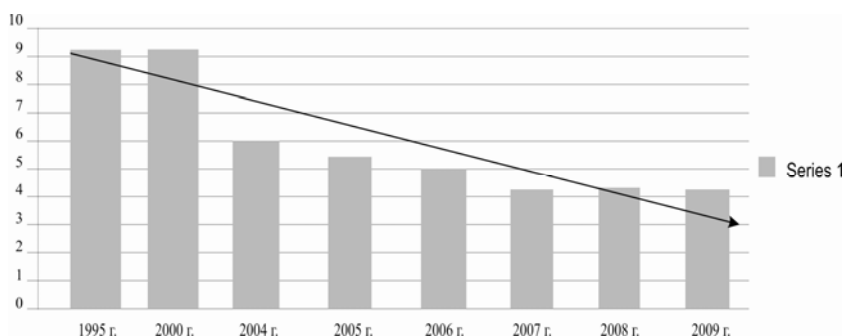

Рис. 6.

**Совместные предприятия в РФ
(2009 г., всего – 10587 предприятий)**

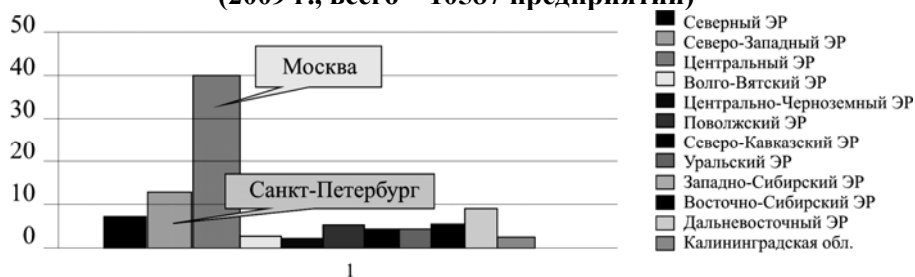

Рис. 7.

Так, в финансовый блок холдинга ОНЭКСИМ-банка, помимо одноименного банка, входит инвестиционный банк «МФК-Ренессанс», единая страховая компания и компания по управлению активами. Производственный блок достаточно диверсифицирован и включает нефтяную компанию СИДАНКО, Новолипецкий металлургический комбинат, «Норильский

никель», «Связьинвест», а также химические и деревообрабатывающие предприятия. Кроме того, в холдинг входят некоторые структуры средств массовой информации. На долю промышленных компаний группы ОН-ЭКСИМ-банка приходится свыше 4% российского валового внутреннего продукта и около 7% объема российского экспорта, в подразделениях группы занято более 400 тыс. человек.

Организации международного бизнеса неравномерно формируются на территории РФ.

На начало 2003 в России зарегистрировано 75 финансово-промышленных групп. В их состав вошли 1150 промышленных предприятий и организаций, 160 финансово-кредитных институтов. Общая численность занятых в них работников приближается к 5 млн. человек.

Рейтинг стран, с которыми предприятия РФ организуют совместный бизнес, выглядит следующим образом: США, Германия, КНР, Финляндия, Великобритания, Италия, Австрия, Япония. Основные виды деятельности СП показаны на рисунке 8.

В среднем СП совмещают от 2 до 5 видов деятельности.

Рис. 8.

Формирование и развитие российских международных корпораций осуществляется двумя путями:

- 1) образование мощных национальных корпораций, чисто российских фирм и ФПГ, с последующей их экспансией на мировом рынке;
- 2) создание транснациональных фирм и ФПГ с участием финансово-экономических ресурсов партнеров из стран СНГ.

На начальном этапе создания и функционирования финансово-промышленных групп определенное предпочтение отдавалось второ-

му подходу. Это объясняется нехваткой собственных средств и возможностей и тем, что создание таких компаний способствует поддержанию исторически сложившейся кооперации промышленного производства хозяйствующих субъектов стран Содружества, восстановлению и развитию интеграционных процессов между странами СНГ. Межгосударственный экономический комитет стран СНГ разработал Конвенцию о транснациональных корпорациях в странах СНГ. Общим базовым нормативно-правовым документом считается подписанное в 1994 Соглашение о содействии в создании и развитии производственных, коммерческих, кредитно-финансовых, страховых и смешанных транснациональных объединений. В развитие его положений Россия заключила двусторонние соглашения с Белоруссией, Казахстаном, Узбекистаном, Киргизией, Таджикистаном. Хотя действующие национальные нормативные документы часто «не стыкуются» между собой, однако на постсоветском пространстве уже сложилось несколько транснациональных ФПГ (табл. 4).

Отдельными решениями российского правительства одобрено создание транснациональных ФПГ, например, «Российский авиационный консорциум», «Международные авиадвигатели», в которые входят предприятия оборонных комплексов Украины и России. В качестве транснациональной группы зарегистрирована ФПГ «Нижегородские автомобили» с участием 8 предприятий из пяти государств СНГ и Латвии. Большую активность в формировании транснациональной корпорации проявляет Ингосстрах. В 1997 было подписано соглашение о создании «Транснациональной страховой группы Ингосстрах», в которую объединились 27 страховых компаний из России и еще 16 стран ближнего и дальнего зарубежья. Суммарные активы участников группы составляют 600 млн. долл., компании обладают разветвленной сетью из 131 филиала и представительства.

По мнению многих российских экономистов, в перспективе, с учетом потенциала российской экономики, следует ориентироваться на становление в ней 10–20 мощных универсальных транснациональных ФПГ, сопоставимых по размерам с зарубежными корпоративными объединениями и способных контролировать до 50% промышленного производства. Именно финансово-промышленные группы при условии целенаправленной их поддержки со стороны государства должны стать объектами экспортно-ориентированного экономического роста, способствующего прогрессивным изменениям в российской экономике.

КРУПНЕЙШИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ФПГ С УЧАСТИЕМ СТРАН СНГ⁶

Названия транснациональных ФПГ	Страны-участницы	Сферы деятельности
1. «Интеррос»	Россия, Казахстан	Производство и экспорт химических удобрений, алюминия, профильного проката, никеля, меди, продовольственных и других товаров
2. «Нижегородские автомобили»	Россия, Белоруссия, Украина, Киргизия, Таджикистан, Молдавия, Латвия	Производство грузовых и легковых автомобилей, дизельных и бензиновых двигателей, рефрижераторных прицепов, гусеничных транспортеров, резинотехнических изделий и изделий из стекла, товаров народного потребления
3. «Точность»	Россия, Белоруссия, Украина	Разработка и производство изделий спецтехники, гражданской техники
4. Транснациональная алюминиевая компания «ТаНаКо»	Россия, Казахстан	Производство и углубленная переработка алюминия
5. «Славянская бумага»	Россия, Украина	Переработка сырья для продукции целлюлозно-бумажного производства и производства химических волокон

Факторы, препятствующие созданию ТНК в России. В списке из 183 государств РФ находится: на 123 месте по удобству ведения бизнеса; на а 154 месте по уровню коррупции; на 175 по рискам ведения бизнеса.

⁶ Источник: Сейфуллаева М. Э., Сейфуллаева З. Б. Интернационализация экономики России как предпосылка реализации международного маркетинга // Маркетинг в России и за рубежом, 2000. № 2. (<http://www.cfin.ru/press/marketing/2000-2/12.shtml>).

Экономические: высокая инфляция, непоследовательность налоговой системы, колебания обменного курса, низкий покупательный спрос, низкий уровень бизнес-образования специалистов, ошибки в приватизации;

Политические: скептицизм по поводу реформ, опасения массовой ренационализации, опасение социальных конфликтов, левый экстремизм, правый экстремизм, сомнения по поводу выборов;

Финансовые: репатриация прибылей, скудность информации о партнерах, отсутствие практики определения рейтинга кредитоспособности в России, недостаточный доступ на российские финансовые рынки, низкий уровень местного банковского обслуживания, невозможность поддержки МВФ, нехватка местных инвестиционных ресурсов;

Материально-технические: коммуникационные, транспортные, языковые, технологические, нехватка консультационных услуг;

Юридические: опасения по поводу прав акционеров, неразработанное контрактное право, регулирование рынка ценных бумаг, бюрократические проблемы, экспортные ограничения, неразработанное законодательство о банкротстве, импортные ограничения, недостаток информации о действующих законах;

Общие: наблюдающийся повсеместно отказ от вложений средств в формирующиеся рынки, дискриминация иностранцев, боязнь криминала и мафии, общий недостаток информации.

Проблемы становления ТНК в РФ.

• Формальная «транснационализация» российских компаний. Для большинства отечественных корпораций само наименование «транснациональная» является лишь частью модной тенденции:

1. По объективным причинам (например, в силу сориентированности на обслуживание внутреннего рынка) они просто не могут претендовать на реальный транснациональный статус.

2. Стремление быть похожими на ТНК заставляет постепенно подтягивать уровень корпоративного управления, расширять степень финансовой открытости структур, отказываться от «серых схем» движения финансовых ресурсов, транснациональная компания – это определенный стандарт управления и легальности финансовых потоков.

• Освоение новых форм организационного присутствия российских ТНК на мировых рынках. Создание нескольких штаб-квартир в «глобальных» городах (Нью-Йорк, Лондон, Шанхай, Сингапур и Франкфурт).

• ТНК РФ – источник социального неравенства, когда оплачивается не труд (результат), а лишь участие. Средняя зарплата топ-

менеджера «Газпрома» в 2009 г. составляла почти 23,8 млн руб. за год (около 2 млн руб., или \$62 400, в месяц). Средняя сумма премий на каждого – 26 млн руб., бонус – около 2 млн руб⁷.

• В состав ТНК российские предприятия включаются в качестве младших партнеров. Западному бизнесу не нужны молодые и активные конкуренты. Мировой транснациональный бизнес, поняв, что ему не придется распоряжаться природными богатствами страны по своему усмотрению, а иметь дело с российскими бизнесменами,

Государство и общество должны активно поддерживать те крупные российские компании, которые выбрали более сложный и длительный путь – самостоятельной интеграции в мировые экономические процессы.

3. Социально – управленческие проблемы в организациях ТНК

Общество неоднозначно воспринимает деятельность ТНК. *Транснациональные организации подвержены активной критике представителями общественности с самых различных направлений.*

Антиглобалисты – главные противники ТНК. Их основной тезис заключается в представлении ТНК как силы, монополизирующей национальный рынок (экономические войны), что приведет к уничтожению государственного суверенитета. Во многих странах действуют законы, ограничивающие действия как крупных национальных производителей, так и ТНК (Антимонопольное регулирование). Примерами служат Канада, Россия, Китай и др.

Экологи (Greenpeace). Возможности по созданию огромных производственных мощностей у ТНК настолько велики, что огромные производства могут угрожать местной экологической обстановке. В конечном итоге затраты на поддержание местной экологической обстановки могут оказаться слишком велики, что может оказаться неблагоприятным для данного региона. Именно поэтому многие производства стали переносить в страны третьего мира.

Особое место в работе ТНК принадлежит штаб – квартире, являющейся центральным органом управления и решающим важнейшие стратегические задачи развития ТНК. К числу таких решений

⁷ Источник: Кризис бонусу не помеха// Ведомости № 88 (2606) 18 мая 2010 г.

относится вопрос определения выработки оптимальной структуры ТНК, а также проблемы, которые показаны на рис. 9.

Оптимальная структура международной компании

Рис. 9.

- В штаб-квартирах почти всех международных компаний наблюдается стремление к сокращению управленческого аппарата. «Дебюрократизация» корпоративного управления проводится путем упразднения неэффективных подразделений.

- Одна из основных проблем головных компаний заключается в эффективном решении вопросов о сокращении штатов и недопущении конфликтов с правительством принимающей стороны.

Современная парадигма «тихой управленческой революции» в международном менеджменте (ключевые черты):

- Отказ от управленческого рационализма классических школ менеджмента. Первостепенное внимание проблемам анализа внешней среды, гибкости и адаптации к изменяющимся условиям;

- Использование универсальных составляющих системы организа-

ции, контроль за которыми позволяет эффективно управлять всей системой;

- Ситуационный подход к управлению, главный тезис которого: вся организация внутри предприятия есть ответ на различные по своей природе воздействия извне;

- Признание социальной ответственности менеджмента как перед обществом в целом, так и перед индивидом, работающим в организации.

Специфика управления коллективами, в состав которых входят иностранцы, заключена в комбинации влияний и воздействий микро-среды (собственно группы), макросреда (государственно – национальные особенности), метасреды (корпорация), мегасреда (влияния глобального уровня). Это приводит к возникновению барьеров и различий в культурно-этнических коммуникациях, в стилях управления, в постановке проблем и способах их решения, в мотивации труда и развития социально-культурной компетенции персонала.

Принципы международного менеджмента начала 21 века: Лояльность к работающим; Ответственность как обязательное условие эффективного менеджмента: Развитие организационной культуры, способствующей раскрытию личностных достоинств каждого; Обязательное участие каждого в общем успехе; Своевременная реакция на изменения в окружающей среде; Развитие новых методов работы с людьми, обеспечивающих их удовлетворенность работой в компании; Умение слушать всех, с кем сталкивается менеджер на всех этапах работы: покупатели, поставщики, исполнители, руководители пр.; Этика бизнеса; Доверие к людям; Опора на фундаментальные основы менеджмента: качество, затраты, сервис, нововведения, контроль ресурсов, персонал; Перспективное и целостное видение организации, т. е. четкое представление, какой она должна быть; Качество личной работы и ее постоянное совершенствование.

Особое внимание в руководстве персоналом в организациях ТНК придается формированию единых ценностей. Это непростая задача, поскольку в составе таких организаций работают люди самых разных национальностей, обладающих характерными особенностями и специфическими чертами. На плакате в штаб-квартире ЕС с долей юмора указывают на эту особенность. Попробуйте выработать общеевропейскую этику бизнеса, если:

- Немцы не понимают юмор
- Финны молчаливы
- Пища англичан состоит из немислимых смесей
- У люксембуржцев звездная болезнь

- Французы за рулем непредсказуемы
- Испанцев распирает гордость
- Итальянцы эмоциональны
- Голландцы скупы
- Бельгийца не застанешь на рабочем месте
- Технику сложнее кувалды не заставишь изучить португальца
- Шведы чересчур прямолинейны
- Греки неорганизованны
- Ирландцы любят выпить
- Австрийцы нетерпеливы

Менеджмент международной компании выполняет ряд специфических ролей.

Ролевые функции международного менеджера в контексте анализа внешней среды

Эти роли являются реальным фактором становления и развития международной деятельности фирмы

Рис. 10.

Мотивация трудовых ресурсов становится главным приоритетом. Персонал поощряется к:

- участию в акционерной собственности,
- участию в прибылях,
- смене направленности карьеры в рамках своей Ко,
- ротации кадров,
- расширению зоны индивидуальной ответственности.

В наиболее передовых организациях сотрудники становятся практическими партнерами Ко. В тоже время, на ряде российских

предприятий современные лидеры не делают упор на поощрение и стимулирование КРЕАТИВНОСТИ персонала и его деловой ИНТУИЦИИ.

На передний план выходят такие факторы, как ЗАБОТА о СОЦИАЛЬНЫХ нуждах людей, а также гарантия фирмой социальной помощи и поддержки своим членам.

Растет роль СКОРОСТИ и БЫСТРОТЫ предоставления товаров и услуг потребителям (как в единой организации). Если в 1980-е гг. самые существенные сдвиги касались КАЧЕСТВА производимой продукции, то с 1990-х гг. к этому важнейшему фактору добавилась СКОРОСТЬ и БЫСТРОТА реагирования, т.е. время, в течение которого товары и услуги доходят до потребителей. Концепция Р. Вернона (ам.) ориентирует на формирование устойчивых отношений с потребителями и сохранение доверия с клиентами. По – существу речь идет о новом типе социальных организаций (близких к виртуальным).

Посредством персональных компьютеров и сетей сотрудники организаций ТНК объединяются в специфические организации, способные воспроизводить новые (оригинальные) типы организационной культуры. Поэтому в рамках ТНК трудно переоценить роль коммуникаций, формирования единого коммуникационного пространства. По данным международных исследований проблема обмена информацией здесь занимает одну из самых сложных задач.

Такие корпорации, как Макдональд, Кока-Кола и Экспресс-почта, являются сетями. В таких сетях в виде технологий, навыков и текстов одинаковый продукт переносится в места, контролируемые ТНК⁸.

Профессор социологии Калифорнийского университета (США) М. Кастельс определил глобализацию как «новую капиталистическую экономику», перечислив в качестве основных ее характеристик информацию, знания и информационные технологии, являющиеся главными источниками роста производительности и конкурентоспособности.

Эта новая социальная реальность организуется преимущественно через сетевую структуру производства и распределения, а не отдельных фирм, как раньше, и так она становится глобальной.

ТНК путем распространения своих норм, правил и смыслов рыночного взаимодействия, играют активную роль в формировании институциональной структуры рынков. ТНК влияют на других участни-

⁸ Тысяннюк М. С. Мобильная социология Джона Урри // Журнал социологии и социальной антропологии, 2004. Том VII. № 4.

ков рынка и мотивируют использовать их идеи и принципы ведения бизнеса побуждают становиться их партнерами, частью команды, принимая и разделяя их правила. Это позволяет ТНК становиться обладателями как большого объема экономического, так и символического капитала, влиять на социальные процессы и развитие общества. Развитие организаций ТНК на микроуровне, приводят к изменениям и на макроуровне, трансформируют такие организации в значимые институциональные структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. UNCTAD World Investment Report, 1997. Annex.pre
2. Владимирова И. Г. Глобализация мировой экономики: проблемы и последствия // Менеджмент в России и за рубежом, 2001. № 3.
3. Бортова М. П. Современные проблемы транснационализации производства и капитала // Менеджмент в России и за рубежом, 2000. № 3.
4. Градобитова Л. Д. Исаченко Т. М. Транснациональные корпорации в современных международных экономических отношениях. – М.: Анкил, 2002.
5. Губайдуллина Ф. Прямые иностранные инвестиции, деятельность ТНК и глобализация. – Мировая экономика и международные отношения, 2003. № 2.
6. Интернет-ресурсы: Владимирова И. Г. Исследование уровня транснационализации компаний. // Менеджмент в России и за рубежом, 2001. № 6. (<http://www.cfin.ru/press/management/2001-6/12.shtml>)
7. Смелянская М. Г. Процесс интернационализации фирмы: сущность понятия, мотивы, методы, препятствия. Адрес документа: <http://www.marketing.spb.ru.conf.9.44.htm>.
8. Мовсесян А. Огневцев С. Транснациональный капитал и национальные государства. // Мировая экономика и международные отношения, 1999. № 6.
9. UNCTAD World Investment Report, 1997. Annex.
10. Мовсесян А. Огневцев С. Транснациональный капитал и национальные государства. // Мировая экономика и международные отношения, 1999. № 6.
11. Шимаи М. Роль и влияние транснациональных корпораций в глобальных сдвигах в конце 20 столетия. // Проблемы теории и практики управления, 1999. № 3.

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФОНДОВОГО РЫНКА

Фондовый рынок, как один из рынков капиталов, инвестиционных ресурсов¹, является самым масштабным рынком в мире, значение которого среди фундаментальных институтов современного общества трудно переоценить. Однако действительно известной (и возможно, единственно конвенциональной) характеристикой фондового рынка в качестве предмета исследования социальных наук называют малую степень его изученности². Данная ситуация усугубляется тем обстоятельством, что в настоящее время в науке нет общепринятых определений предмета экономической социологии. Следствием этого является отсутствие единого определения предмета социологической области исследования фондового рынка. Решение этой задачи требует обращения к модели человека, лежащей в основе социологического изучения фондового рынка и отражающей фундаментальные свойства поведения участников фондового рынка. Таковыми свойствами, на наш взгляд³, являются:

- эмоциональность, нерациональность как неотъемлемое свойство человека,
- неопределенность внешней среды и будущего,

¹ Выделяется три основных финансовых рынка: фондовый рынок, валютный рынок, рынок ссудного капитала.

² Например, говоря о степени изученности фондового рынка, социолог Д. Кохен остроумно отметил, что «гораздо больше изучалось, почему люди покупают жидкие моющие средства, чем вопрос, почему они покупают акции». В. В. Радаев в своих работах также отмечает, что в изучении финансовых рынков «мы находимся - самое большое - в начале пути». См. подробнее: Кохен Д. Психология фондового рынка: страх, алчность и паника / Пер. с англ. М. Майорова. – М.: «Интернет-трейдинг», 2004; Радаев В. В.

³ Выявление и анализ фундаментальных свойств фондового рынка является задачей, требующей отдельного исследования, выходящего за рамки данной статьи.

– спонтанность возникновения социальных институтов и моделей поведения.

Данные свойства определены в результате эмпирических исследований, экспериментов и наблюдений автора данной статьи, изучения литературы, посвященной теории и практике деятельности участников фондового рынка, историко-социологического анализа теории рынка неонавстрийской школы.

Теория рынка Людвиг фон Мизеса (1881–1973), основателя неонавстрийской школы, с одной стороны, базируется на оригинальной теории человеческой деятельности (*human action*), в рамках которой представленная модель человека (*homo praxios*) является, по Мизесу, основой для развертывания экономического, психологического, социологического или иного конкретно-научного анализа (исследования). С другой стороны, экономическая проблематика рынка (экономические циклы, конкуренция, ценообразование, цена капитала, занятость, государственное регулирование экономических процессов, эффективность экономической системы в целом) неразрывно связана у данного автора с социологической (управление социальными процессами, социальные функции частной собственности, предпринимательства, рынка и других институтов современного общества).

Философско-антропологические основания теории рынка, в том числе фондового, неонавстрийской школы состоят в модели праксиологического человека (разработанной основателем школы – Людвигом фон Мизесом⁴) – *homo praxios* как человека действующего, выбирающего, созидającego, не располагающего достаточной информацией для социальных действий. Разработки Мизеса инициировали усложнение модели рациональности классического *homo economicus* (человек независимый, рациональный, эгоистичный и информированный), сделали возможной модель *homo socioeconomicus*, лежащую в основе современной экономической социологии. Реализацию праксиологического человека в современном обществе, основанном на сложном разделении труда, обеспечивают базовые социальные институты, соответствующие основным атрибутам «*homo praxios*».

⁴ Зорин Г. В. Теория капиталистического общества Людвиг фон Мизеса. Автореферат дисс. на соискание ученой степени к.с.н. – СПб.: Астерион, 2011, С. 5.

Теория рынка неоавстрийской школы, с точки зрения ее значения для социологической линии исследования рынка, не рассматривалась в качестве самостоятельного предмета анализа.

Модель человека, детально изложенная в работе «Человеческое действие» Людвигом фон Мизесом, является наиболее систематическим изложением философско-антропологических основ теории рынка неоавстрийской школы⁵. Данная модель построила методологический мост между экономикой и социологией, инициировала усложнение модели рациональности классического *homo economicus*. Во многом благодаря теоретическим и методологическим разработкам австрийской школы стало возможным выстраивание модели *homo socioeconomicus*⁶, лежащей в основе современной экономической социологии.

В. В. Радаев называет четыре исходные предпосылки модели экономического человека:

- Человек независимый. Это автономный, атомизированный индивид, принимающий самостоятельные решения исходя из своих личных предпочтений.

- Человек эгоистичный. Он в первую очередь заботится о своем интересе и стремится к максимизации собственной выгоды.

- Человек рациональный. Он последовательно стремится к поставленной цели и рассчитывает сравнительные издержки того или иного выбора средств ее достижения.

- Человек информированный. Он не только хорошо знает собственные потребности, но и обладает достаточной информацией о средствах их удовлетворения⁷.

Говоря о проблеме социальной обусловленности экономического действия, В. В. Радаев⁸ определяет последнее в духе М. Вебера: экономическое действие есть форма социального действия. «Эконо-

⁵ Salerno J. T. The Place of “Human Action” in the Development of Modern Economic Thought. The Quarterly Journal of Austrian Economics, Spring 1999, Vol. 2, № 1, P. 35–65.

⁶ Подробнее о предпосылках и содержании модели «экономсоциологического человека». См.: Радаев В. В. Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования, 2002, № 7, С. 3–14.

⁷ Радаев В. В. Экономическая социология: курс лекций. – М.: Аспект-Пресс, 1997.

⁸ Радаев В. В. Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования, 2002, № 7, С. 3–14.

мическое действие» представляет собой осуществление контроля над ограниченными ресурсами ненасильственными методами в целях удовлетворения своих потребностей. А «социальное действие» – это форма деятельности, которая, во-первых, содержит в себе внутреннее субъективное смысловое единство; во-вторых, по этому смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на эти действия. Иными словами, с социальным действием мы имеем дело тогда (и только тогда), когда оно внутренне мотивировано, его субъект ожидает от других людей определенной ответной реакции»⁹. Социальное действие в данной трактовке выступает основанием и одновременно внутренним элементом экономического действия.

Веберовские категории экономического и социального действия определяются с позиций методологического индивидуализма. По утверждению В. В. Радаева, последний резко отличается от методологического индивидуализма, принятого в экономической теории.

Индивидуализм *homo economicus* непосредственно сопряжен с его автономностью, с относительной независимостью принимаемых решений и установлением опосредованной социальной связи – преимущественно через соотнесение результатов действия. Социологический индивидуализм – явление другого методологического порядка. Индивид рассматривается здесь в совокупности своих социальных связей и включенности в разнородные социальные структуры. Общество в данном случае не просто витает как абстрактная предпосылка, но зримо присутствует в ткани индивидуального действия¹⁰.

С точки зрения австрийской школы, человек, прежде всего, существо деятельное. Он имеет намерения, преследует определенные цели, использует средства для их достижения, строит планы своего поведения. Однако эти цели и средства не даются ему извне. В полном смысле слова человек создает их сам. Обладая сознанием, он мысленно проецирует себя в будущее и формирует представления об условиях и положении своих дел, которые стали бы для него предпочтительнее нынешних, или о тех, которые, возможно, будут превалировать, если он не попытается повлиять на ожидаемые в перспективе события. Он пытается выяснить причинные связи в окружающем его мире и

⁹ См.: Вебер М. Основные социологические понятия / Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 602–603, 625–626.

¹⁰ Радаев В. В. Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования, 2002, № 7, С. 3–14.

открыть те направления деятельности, которые могут обеспечить ему достижение желаемых результатов¹¹.

В этом процессе человек сам создает условия реализации и оценивает их значение для себя. Он определяет цели, которые могут конкурировать за использование ограниченных ресурсов, и должен решить, от каких целей следует отказаться (какую заплатить цену), чтобы вместо этого достигнуть чего-либо другого. Иными словами, издержки, связанные с принятием тех или иных решений, он формирует сам. Человек составляет мнение относительно возможностей использования средств, а следовательно, достижимости или недостижимости поставленных целей. И эти мнения и оценки являются теми элементами, от которых зависит его выбор.

Такой подход к описанию человека «австрийцы» называют субъективистским. Иными словами, они смотрят на мир глазами действующих лиц. То, что люди рассматривают как «цели», к которым следует стремиться, «средства» для решения стоящих перед ними задач, «затраты» и «выгоды» при различных вариантах выбора, имеют смысл и могут быть поняты лишь с точки зрения индивидуумов. Только человеческий ум способен классифицировать, упорядочивать и разделять физические объекты мира по категориям средств и целей. Именно так люди-деятели приписывают процессам и явлениям смысл, определяющий, чем они являются (в контексте формируемых целей и планов) и затем руководящий их поведением по отношению к ним¹².

Кроме того, представления человека-деятеля о желательности, а также его действия, направленные на достижение целей, часто формируются и осуществляются в условиях неопределенности и недостаточного знания. Если предполагается выбор из нескольких альтернатив, то лицо, осуществляющее этот выбор, считает, что его поведение может повлиять на будущее. Таким образом, будущее, с точки зрения данного лица, не является предопределенным. И в то время как он предпринимает различные действия сегодня, намереваясь добиться завтра желаемого состояния дел, у него нет уверенности, что его прогнозы на будущее оправдаются в полной мере. Таким образом, когда каждая акция осуществляется в надежде на «прибыльный» результат,

¹¹ Mises L. von. The Ultimate Foundation of Economic Science. — Kansas City, 1976, P. 46.

¹² Rothbard M.N. Individualism and the Philosophy of the Social Science. — San Francisco, 1979, P. 79.

существует возможность разочарований и потерь¹³. Поэтому все действия людей содержат элемент предпринимательства, то есть любая акция человека по своему характеру спекулятивна, сфокусирована на неопределенное будущее с надеждой и ожиданием, что запланированные и начатые действия принесут прибыль, однако всегда имеется вероятность проигрыша.

Общественный обмен возникает тогда, когда индивидуумы осознают, что смогут получить прибыль в результате продажи каких-либо предметов, которыми они обладают или могут произвести. Однако потенциальная возможность торговли создается самими действующими лицами, она не является следствием воздействия внешних сил. В конечном счете, торговля – это встреча умов. Каждый индивидуум вначале должен «проиграть» торговлю в голове, выясняя, что ему дороже и на каких условиях он мог бы добровольно отдать то, что у него есть, за то, что он желает иметь. По крайней мере, один из них должен сообщить о своей готовности торговать другому, указав на условие совершения взаимовыгодных сделок. По крайней мере, один предлагает или назначает исходную цену, чтобы завязалась торговля в узком смысле этого слова, которая может завершиться актом обмена. Обмен (в экономической сфере – цены на рынке) возникает, таким образом, при взаимодействии человеческих умов, которые создают возможности для улучшения своего положения¹⁴.

Итак, то, что часто принимается за «данное» в неоклассической теории – упорядоченные предпочтения агентов, наличие и характеристика средств, цены, по которым агенты могут торговать друг с другом, – «австрийцы» пытаются объяснить, то есть показать их происхождение как результат умственной деятельности самих людей. В рыночных феноменах, по мнению «австрийцев», исходными элементами выступают не вещи, которым люди противостоят или которыми они наделяются за счет какого-то внешнего источника. Они, скорее, появляются в результате деятельности участников общественного обмена. По этой причине такие представители австрийской школы, как Л. фон Мизес, настаивают на том, что реалистическое теоретизирование по поводу рыночных явлений и их понимание неотделимы от теории человеческой деятельности. И вот почему логика выбора в более широ-

¹³ Mises L. von. Epistemological Problems of Economics. – N.Y., 1981. P. 95.

¹⁴ Collingwood R. G. Economics as a Philosophical Science // Ethics. 1926. № 36. P. 68.

ком контексте должна основываться на логике деятельности, которая и порождает выбор.

Таким образом, австрийцы вводят в модель рациональности фактор неопределенности среды действия. Кроме того, Л. фон Мизес в работе «Человеческое действие: трактат по экономической теории» постулировал иррациональность в качестве имманентного признака всякого социального действия и экономического, в частности.

На основе изложенного можно выделить следующие необходимые существенные свойства модели праксиологического человека, разработанной Л. фон Мизесом:

- человек действующий. Деятельность выражается как в действиях, так и в бездействии. И то и другое является результатом способности активного и осознанного выбора;

- человек выбирающий. Действие человека основывается на универсальной структуре человеческой логики - возможности определять причину и следствие, что позволяет ставить цель и выбирать наиболее приемлемые средства ее достижения. Неосознанность или нерациональность выбора обусловлены имманентностью способности целеполагания;

- человек создающий. Общественные институты проявляют себя в деятельности составляющих их индивидов, являются продуктами процесса спонтанного человеческого взаимодействия;

- человек неинформированный (ограниченно информированный). Цели человека субъективны, он не обладает достаточной и объективной информацией о средствах их достижения, о характере внешней среды и будущем. Отсюда результаты его деятельности зачастую оказываются отличными от запланированных.

Данная модель позволяет интегрировать экономический и социологический подходы к исследованию современного общества, поскольку модель «*homo praxios*» удовлетворяет требованиям как модели «*homo oeconomicus*», так и «*homo sociologicus*», снимая противоречие между недосоциализированным «экономическим человеком» и пересоциализированным «социологическим человеком». Тем самым неавстрийцы заложили теоретический фундамент построения современной модели *homo socioeconomicus*.

Как и Людвиг фон Мизес, Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) является одним из ведущих критиков государственного регулирования рынков в XX веке. При этом основой его аргументации является такой принцип праксиологической модели, как неопределен-

ность внешней среды человеческого действия, концептуализирующая у этого мыслителя в теорию неполноты информации и рассеянного знания. В результате неполноты информации централизованно управляемая экономика принципиально неработоспособна или уступает рыночной экономике.

Таким образом, фондовый рынок, как сложная система, где получение этой информации затруднено случайным характером самой деятельности и разнонаправленностью интересов её участников, не может управляться эффективно помощью централизующих институтов государства. В итоге такого управления, государственная власть всегда будет двигаться в сторону тоталитаризма.

Одной из фундаментальных проблем современного общественного устройства для Хайека выступает свобода. Личную свободу он определяет как отсутствие препятствий для достижения собственных целей. В современном обществе свобода осуществляется через ценовой механизм на свободных рынках. Он разделяет и синхронизирует общее и личное знание, разрешая участникам рынка достигнуть разнообразных и сложных результатов через принцип непосредственной самоорганизации. Как и Мизес, Хайек использует понятие каталлаксии для описания «системы самоорганизации добровольного сотрудничества»¹⁵.

Ф. фон Хайек утверждает, что вмешательство государства в экономическую сферу, даже если оно не ставит под сомнение ценность рыночной экономики, ведет в перспективе к устранению свободы.

Людвиг Лахманн (1906–1990) и Джордж Шэкл (1903–1992) – ученые, развивающие философско-антропологические идеи австрийской школы устройства рынка. В центре внимания Лахманна – вопрос координации посредством рыночных механизмов. Отталкиваясь от проблемы незнания будущего, Лахманн отмечает, что рынок, как механизм общественного обмена, распространяет знание, но он не согласовывает ожидания. В связи с этим Дж. Шэкл различает экономическое время и реальное время, последнее трактуется им в рамках натуралистической концепции, принятой в естественных науках. Однако Шэкл считает неуместным использование концепции реального времени в рамках общественных наук, так как учет разума отдельного

¹⁵ Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. 256 с. Гл. 4. «Использование знаний в обществе».

индивида требует дискретного видения временного процесса, то есть невозможность использования понятия времени, обладающего однородной структурой. Данное положение приводит Шэкля к понятию отсутствия знания и разработки концепции «калейдоскопических миров» или «калейдоскопических пространств». Его концепцию разделяет и Л. Лахманн.

Концепция «калейдоскопических миров» рассматривает структуры фондового рынка сквозь призму постоянных и внезапных изменений. «Мир рыночной экономики – это калейдоскопический текущий мир, внутри которого бесконечный поток информации ежедневно оказывает давление на выбор человека и на принятие им решения»¹⁶. Загадка этих состояний объясняется тем фактом, что всякая попытка действующих лиц координировать свою деятельность в ответ на ситуацию начального неравновесия ведет к общей несогласованности. На деле приспособление планов индивидуумов к построению видов деятельности неизбежно меняет структуру этой деятельности, открывая новые возможности для получения прибыли и уничтожая прежние возможности. Такой калейдоскоп, модификация части структуры порождают структурные сдвиги во всей совокупности составляющих. Именно эта характеристика порождает динамизм фондового рынка. Идея невозможности предвидения также учитывается в рамках данной логики. Экономическая наука, как и вся общественная дисциплина, неспособна предвидеть изменения: «...Мир общественных явлений, в отличие от солнечной системы, управляется столь изменчивыми силами, что никакая мысль и ньютоновская модель не в силах их постичь»¹⁷.

С позиции концепции «калейдоскопических миров» Людвиг Лахманн развивает понятие «субъективность», фундаментальное для австрийской теории. Наряду с традиционным пониманием – субъективностью предпочтений, Лахманн выдвигает идею субъективности интерпретаций. Информация становится хозяйственным благом лишь в тот момент, когда она принята, обработана и приобрела значение в глазах действующих индивидов. В продолжение работ Макса Вебера

¹⁶ Цит. по: Эмар. Неоавстрийцы: смена поколений. – Центр социальной философии и политики при Государственном Университете Грина, Огайо, США, 1986. С. 5.

¹⁷ Цит. по: Эмар. Неоавстрийцы: смена поколений. – Центр социальной философии и политики при Государственном Университете Грина, Огайо, США, 1986. С. 6.

Л. Лахманн полагает, что любой процесс восприятия реальности через процедуры абстрагирования побуждает индивидов отбирать и соединять часть элементов этой реальности. Этот процесс является по природе субъективным и поэтому неповторимым.

Представление о субъективности интерпретаций связывается с субъективностью ожиданий: ожидания различных действующих субъектов почти всегда различаются между собой и даже сходные ожидания агентов со временем расходятся под влиянием ежедневного потока информации. Таким образом, в условиях постоянно меняющихся знаний субъективность оказывается не в состоянии координировать индивидуальные действия. Всякая попытка совместить индивидуальные планы неизбежно порождает разрыв со структурой этих планов на данный момент. Данная аргументация является обоснованием неэффективности государственного регулирования фондового рынка, так как оно неизбежно порождает расстройство функций рыночной системы, нарушает ее информационную структуру, направляя ложные сигналы агентам – инвесторам и спекулянтам. Неравновесное динамическое пространство фондового рынка регулируется процессом постоянных возмещений.

Таким образом, в основе социологического исследования фондового рынка лежит определенная модель человека. В истории социальной и экономической мысли данная модель наиболее полно и достоверно изложена в теории рынка неоавстрийской школы, прежде всего в прагматической теории деятельности ее основателя Людвиг фон Мизеса.

Идеи Людвиг фон Мизеса имеют тесную связь не только с экономической и социологической науками, но и с методологией социального познания, обладает междисциплинарным характером. Основанием теории рынка выступает модель человеческого действия, которая по своему содержанию, является равно как экономической, так и социологической.

Философско-антропологические основания теории рынка неоавстрийской школы состоят в модели прагматического как человека действующего, выбирающего, созидającego, не располагающего достаточной информацией для социальных действий. Разработки Мизеса инициировали усложнение модели рациональности классического *homo economicus*, сделали возможной модель *homo socioeconomicus*, лежащую в основе современной экономической социологии. Реализацию прагматического человека в современном

обществе, основанном на сложном разделении труда, обеспечивают базовые социальные институты, участвующие в рыночном взаимодействии и соответствующие основным атрибутам «homo graxios».

Философско-антропологические основания исследования фондового рынка определяют принципы, раскрывают содержание и перспективы социологии фондового рынка, как научной дисциплины.

В экономической теории фондовый рынок рассматривается как агрегированная совокупность индивидуальных обменов и относительно автономная сфера со встроенным механизмом саморегуляции, при этом модель человека строится на том, что хозяйственные мотивы (побуждения к действию) определяются калькуляцией издержек и выгод.

Классическое социологическое исследование рынков определяет фондовый рынок как сложное сегментированное пространство, структура и границы которого определены не только системой цен, потоками денежного обращения и сводом хозяйственных законов, но сложной системой микропроцессов, происходящих в повседневном взаимодействии экономических агентов и их групп. При этом, с точки зрения данного подхода, мотивы действий хозяйственных агентов, обусловлены, прежде всего, социальными нормами и разворачиваются в рамках определенных институтов.

Философско-антропологическое исследование включает в предметную область социологии фондового рынка такие вопросы, как: гносеологические проблемы социологического исследования фондового рынка; границы и модели рациональности; возможность и способы познания будущего; возможности применения математических методов в социальном познании; эмоции как предмет социологического исследования; проблемы и перспективы построения комплексной модели человека для исследования фондового рынка, на основе данных социологии, экономики, антропологии, психологии эмоций, эволюционной психологии, экономической психологии, эволюционной биологии и других наук.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Основные социологические понятия / Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 602–603, 625–626.
2. Зорин Г. В. Теория капиталистического общества Людвига фон Мизеса. Автореферат дисс. на соискание ученой степени к.с.н. – СПб.: Астерион, 2011. С. 5.

3. Кохен Д. Психология фондового рынка: страх, алчность и паника / Пер. с англ. М. Майорова. – М.: Интернет-трейдинг, 2004.
4. Радаев В. В. Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования, 2002, № 7. С. 3–14.
5. Радаев В. В. Экономическая социология: курс лекций. – М.: Аспект-Пресс, 1997.
6. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. – М.: Изограф, 2000. 256 с. Гл. 4. «Использование знаний в обществе»
7. Эмар. Неоавстрийцы: смена поколений. – Центр социальной философии и политики при Государственном Университете Грина, Огайо, США. 1986. С. 5.
8. Collingwood R. G. Economics as a Philosophical Science // Ethics. 1926. № 36. P. 68.
9. Mises L. von. The Ultimate Foundation of Economic Science. – Kansas City, 1976. P. 46.
10. Mises L. von. Epistemological Problems of Economics. – N.Y., 1981. P. 95.
11. Rothbard M. N. Individualism and the Philosophy of the Social Science. – San Francisco, 1979. P. 79.
12. Salerno J. T. The Place of “Human Action” in the Development of Modern Economic Thought. The Quarterly Journal of Austrian Economics, Spring 1999, Vol. 2, № 1. P. 35–65.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В КОНЦЕПЦИИ ПРОИЗВОДСТВА КУЛЬТУРЫ

Любое исследование в социологии искусства всегда начинается с вопроса о границах предмета этой области знания. Отсутствие консенсуса и активные дискуссии свидетельствуют о том, что социология искусства так и не получила статуса отраслевой дисциплины. Как бы там ни было, на протяжении десятилетий изучение многочисленных аспектов создания и восприятия искусства породили достаточно самостоятельное исследовательское поле с широким тематическим диапазоном. К социологии искусства относят изучение социальной обусловленности стилевой и жанровой дифференциации искусства (социологическое искусствознание, социологическая эстетика), реакций социальных групп на произведения искусства (социология художественного потребления), социальных статусов в сфере создания произведений искусства (социология художественного труда)¹.

Для того чтобы объединить все темы, представляющие интерес для социологии искусства, в общее исследовательское поле необходим особый способ видения, составляющий специфику социологического рассмотрения искусства. Одной из таких интегративных точек зрения является представление культуры в качестве индустрии. Концепция производства культуры (production of culture perspective) позволяет рассматривать искусство как систему социально сконструированных значений, которые заключены не в произведениях самих по себе, а изменяются вместе с обстоятельствами. При таком видении искусство не противостоит социальной структуре как нечто внешнее или трансцендентное, а они являются, по словам Р. Петерсона, чье

¹ Магидович М. Л. Поле искусства как предмет исследования // Новое литературное обозрение. 2003. №60. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/magid-pr.html> (дата обращения: 01.03.2012).

имя чаще всего связывают с концепцией производства культуры, «элементами в постоянно перекраиваемом лоскутном изделии»², т.е. частями единой социальной системы. Если согласиться с предлагаемым решением проблемы предмета социологии искусства, то можно рассматривать «поле» (Бурдьё) или «мир» (Беккер) искусства как относительно автономную область, существующую наряду с другими областями социальной реальности, как политика, религия, наука, образование и т.д. Большая часть исследований в современной социологии искусства проводится исходя именно из этой перспективы³.

Аспект художественного потребления логически вычленяется в концепции производства культуры. В ней были разработаны два альтернативных типа моделей, описывающие практики потребления в сфере искусства. Один из них, получивший название моделей культурной легитимации, делает акцент на дифференцирующей функции потребления культурных продуктов. Эти модели предполагают наличие иерархии культурной продукции и соответствие между ее типом и вкусами определенной социальной группы. Второй тип призван описать трансформацию практик культурного потребления. В частности, он описывает переход от приверженности одному культурному продукту к множественности вкуса у высокостатусных групп, что противоречит тезису об исключительной склонности социальных групп к одному типу культурной продукции. При этом для объяснения произошедших изменений разные модели используют одинаковый набор факторов. Рассмотрение логики развития концепции производства культуры является целью данной статьи, направленной на объяснение существующих различий ее объяснительных моделей.

1. Вкус и символическое исключение

Автором моделей культурной легитимации в концепции производства культуры можно считать П. Бурдьё. Он отводит социологии роль определения условий, которые необходимы для функционирования социальных процессов производства, обращения и потребления, обуславливающих развитие сферы искусства. Рассмотрение отноше-

² Peterson R. A., Anand N. The Production of Culture Perspective // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. P. 311–334.

³ Фархатдинов Н. Г. Социология искусства без искусства. Индустриальная метафора в социологических исследованиях искусства // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 3. С. 55–69.

ний производства в искусстве служит индикатором того, что П. Бурдьё развивает свои идеи в рамках концепции производства культуры. Поле культурного производства относительно автономно и иерархизировано по принципу обладания престижем или признанием, которые существуют как объемы *символического капитала*. Значит, поле культурного производства является также полем производства символических благ. Оно разделяется на поля ограниченного и массового производства, отношения в которых определяются различными конфигурациями символического капитала. В поле ограниченного производства значимым является признание внутри группы производителей, тогда как в поле массового производства ценностью обладает признание вне круга производителей. В поле ограниченного производства ведется борьба за обладание символическими благами, т. е. борьба за культурную легитимность – способность определять доминирующий тип культурной практики в данном поле, наделяющий ее производителей дистанцирующими признаками. Дистанция появляется вследствие того, что для освоения продуктов поля ограниченного производства необходимо владеть специальным кодом, который индивиды приобретают в первую очередь в процессе образования. В поле массового производства дистанцирования не происходит, потому что оно основывается на другой логике, и ключевым значением в нем обладает экономический капитал, измеряемый выручкой от продажи его продукции⁴. Наличие особой ставки в игре – завоевание культурной легитимности, является критерием автономности поля культурного производства. Таким образом, можно отличить «искусство» от «неискусства».

Необходимость владения кодом для дешифровки произведений искусства подчеркивает роль изучения *культурного капитала*, связываемого с образованием и приобретенными в процессе социализации навыками. Посредством этого термина П. Бурдьё помещает культуру в ядро стратификационного анализа. Так можно перейти от поля культурного производства к практикам культурного потребления, анализируемым П. Бурдьё в рамках социологии художественного вкуса. Для П. Бурдьё практики потребления в сфере искусства – это, прежде

⁴ Бурдьё П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993, №1/2. 1994, №5. Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/burde-rynok-simvolicheskoy-produkcii> (дата обращения: 30.03.2012).

всего, практики классификации. Суждения вкуса в обыденной жизни воспринимаются как нечто субъективное и спонтанное. Именно они задают практики культурного потребления, т. е. предпочтения людей в отношении мира искусства, их культурные потребности. Предзаданность суждений вкуса и, соответственно, культурных потребностей индивидов – ключевая идея работы П. Бурдьё «Различение»⁵. В этом труде социолог проанализировал эстетические практики и предпочтения классов, расположенных в социальной структуре современной ему Франции, уделяя особое внимание пристрастию или отвращению людей к так называемым «высоким» (highbrow) формам искусства (живопись, музыка, литература и т. д.). На основе широкого эмпирического материала П. Бурдьё показал, что каждый социальный класс обнаруживает специфический вкусовой паттерн, согласованный с объемами культурного и экономического капиталов у данного класса. Различия во вкусе у разных групп нужно рассматривать в качестве претензий на престиж, производных от социального статуса.

В процессе потребления культуры у людей формируется устойчивая система предпочтений. На основе усвоенной в процессе социализации системы диспозиций человек определяет, что красиво, что безобразно, а в это время «вкус классифицирует, и он классифицирует классификатора»⁶, относя его к одному из множества социальных классов, группирующихся по принципу схожести стилей жизни, или практик культурного потребления. Принцип структурной гомологии, разработанный П. Бурдьё, предполагает, что существует соответствие между социальным милье и определенным культурным продуктом. Социальная идентичность носителя художественного вкуса соотносится с выражаемой им неприязнью к предпочтениям других социальных групп (обусловленной занимаемой позицией в социальном пространстве) и, одновременно, с приверженностью предпочтениям, характерным для милье, в котором она сформировалась. Вкусы доминирующих групп обычно определяются именно таким образом. Если ограничиться пониманием художественных предпочтений только как любви к определенным музыкальным жанрам, доминирующие группы будут демонстрировать однозначную

⁵ Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.

⁶ Там же.

склонность к высокому искусству (академическая музыка, опера) и в равной степени явный отказ от популярной музыки⁷.

Таким образом, логика производства культуры определяет логику потребления культурных продуктов. Поля ограниченного производства, которые, в сущности, и представляют собой поля искусства в чистом смысле, проводят демаркационную линию между теми, кто принадлежит полю, и теми, кто не может быть его частью, т. к. не обладает кодом для дешифровки культурной продукции данного поля. В свою очередь, люди, исключенные через необходимость владения кодом из сферы искусства, не испытывают внутренней потребности в приобщении к его высоким формам, иными словами просто их не любят, потому что габитус, определяющий их художественный вкус, сформирован в иных условиях, нежели вкус ценителей высокого искусства. Эти двунаправленные процессы соединяются в принципе структурной гомологии, который каждому социальному милю ставит в соответствие определенный культурный продукт. Более того, структурно обусловленное выражение неприязни к формам культуры, которые производятся другими социальными группами, укрепляет символические границы между ними. Границы между группами устанавливаются посредством двух комплементарных механизмов: объединения на основе сходства вкусов и разделения на основе разности во вкусах. В сущности, производство и потребление культуры осуществляется по модели *символического исключения*.

Эмпирическая иллюстрация данной модели представлена П. Бурдые в работе «Любовь к искусству», написанной совместно с А. Дарбелем и Д. Шнаппер, в которой анализируются социальные практики посещения музеев в 60–70-х годах XX века во Франции. Социологи установили, что те, кто отдает предпочтение формально сложному, экспериментальному, абстрактному или экспрессионистскому искусству, обладают фоновыми знаниями в истории искусств и имеют более высокий доход, чем те, кто посещает экспозиции реалистического искусства и не разбирается в истории искусств. На основании полученных эмпирических результатов П. Бурдые и его коллеги обнаруживают прямую зависимость между объемами экономического и культурного капиталов. Из этого вытекает вывод о том, что истин-

⁷ Coulangeon Ph. Social Stratification of Musical Tastes: Questioning the Cultural Legitimacy Model // Revue française de sociologie. Supplement: An Annual English Selection. 2005. Vol. 46. P. 123–154.

ная функция музея – «усилить чувство принадлежности для одних и чувство исключения для других»⁸.

Резюмируем рассмотренную выше теорию художественного вкуса. Доминирующие группы обладают капиталом полей ограниченного производства – способностью к культурной легитимации, т. е. способностью определять эталонные культурные практики, и тем самым дистанцируются от всех остальных. Такой взгляд постулирует иерархическую организацию пространства распределения вкуса, что соответствует модели культурной легитимации, предложенной П. Бурдьё. Иерархия культурных предпочтений представлена оппозицией «высокая/низкая» (highbrow/lowbrow) культура.

2. Трансформация практик культурного потребления: модель «omnivore/univore» и ее постмодернистская интерпретация

В начале 90-х годов XX века представления П. Бурдьё о взаимосвязи художественного вкуса и социального статуса были подвергнуты серьезному пересмотру.

Описание культуры как фактора социальной стратификации по модели «highbrow/lowbrow» является типичным ходом социологического рассуждения, который используется и в современной социологии, в особенности в России. К примеру, М. Олейник применяет эту модель в своем анализе музыки как стратифицирующего фактора (см. таблицу 1)⁹. Однако данная модель оказывается совершенно бессильной в объяснении многих современных социальных процессов. Во-первых, появляются группы людей, потребляющие продукцию как высоких, так и массовых музыкальных форм. Во-вторых, социологические опросы фиксируют наличие развлекательной функции у так называемого высокого искусства. В-третьих, развитие средств копирования и распространения информации оказывает влияние на способ существования любых музыкальных форм, т.к. они неизбежно включаются в систему функционирования музыкальной индустрии.

⁸ Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D. The Love of Art. European Art Museums and their Public. – Oxford: Polity Press, 1991.

⁹ Олейник М. А. Музыка как фактор социокультурной стратификации в современном обществе // Известия ВГПУ. 2007. № 3. С. 95–98.

Таблица 1.

Музыка как фактор социальной стратификации.
 Модель «highbrow/lowbrow».

Иерархия музыкальных форм	Высокое искусство	Массовое искусство («не-искусство»)
Функция	Эстетическая	Развлекательная
Развитие техники и технологий	Никак не влияет	Способствует развитию

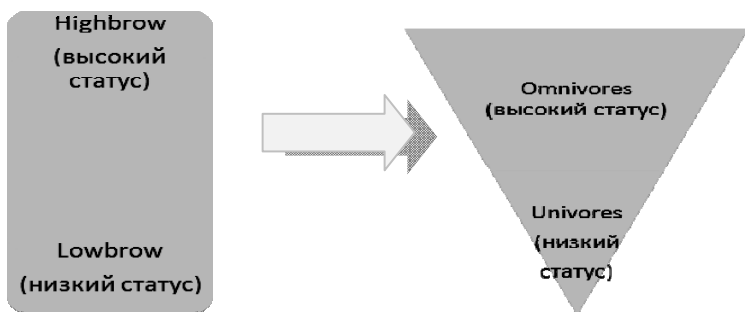
Р. Петерсон обратил внимание на вышеназванные противоречия еще в 90-х годах, когда на примере музыкальных предпочтений он проанализировал результаты мониторингового исследования об участии граждан США в культурной жизни, проводившегося в 1982 и 1992 гг. [23]. Он отмечает, что в это время многие люди с высоким социальным статусом перестали отдавать предпочтение исключительно высоким формам искусства (модель поведения «сноба»), напротив, их вкусы стали эклектичными. Более того, количество таких людей увеличивается с течением времени. Следовательно, тезис о структурной гомологии, предложенный П. Бурдье, не подтверждается на практике. Доминирующие социальные группы, которые должны отдавать предпочтение только высокому музыкальному искусству (snobs), стали «всеядными» (omnivores): им нравятся музыкальные жанры, производимые как в, так и за пределами поля ограниченного производства. Наблюдения о нарастающем эклектизме музыкальных вкусов высокостатусных групп Р. Петерсон помещает в более общую объяснительную модель снижения роли высокого искусства в символической идентификации. Оно связано с развитием культурных индустрий, которые включили высокое искусство в деятельность полей массового производства и сделали большое количество культурных продуктов доступными для большего числа людей, что, в свою очередь, является результатом унификации национальных и транснациональных рынков символической продукции. В сфере музыки подобный эффект был получен, когда границы субсидирования искусства были расширены, для того чтобы включить джаз.

Речь идет не об отрицании принципа различения как такового, а о смене критерия различения. Если раньше символическое дистанцирование осуществлялось по предмету потребления (высокая или низкая культура), то теперь водораздел проходит по цели и способу потребления (например, потребление ради удовольствия или интеллектуальное оценивание произведения). Потребляться при этом может

любое количество музыкальных жанров. Взамен не оправдавшей себя модели «highbrow/lowbrow» Р. Петерсон предлагает модель, фиксирующую произошедшую трансформацию практик культурного потребления. Она показывает, с одной стороны, что высокообразованные и обеспеченные люди отделяют себя от других социальных категорий не только посредством демонстрации исключаяющей склонности к высокому искусству, но и с помощью эклектичности своих вкусов. С другой стороны, она обнаруживает большое число любителей музыки, предпочитающих только один музыкальный жанр, среди низко-статусных групп. Эта модель получила название «omnivore/univore»¹⁰, в ней делается акцент не на качестве, а на количестве предпочитаемых жанров. Следовательно, представление вкусового измерения в виде столбика с элитными вкусами наверху и популярными внизу заменяется перевернутой пирамидой, как это показано на рисунке 1 (ширина пирамиды означает одинаковое или разное количество предпочитаемых музыкальных жанров).

Предложенная модель размывает границы между высокими и популярными формами искусства. Следовательно, исчезают основания, по которым производилось символическое дистанцирование социальных групп друг от друга. Производство и потребление культуры осуществляется не через *исключение*, а через *открытость* любым формам искусства. Вследствие этого стираются границы между социальными группами. Ряд социальных процессов, произошедших в конце XX века, сделал механизмы исключения труднореализуемыми. Рост уровня жизни, распространение всеобщего образования, преподнесение искусства широким аудиториям посредством медиа сделали элитные эстетические вкусы более доступными для большего числа социальных групп, что обесценило идею рассмотрения искусства как рынка символического исключения. В то же время, растущие объемы миграции и социальной мобильности перемешали людей с различными вкусами в структуре общества. Таким образом, высоко-статусным группам оказалось гораздо проще присвоить разнообразные вкусы остальной части населения, чем исключить их.

¹⁰ Peterson R. A., Simkus A. How Musical Tastes Mark Occupational Status Groups // Cultivating Differences: Symbolic Boundaries and the Making of Inequality / ed. by Michele Lamont and Marcel Fournier. – Chicago: The University of Chicago Press, 1992. P. 152–186.

*Рис. 1. Музыка как фактор социальной стратификации.
Переход от модели «highbrow/lowbrow» к модели «omnivore/univore».*

Трансформация практик культурного потребления по пути их дифференциации стала основой для так называемого «постмодернистского» объяснения современной социальной стратификации. Оно заключается в том, что индустриальное производство символических благ и возникновение общества потребления постепенно подтачивали монополию элит на культурную легитимацию, что привело в результате к сосуществованию множества шкал оценивания и отрицанию иерархии культурных форм. Этот ход рассуждения подверг сомнению саму модель культурной легитимации, лежащую в центре понятия символического доминирования, введенного П. Бурдьё. Макросоциологическое объяснение произошедших изменений содержится в теории Р. Инглхарта, где переход от эксклюзии к инклюзии может быть рассмотрен в рамках исторической тенденции усиления толерантности к людям, разделяющим различные ценности¹¹.

Постмодернистские интерпретации модели «omnivore/univore» делают акцент на различных факторах трансформации культурных практик, некоторые из которых согласуются с аргументами Р. Петерсона, другие же направлены на их критику. Сам Р. Петерсон объяснял обнаруженную множественность музыкальных вкусов у высоко-статусных групп действием расширяющейся вертикальной социальной мобильности. Активное перемещение индивидов и групп между слоями социальной иерархии приводит к тому, что художественные предпочтения, приобретенные в старых социальных кругах, перено-

¹¹ DiMaggio P. Classification in Art // American Sociological Review. 1987. Vol. 52, № 4. P. 440–455.

сятся в новые социальные милье, где они также дополняются новыми культурными пристрастиями. Сходной позиции придерживается П. Димаджо в своем предположении о взаимосвязи между количеством потребляемых художественных жанров и социоэкономическим статусом индивида. Его собственные исследования подтверждают вывод о том, что людям с высоким уровнем образования и престижной профессией нравятся практически все виды искусства. Расширение социальных сетей, ведущее к повышению социального статуса, способствует расширению вкусового репертуара¹².

Критика данного способа объяснения носила преимущественно методологический характер. Фактор социальной мобильности в трансформации культурных практик рассматривался исключительно на уровне индивидуальных художественных предпочтений. В итоге не была учтена социокультурная гетерогенность, т. к. к высокому социальному статусу приходят разные люди, и «всеядность» высоко-статусных групп может являться функцией от *групповой* аккумуляции их музыкальных вкусов. Проверке обоснованности этого предположения посвящен анализ образцов музыкального вкуса, выполненный голландским социологом К. Ван Эйком на основании материалов обследования участия граждан Нидерландов в культурной жизни (1987)¹³. Он приходит к выводу, что высоко-статусные группы предпочитают больше жанров по количеству (хотя различия являются не-существенными, если рассматривать только *часто* слушаемые музыкальные жанры), но их выбор не случаен. Музыкальные предпочтения группируются по четырем образцам культурного потребления: высокое искусство (art), популярная музыка (pop), народная музыка (folk) и смешанный тип, объединяющий искусство с популярной музыкой (art + pop). Для высоко-статусных групп характерны только первый и последний образцы культурного потребления, т. е. модель поведения «сноба» и характерное «omnivore»-поведение. На основании полученных результатов К. ван Эйк приходит к заключению, что не все высоко-статусные группы, а только т.н. новый средний класс (молодые люди с высоким уровнем образования, разделяющие пост-материалистические ценности) характеризуется множественными музыкальными вкусами. Сходным образом английский музыковед Н. Лебрехт характеризует «по-

¹² DiMaggio P. Classification in Art // American Sociological Review. 1987. Vol. 52, № 4. P. 440–455.

¹³ Eijck K. Social Differentiation in Musical Taste Patterns // Social Forces. 2001. Vol. 79, № 3. P. 1163–1185.

стмодернистский» стиль жизни современных молодых людей, для которых ценностью является культурный плюрализм музыкальных стилей/жанров в единстве с быстрой сменой культурных образов¹⁴.

Высказанные критические замечания не поколебали основ постмодернистской интерпретация модели «omnivore/univore». Ее главной претензией была замена принципа социальной эксклюзии принципом инклюзии, более подходящим для анализа глобализированного мира, где особое значение для вертикальной социальной мобильности приобретает демонстрация уважительного отношения к формам культурного выражения других людей. В то же время предпринимались попытки реабилитации модели культурной легитимации П. Бурдьё. Они принимали вид как простого оправдания, так и теоретической ревизии. Примером оправдательной стратегии может служить утверждение М. Ламон о том, что снобистская модель поведения более характерна для французского общества, а социальная структура США лучше описывается с помощью понятия «omnivore»¹⁵. Следует отметить, что сам П. Бурдьё обнаруживал это «узкое место» своей теории, что выразилось, в частности, в его интересе к фотографии как к «среднему» (middlebrow) искусству¹⁶. В данном случае бОльшим весом обладает теоретическая реабилитация модели культурной легитимации, в сущности возвращающая способ анализа, присущий социологии П. Бурдьё.

3. Критика П. Бурдьё и новая версия модели культурной легитимации

Новая версия модели культурной легитимации основана на реинтерпретации положений, представленных в рамках критики социологической теории П. Бурдьё. Следовательно, она становится критикой второго порядка. Одной из основных работ, использующих данную логику рассуждения, является анализ результатов массового опроса 1997 года о культурных практиках французов, выполненный со-

¹⁴ Лебрехт Н. Кто боится классической музыки? // Русский Журнал. 19.04.2005. Режим доступа: <http://old.russ.ru/perevod/20050419-pr.html> (дата обращения: 03.10.2011).

¹⁵ Eijck K. Social Differentiation in Musical Taste Patterns // Social Forces. 2001. Vol. 79, № 3. P. 1163–1185.

¹⁶ Волков В. В. Хархордин О. В. Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008.

циологом Ф. Куланжоном. Прежде всего, пересмотру подвергается «демократическое вторжение» (И. Мишо) в мир искусства модели «omnivore/univore», снижающее роль социально-экономической детерминации художественного вкуса. Увеличение объемов вертикальной социальной мобильности еще не может само по себе свидетельствовать об уменьшении значимости символического дистанцирования социальных групп друг от друга и демократизации общества. Если поставить под сомнение постмодернистскую интерпретацию модели «omnivore/univore», трансформации практик культурного потребления можно дать противоположное объяснение. Р. Петерсон связывает тенденцию к эклектичности вкусов с развитием культурных индустрий. Однако именно развитие последних можно рассматривать и как фактор закрепления новых форм символического исключения.

Новая стратегия утверждения символического господства у высоко-статусных групп – заимствование форм выражения у людей с низким статусом. С ее помощью доминирующие группы демонстрируют свою способность к культурной легитимации – способность элит наделять правами или реабилитировать популярное искусство. Это усиливается тем, что высокая культура, традиционно являющаяся дистанцирующим инструментом для людей с высоким социальным статусом, благодаря копированию и массмедиа, вызванным развитием культурных индустрий, импортируется в низшие слои общества. Следовательно, размывание границ между высокими и популярными формами искусства становится стимулом для высоко-статусных групп быть эклектичными. Таким образом, произошедшие изменения могут рассматриваться не в качестве «демократического вторжения», а как появление новых форм культурной легитимации. Символические границы усложняются, но не становятся слабее: «... хотя гипотеза Петерсона подтверждается для французских данных, она, строго говоря, не составляет альтернативу модели культурной легитимации и различения, а только добавляет к ним дополнительное измерение»¹⁷.

Более того, вывод К. Ван Эйка о принадлежности доминирующих групп исключительно к определенным образцам культурного потребления также может трактоваться как новый способ дистанцирования. Низко-статусные группы ориентируются на популярную музыку,

¹⁷ Coulangeon Ph. Social Stratification of Musical Tastes: Questioning the Cultural Legitimacy Model // *Revue française de sociologie. Supplement: An Annual English Selection*. 2005. Vol. 46. P. 123–154.

а высоко-статусные демонстрируют «просвещенный эклектизм», заключающийся в выражении предпочтений в отношении академической музыки и еще одного музыкального жанра, например джаза. Развернув угол зрения на трансформацию практик культурного потребления на сто восемьдесят градусов, можно реабилитировать модель культурной легитимации П. Бурдьё, заключив, что в целом она верна, но ее нужно перенести на новый уровень. Транспонирование теории П. Бурдьё производится с помощью ее «примирения» с другими социологическими теориями, которые до этого рассматривались как несовместимые. Ф. Куланжон утверждает, что выражение музыкальных вкусов нельзя редуцировать ни к коммуникативному / маркирующему ресурсу, ни к схеме производства практик. Взамен он предлагает обратиться к неравномерному распределению общих компетенций («схоластический капитал») и специфически фокусированных компетенций. Тем самым модель культурной легитимации П. Бурдьё дополняется тезисом А. Щюца о социальном распределении знания¹⁸. Результаты компаративного социологического исследования музыкальных вкусов, проводившегося в восьми европейских странах с целью проверки модели «omnivore/univore», также свидетельствуют о том, что потребление музыки и, в обобщенном виде, культурные привычки и стили жизни, в большей степени являются признаком объема культурного капитала, чем маркером социального статуса или символического доминирования¹⁹. Результаты панельного исследования досуговых практик в Великобритании, проводившегося в 1984–1985 гг. и в 1992 г., подтверждают наличие эклектичности не только в музыкальных вкусах, но и в культурных практиках в целом. Однако они не фиксируют увеличения количества людей с разнообразными художественными предпочтениями с течением времени (что может быть объяснено, если трактовать вкусовую эклектизм как групповую характеристику). Теоретическим выводом данного исследования является положение о том, что каждый тип капитала (экономический,

¹⁸ Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

¹⁹ Coulangeon Ph., Roharik I. Testing The «Omnivore/Univore» Hypothesis in a Cross-national Perspective. On The Social Meaning of Eclecticism in Musical Tastes in Eight European Countries. Paper presented at the Summer meeting of the ISA RC28, UCLA, 19.08.2005. Режим доступа: <http://www.ccpr.ucla.edu/publications/conference-proceedings/CP-05-032.pdf> (дата обращения: 17.03.2012).

культурный, символический) оказывает независимое влияние на культурные практики²⁰. Это позволяет «примирить» модель культурной легитимации П. Бурдые с моделью «omnivore/univore» Р. Петерсона.

Таким образом, новая версия модели культурной легитимации является эклектичной. Наличие разнообразных музыкальных вкусов у высокостатусных групп рассматривается как инструмент символического дистанцирования. В противоположность, традиционная модель предполагает исключаящую склонность элит к высоким формам культуры. Представим различия между тремя рассмотренными моделями описания практик культурного потребления в виде таблицы (см. таблицу 2). Нетрудно заметить, что модель П. Бурдые и модель Р. Петерсона резко противопоставлены друг другу. Эклектичная модель культурной легитимации имеет больше общего с моделью «omnivore/univore», хотя она представляет собой развитие традиционной модели культурной легитимации. Что касается изменений в практиках культурного потребления, для их объяснения новая модель культурной легитимации и модель Р. Петерсона используют одинаковый набор факторов, различие существует только в их *интерпретации*.

Примечательно, что в процессе развития теоретической дискуссии происходит переход от замены одной модели другой к смене *типа* модели (от традиционной к эклектичной). Этот переход возник из-за того, что изначально трансформация практик культурного потребления осмыслялась в качестве резкого сдвига, который невозможно было объяснить в рамках существующей модели. Однако по мере развития альтернативной гипотезы «omnivore/univore» стало очевидным, что абсолютизация наблюдаемого контраста между старыми и новыми социальными практиками тоже несостоятельна. К началу XX века обе модели плохо работали по отдельности, зато могли дополнить друг друга, если использовались одновременно. Вследствие этого в концепции производства культуры возникла интегративная тенденция, направленная на преодоление ограничений, накладываемых предлагаемыми способами социологического анализа практик потребления в сфере искусства. Иными словами, по мере развития концепции производства культуры происходит интеграция альтернативных типов объяснения. Истоки этой интегративной тенденции следует искать в са-

²⁰ Warde A., Tomlinson M., McMeekin A. Expanding Tastes?: Cultural Omnivorousness & Social Change in the UK. CRIC Discussion Paper № 37. The University of Manchester & UMIST, 2000. Режим доступа: <http://www.cric.ac.uk/cric/Pdfs/dp37.pdf> (дата обращения: 12.03.2012).

мом типе объяснений, которые используются в рамках концепции производства культуры.

Таблица 2.

**Музыка как фактор социальной стратификации.
Различия между объяснительными моделями**

Модель / Параметр	Стратифицирующий признак	Отношение высоко-статусных групп к музыкальным предпочтениям остальных	Иерархия культурных форм	Факторы, объясняющие изменения в практиках культурного потребления	Интерпретация изменений
Традиционная модель культурной легитимации (П. Бурдье)	Предпочтение разных форм культуры (highbrow /lowbrow)	Эксклюзия	Да	—	—
Модель «omnivore /univore» (Р. Петерсон)	Количество предпочитаемых музыкальных жанров	Инклюзия	Нет	Социальная мобильность Развитие культурных индустрий Социокультурная гетерогенность	«Демократическое вторжение»
Эклектичная модель культурной легитимации	Количество и тип предпочитаемых музыкальных жанров	Апроприация	Да	Социальная мобильность Развитие культурных индустрий Социокультурная гетерогенность	Новая форма культурной легитимации

4. Редукционистская перспектива социологического исследования в концепции производства культуры

Представив сферу искусства как автономный социальный мир, концепция производства культуры сконцентрировалась на поиске социальных детерминант процессов, происходящих в этом мире. Таким образом, в концепциях социологии культуры, в которых культура рассматривается как производство, используются закрытые объяснительные модели. «Поиск скрытых социальных сил, стоящих за исследуемым предметом и определяющих его подлинную (т. е. социальную) сущность», по замечанию В. Вахштайна, характерны для социологии в целом и являются ее «визитной карточкой» [2, с. 112]. Закрытые объяснения в социологии культуры и искусства базируются на фундаментальном принципе, утверждающем зависимость содержания и формы искусства от создающих его социальных процессов («социологизм»). Социологизм в исследованиях искусства приводит к экстернализации самого искусства, потому что оно объясняется через «внешние» (социальные) по отношению к нему факторы. Использование закрытых объяснительных моделей в изучении культуры ограничивает ту область, в рамках которой искусство может быть рассмотрено с социологической точки зрения.

Использование принципа социологизма в исследовании культуры привело к возникновению концепции производства культуры, которая противопоставила себя «зеркальным» концепциям, доминирующим в социологическом сообществе до 70-х гг. XX века и предполагающим, что культура и социальная структура отражают друг друга. Во-первых, произошло отмежевание от марксистского понимания культуры, согласно которому культура является выражением интересов доминирующих классов, т.к. такое понимание закрепляло подчиненный, а не автономный статус культуры. Во-вторых, было отвергнуто функционалистское понимание культуры, потому что, если принять положение, что абстрактные ценности из культурной системы влияют на облик социальной системы, как у Т. Парсонса, неизбежно размыкание каузальных рядов и объяснение социальных явлений с помощью внешнего по отношению к социальному причиняющего принципа.

Последняя перспектива со времен Э. Дюркгейма в социологии квалифицируется как редукционистская. Ее сущность заключается в

том, что социологическое объяснение осуществляется при помощи привлечения внешних по отношению к социологии областей анализа. Примером такой перспективы может служить веберовский редукционизм, объясняющий социальные и культурные феномены посредством категории «рациональности», внешнего регулирующего механизма. Однако когда речь идет о применении принципа социологизма, возможно и другое понимание редукционистской перспективы. Требование объяснения социального социальным приводит к нивелированию различия между миром идей и миром их социального бытования, и в этом смысле можно говорить о социологическом редукционизме, основанном на закрытых объяснительных моделях.

Исходя из такого понимания, концепция производства культуры может быть охарактеризована как редукционистская (далее под «редукционизмом» мы будем иметь в виду именно социологический редукционизм). По этой причине во всех исследовательских программах, трактующих культуру таким образом, содержится установка на объяснение социального социальным, несмотря на различия между ними. Работы П. Бурдье и Г. Беккера, социологов, которые внесли большой вклад в социологию искусства, часто противопоставляются друг другу, хотя они совпадают по способу рассмотрения культуры, закрепленному Р. Петерсоном в термине «производство». Р. Петерсон выделяет элементы, которые необходимо исследовать социологам искусства: технология, право и законодательное регулирование, структура индустрии и организационная структура, система профессий и рынок (так называемая шестигранная модель производственной цепи)²¹. При таком рассмотрении искусство лишается своей эстетической сущности, а его произведения анализируются как специфический товар, продукт культурной индустрии, т.е. объяснение происходит за счет внешних по отношению к самому искусству факторов.

П. Бурдье ставит перед социологией цель указания на *внешние* условия, выполнение которых необходимо для установления социальных отношений производства, обращения и потребления. Именно эти отношения конституируют искусство как автономную область. Конструктивистский структурализм П. Бурдье акцентирует внимание на социальном генезисе и функционировании объективных структур, определяющих практики индивидов, в противоположность интеракцио-

²¹ Peterson R. A., Anand N. The Production of Culture Perspective // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. P. 311–334.

нистскому подходу Г. Беккера, согласно которому искусство является результирующей характеристикой коллективных координированных действий большого числа участников. Как бы то ни было, в теории Г. Беккера объектом анализа является процесс создания произведений искусства, т.е. взаимодействие, а сами эстетические объекты исключаются из «мира» искусства, существуют в нем только как предмет коммуникации²². Следовательно, во всех трех рассмотренных исследовательских программах искусство рассматривается как сугубо социальный феномен, а процессы, протекающие в этой сфере, объясняются с помощью социальных факторов.

Подобный способ рассуждения накладывает ограничения на возможности концепции производства культуры в анализе сферы искусства. В частности, Р. Петерсон отмечает, что социальные условия производства культуры – не единственный фактор, определяющий ее форму. Нужно учитывать еще такие факторы, как индивидуальная креативность, другие социальные условия, внутренние вариации во вкусе и т.п. По словам Дж. Александера социология культуры использует ограниченный код (*restricted code*) в своих теоретических рассуждениях. Несмотря на декларативное принятие ограничений концепции производства культуры, ее развитие осуществляется по пути экспансии социологизма во все более чуждые ей области анализа. Теория вкуса П. Бурдьё ослабляет значение внутренних вкусовых вариаций в практиках потребления культуры и искусства. Г. Беккер и С. Гилмор провозглашают социальную природу креативности²³. П. Димаджио представляет жанр в искусстве как социальный конструкт, объясняя количество, иерархию, степень узнаваемости, границы жанров с помощью различий в измерениях систем художественных классификаций, которые имеют социальный генезис²⁴.

Дальнейшее развитие концепции производства культуры идет по пути критики социологического редукционизма в исследованиях искусства. К. ван Эйк в своем пересмотре первоначальной версии мо-

²² Фархатдинов Н. Г. Социология искусства без искусства. Индустриальная метафора в социологических исследованиях искусства // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 3. С. 55–69.

²³ Фархатдинов Н. Г. Социология искусства без искусства. Индустриальная метафора в социологических исследованиях искусства // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 3. С. 55–69.

²⁴ DiMaggio P. Classification in Art // American Sociological Review. 1987. Vol. 52, № 4. P. 440–455.

дели «omnivore/univore» указывает на групповой характер множественных музыкальных вкусов, т. е. на то, что высоко-статусные группы неоднородны, и их вкусы разнообразны. Групповая природа трансформации практик культурного потребления означает, что социальный статус и художественный вкус не так жестко связаны, как на то указывает Р. Петерсон. Новая версия модели культурной легитимации также утверждает, что связь индивидуальных музыкальных предпочтений и социальных характеристик не так сильна, как предполагает теория габитуса. Сходным образом при помощи ослабления значения социальных факторов другие рассмотренные нами социологические исследования анализируют место художественных предпочтений в социальной стратификации. Иными словами, происходит возврат к осознанию тех ограничений исследовательских возможностей концепции производства культуры, о которых предупреждал Р. Петерсон. Следовательно, теоретическая оптика концепции производства культуры приспособлена для рассмотрения только определенного типа явлений. Попытки выхода за рамки этих исследовательских ограничений могут привести к развитию социологического экспансионизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993, №1/2. 1994, №5. Режим доступа: <http://bourdieu.name/content/burde-rynok-simvolicheskoy-produkcii> (дата обращения: 30.03.2012).
2. Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2011.
3. Волков В. В. Хархордин О. В. Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2008.
4. Давыдов Ю. Н. Искусство как социологический феномен к характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля. – М.: Наука, 1968.
5. Лебрехт Н. Кто боится классической музыки? // Русский Журнал. 19.04.2005. Режим доступа: <http://old.russ.ru/perevod/20050419-pr.html> (дата обращения: 03.10.2011).
6. Магидович М. Л. Поле искусства как предмет исследования // Новое литературное обозрение. 2003. №60. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/magid-pr.html> (дата обращения: 01.03.2012).

7. Матюшова М. П. К проблеме определения предмета социологии искусства // Вестник РУДН, серия Социология, 2002, №1. С. 162–168.
8. Олейник М. А. Музыка как фактор социокультурной стратификации в современном обществе // Известия ВГПУ. 2007. № 3. С. 95–98.
9. Перов Ю. В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
10. Попов Е. А. Социология искусства: проблема становления // Соисс, 2007, № 9. С. 118–124.
11. Фархатдинов Н. Г. Социология искусства без искусства. Индустриальная метафора в социологических исследованиях искусства // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 3. С. 55–69.
12. Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
13. Abramson P. R., Inglehart R. Generational Replacement and Value Change in Eight West European Countries // British Journal of Politics. 1993. №22. P. 183–228.
14. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984.
15. Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D. The Love of Art. European Art Museums and their Public. – Oxford: Polity Press, 1991.
16. Coulangeon Ph. Social Stratification of Musical Tastes: Questioning the Cultural Legitimacy Model // Revue française de sociologie. Supplement: An Annual English Selection. 2005. Vol. 46. P. 123–154.
17. Coulangeon Ph., Roharik I. Testing The «Omnivore/Univore» Hypothesis in a Cross-national Perspective. On The Social Meaning of Eclecticism in Musical Tastes in Eight European Countries. Paper presented at the Summer meeting of the ISA RC28, UCLA, 19.08.2005. Режим доступа: <http://www.ccpr.ucla.edu/publications/conference-proceedings/CP-05-032.pdf> (дата обращения: 17.03.2012).
18. DiMaggio P. Classification in Art // American Sociological Review. 1987. Vol. 52, № 4. P. 440–455.
19. Eijck K. Social Differentiation in Musical Taste Patterns // Social Forces. 2001. Vol. 79, № 3. P. 1163–1185.
20. Gilmore S. Schools of Activity and Innovation // The Sociological Quarterly. 1988. Vol. 29, № 2. P. 203–219.

21. Lang G. E. Art and Society // Encyclopedia of sociology / ed. by Edgar F. Borgatta and Rhonda Montgomery. 2nd ed, 2000. Vol. 1. P. 171–174.

22. Peterson R. A., Anand N. The Production of Culture Perspective // Annual Review of Sociology. 2004. Vol. 30. P. 311–334.

23. Peterson R. A., Kern R. M. Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore // American Sociological Review. 1996. Vol. 61, № 5. P. 900–907.

24. Peterson R. A., Simkus A. How Musical Tastes Mark Occupational Status Groups // Cultivating Differences: Symbolic Boundaries and the Making of Inequality / ed. by Michele Lamont and Marcel Fournier. – Chicago: The University of Chicago Press, 1992. P. 152–186.

25. Warde A., Tomlinson M., McMeekin A. Expanding Tastes?: Cultural Omnivorousness & Social Change in the UK. CRIC Discussion Paper № 37. The University of Manchester & UMIST, 2000. Режим доступа: <http://www.cric.ac.uk/cric/Pdfs/dp37.pdf> (дата обращения: 12.03.2012).

ПРИМЕНЕНИЕ КАРТ КАРНО ДЛЯ АНАЛИЗА ДАННЫХ

Мы помним из истории социологии, что первые социологи пользовались сравнительно-историческим методом. Они сравнивали две исторических ситуации, имевших одинаковые следствия и искали объяснение в том общем наборе признаков, что эти ситуации содержали. Или объясняли различие исходов различием в условиях. Такую логику объяснения Дж. С. Миль назвал «непрямым методом различий». Например, если совокупность условий содержит только одну общую черту, то только она может быть причиной общего для всех совокупностей следствия. А различиями можно пренебречь.

Сравнительный метод основан на применении формальной логики для обоснования научного вывода. В нем «да» – означает всегда «да», а «нет» - всегда «нет». Все остальное – отступление от метода. При сравнении не используются вероятности. Мы обычно рассматриваем людей, которые говорят: «в газете написано, что население поддерживает политику правительства, а это ложь, я, например, не поддерживаю» или «это не так, потому что меня никто не спрашивал» как социологически наивных. Сегодня социологи привыкли рассуждать в вероятностных терминах. Нас не особенно волнуют отдельные случаи, не укладывающиеся в хорошо подтверждаемую схему. Вот слова из учебника по методологии:

В качестве научной проблемы могут рассматриваться только генерализации. Суждения о единичных событиях не более чем материал, из которого складываются обобщающие умозаключения. Например, в качестве одного из результатов исследования демократических движений в России фигурирует высказывание Марианны С.: 'Демократическое движение у нас основано на нравственной позиции, но никак не на программе'. Здесь содержится исключительно интересная гипотеза, однако позиция Марианны С., равно как и любые единичные факты, не может быть превращена в проблему. И сама Марианна не представляет никакого интереса, по крайней мере, для специа-

листа по массовым движениям. Он мыслит в масштабах сотен и тысяч 'Марианн', организованных в статистические таблицы¹.

В сравнительном методе всякое событие, всякий единичный факт является значимым и не может быть отброшен. Эта особенность метода придает ему маргинальный характер в социологии. Уж не вызов ли это обычному стилю работы социолога? Если со сравнительным методом всё в порядке, то репрезентативность, основанная на статистических событиях вещь сомнительная. Такая позиция известна, например, в психологии:

Мы, социальные психологи, рискуем унаследовать от социологии ложный идеал super-ego, предписывающий искать решение проблемы в нахождении репрезентативной выборки из некоей генеральной совокупности, взятой в соответствии с теоретическими соображениями, может быть из всего человечества... Это конечно идеал, не достигнутый на практике. Но он настолько несовместим с нашими представлениями о науке, что от него следует отказаться даже в нашей философии науки. Одно соображение по поводу временного параметра поможет показать крайнюю несостоятельность этого идеала. В физических науках была доказана разумность презумпции, согласно которой не происходит взаимодействие со временем (не считая суточных, лунных, сезонных и прочих циклов). Что же касается социальных наук, то рассмотрение потенциально релевантных характеристик популяций показывает, что изменение во времени (например, при сравнительном изучении студентов колледжа на протяжении 30 лет) ведут к различиям столь же значительным, что и синхронные различия между классами и субкультурами. Для репрезентативности выборки из генеральной совокупности, на которую мы намерены распространить полученные данные, необходимо было бы провести репрезентативный отбор во времени, а это, очевидно, вещь невозможная².

¹ Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. – М.: Аспект-пресс, 1995.

² Кэмпбелл Д. Научный вывод, артефакты и контроль. В книге: Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996.

Чтобы примирить сравнительный и вероятностный подход социологи пытаются дать ему специальное, социологическое определение. Первый способ характеризуется определением сравнительного метода через объект. Сама операция сравнения, давшая название методу явно не годится для определения содержания метода. В науке всегда, в любом методе присутствует сравнение. Посему, **сравнительный метод – это метод, при котором сравниваются большие социальные объекты.** Например, общества в целом. Это определение достаточно точно описывает фактические обстоятельства применения сравнительного метода в социологии. Недостаток такого понимания состоит в том, что методологи – специалисты в методах, а не в объектах их приложения, - мало заинтересованы в рассмотрении объектов. А последнее слово в вопросе о том, что такое тот или иной метод остается за методологами.

Чтобы избавиться от объекта, нужно к нему присмотреться. Почему именно большой социальный объект? У такого объекта два свойства. Во-первых, таких объектов не может быть слишком много и во-вторых, его можно разбирать, он сложный, он как бы состоит из множества объектов более низкого (простого) уровня. Из первого свойства появляется определение сравнительного метода, как метода для сравнения малого числа сложных объектов. Известно, что теория измерений сталкивается с серьезными проблемами, если число степеней свободы превышает число случаев. Статистические подходы, основанные на законе больших чисел, становятся неприменимы. Отсюда происходит определение сравнительного метода как **метода, который применяется в промежутке, когда сравнение уже возможно, а статистический контроль еще нет.** Такой точки зрения придерживался Э. Гидденс. Это определение тоже не слишком хорошо выглядит. В нем заведомо признается отсутствие внешней валидности. Действительно, мы можем перебрать все объекты (их мало) и представить полное описание, например, в виде формулы, но мы не можем считать, что новые объекты того же сорта будут этой формуле подчиняться.

Если мы обратим внимание на то, что большие объекты интегрируют множество частных объектов, взаимодействий, событий и т.п., то придем к несколько другому пониманию. Почему химик, опуская кусок железа в кислоту, нисколько не заботится, чтобы этот кусок был выбран по специальным правилам репрезентативного отбора, какими мы отбираем, например, респондентов для опроса? Почему он думает, что все железо во вселенной будет вести себя в кислоте также? Да потому, что кусок железа – сложный объект, который состоит из такого

огромного числа атомов, что их взаимодействие с раствором кислоты заведомо репрезентативно, даже в случае только одного куска. Точно также, когда историк, социолог или политолог сравнивает события в США, где нет аристократии (сложный социальный объект) и Великобритании, где аристократия есть, он фактически ведет речь о многих тысячах повседневных взаимодействий аристократов с неаристократами и аристократов между собой. Идея о том, что сравнительный метод основан на определенном взаимодействии разных уровней, представлена в литературе. Чарльз Рэджин определил **сравнительный метод, как использование макросоциологических переменных для объяснения явлений, относящихся к более «низкому» уровню** (Ragin, 1987, 6). Он предложил различать единицы объяснения и единицы наблюдения. Первые относятся к теоретическим категориям, а последние – к категориям данных. Также Пшеворски и Теун³ рассматривали **сравнительный метод как метод сравнения сразу на двух уровнях: уровня системы и внутрисистемном уровне**.

Меня в этих определениях не устраивают две вещи. Во-первых, методологи всегда насторожено относятся к «путешествию» в одном исследовании с уровня на уровень. Эти перемещения чреваты «экологическими ошибками» или «ошибками редукционизма». Такие процедуры требуют специального контроля. Между тем, реальные сравнительные исследования редко озабочены таким контролем. Во-вторых, реальные сравнительные объяснения иногда плохо укладываются в эти схемы. Сравнительный метод был одним из первых методов социологии, поскольку он был как достаточно прост, так и достаточно успешен. Скажем, Токвиль объяснял развитие гражданского общества в Америке отсутствием аристократии. В Европе же функции гражданского общества выполняет аристократия и, поэтому, гражданское общество развито слабо. Это достаточно типичное, на мой взгляд, компаративистское объяснение. И что здесь система и внутрисистемный уровень? Один сложный социальный объект объясняется другим сложным социальным объектом. И мне кажется, это объекты одного уровня.

Я полагаю, что рациональное зерно мы найдем в химическом примере с куском железа. Сам пример позаимствован у Кэмбелла, где он нужен для обоснования мысли, что в естественных науках никто не заботится о репрезентативности. Однако, мысль о том, что репрезен-

³ В книге Ragin, Charles. The Comparative Method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies приводится ссылка на книгу Przeworski, Teune, The Logic of Comparative Social Inquiry. – New York, 1970. Я последнюю не читал.

тативность для куска железа не важна не из-за методологических дефектов этого требования, а из-за того, что он состоит из большого числа атомов, которые и участвуют вполне репрезентативно в изучаемом взаимодействии, у Кэмпбелла не присутствует.

Сравнительный метод – это метод сравнения сложных объектов (процессов), поведение которых основывается на поведении множества объектов (процессов), составляющих сравниваемые сложные объекты. Такие сложные объекты не нуждаются в статистическом контроле, поскольку они не едины, они не обладают «свободой воли», они – просто сумма множества, более элементарных событий. К таким объектам, например, относится культура во множестве своих проявлений. Если наблюдаемый интегральный эффект состоит из большого количества элементарных ненаблюдаемых эффектов, то он не проявляет вероятностных свойств, он ведет себя однозначно, и может описываться в терминах детерминизма. Событие всегда происходит, без всяких исключений, если есть достаточный, уникальный набор причин – причинная комбинация. Именно такие объекты подчиняются классическому правилу социологического метода Дюркгейма: «Одно и то же следствие может находиться в зависимости только от одной причины, так как оно может выразить лишь одну сущность» (Дюркгейм 1995, 141). Отсюда следует сравнительный метод. Единственный способ сделать заключения о причинах – сравнить случаи их присутствия и отсутствия.

Сегодня мы уже привыкли рассматривать причины в социологии скорее как тенденции и вероятные возможности. Но чем сложнее объект, чем из большего числа элементов он состоит, тем лучше он описывается т.н. «динамическими» законами, законами однозначных причинно-следственных связей.

Для формального описания отношений между причинами и следствиями, подчиняющимися процитированному принципу Дюркгейма, используются т.н. «Булевы функции». Это функции, которые определены на множестве объектов, с которыми можно проводить операции логического сложения (ИЛИ, +) и логического умножения (И, ·). Я использую большие буквы, чтобы отличать термины от не строго употребляющихся слов в обыденной речи. Эти операции обладают такими свойствами:

$$0 \cdot 1 = 1 \cdot 0 = 0$$

$$1 \cdot 1 = 1$$

и

$$0 + 0 = 0$$

$$1 + 0 = 1$$

$$1 + 1 = 1$$

и идеально подходят для описания мира, где правда всегда одна.

Если истине приписать значение 1, а лжи – 0, то булевы выражения начинают описывать динамические (строгие, невероятностные) причинные связи. Первые два равенства соответствуют утверждению, что добавление в набор истинного высказывания не меняет истинность всего набора, а добавление лжи превращает все в ложь. А последние три показывают, что, чтобы следствие было истинным, требуется хотя бы одна истинная причина. В философии эти принципы хорошо известны. Кажется, они называются принципом фальсификации и принципом достаточного основания. Выражение $A + B = Z$ означает, что если A или B истинно, то и Z – истинно. А выражение $A \cdot B = Z$, означает, что для истинности Z должны быть истинны одновременно и A , и B .

Предположим, при исследовании женского движения было обнаружено, что:

A	B	C	F
1	1	1	0
1	1	0	1
1	0	1	0
1	0	0	0
0	1	1	1
0	0	1	0
0	1	0	1
0	0	0	0

Где: F – наличие сильного женского движения; A – высокая доля государства в социальных расходах; B – сильная демократическая традиция; C – протестантизм, как господствующее религиозное направление.

Вся эта матрица истинности может быть записана в виде $F = ABc + aBc + aBc$, где прописные буквы означают наличие фактора, а строчные – отсутствие. Соответственно: $f = ABC + AbC + Abc + abC + abc$.

Преимущество использования булевых функций для описания результатов сравнительного исследования заключается не только в компактности записи, но и возможности преобразований, которые упрощают представление. Так более компактно мы можем записать для нашего примера: $F = Bc + aBC = aB + ABc$. Т. е. для возникновения сильного женского движения в стране необходимо, чтобы сильная демократическая традиция сложилась в протестантской стране или же демократическая традиция в протестантской стране сопровождалась низкими социальными расходами государства. Или эквивалентная в логическом смысле формулировка: для существования сильного женского движения нужно либо сочетание сильной демократической традиции с низкой долей социальных государственных расходов или же сочетание высоких социальных расходов государства в протестантской стране с сильной демократической традицией.

Основой для упрощения булевых формул служат простые правила.

1) Закон поглощения. Если два члена формулы отличаются только одним условием, то это условие может быть отброшено. Так в нашем примере: $ABc + aBc = Bc$. Как в экспериментальном методе мы делаем заключение, что эффекта нет, если экспериментальная и контрольная группа отличаются только наличием воздействия.

2) Двойственность, законы де Моргана. Если $C = A + B$, то $c = a \cdot b$ и если $C = A \cdot B$, то $c = a + b$. То же самое, но словами: чтобы построить истинное высказывание для отрицания (взять дополнение), следует заменить наличие фактора его отсутствием, а логические операции И заменить на ИЛИ, и наоборот. В нашем примере, если мы захотим получить условие, при котором нет сильного женского движения, формула $F = Bc + aBC$ может быть переписана как $f = (b + C) \cdot (A + b + c)$ и после раскрытия скобок и поглощений получим: $f = b + CA$. Действительно, в нашей таблице истинности видно, что как только отсутствует фактор b , так и нет сильного женского движения. А когда присутствуют два других фактора, то движения не возникает независимо от фактора B .

Цели упрощения могут быть различными. Например, получение возможно более краткого выражения – минимизация сложений или умножений, взятие дополнений, – или четкое разделение компонентов. Анализ формул истинности сводится к трем шагам: формирование таблицы истинности, упрощения соответствующей ей формулы и интерпретация. На последнем шаге выделяются существенные предпосылки. Проблемы анализа булевых формул такие же, как и в хорошо знакомых по школе задачах на упрощение обычных алгебраиче-

ских выражений. Требуется наблюдательность, усидчивость, знание правил и воображение. В социологии часто из-за отсутствия каких-то причинных комбинаций – т. н. проблема «ограниченного разнообразия» – возникает ситуация, когда мы можем предложить разные формулы для описания одной и той же реальности. Существует эффективный способ анализа данных сравнительным методом, описание которого, однако, мне не удалось обнаружить в социологической литературе. Это – карты Карно (Корн и Корн, 1978).

Карта Карно – графическое изображение логического пространства, задаваемого n независимыми дихотомическими переменными, в виде упорядоченных квадратов. Каждому квадрату (ячейке) соответствует одна из 2^n возможных комбинаций переменных. Значения истинности для зависимой переменной вносятся в нужные квадраты. Если число независимых переменных не превышает 6, то карта Карно позволяет легко комбинировать сочетания переменных для получения требуемых выражений (рисунок 1).

(а)

	a (0)	A (1)
b (0)		
B (1)		

(б)

	a		A	
	00	01	11	10
c (0)				
C (1)				
	b	B		b

(в)

	00	01	11	10	
c 00					d
c 01					D
C 11					
C 10					d
	b	B		b	

(г)

		A		a		a		A				
		000	001	011	010	100	101	111	110			
c	00									d	D	
	01											
C	11									d		
	10											
		b		B		b		B		b		
		e				E						

Рис. 1. Карты Карно для двух (а), трех (б), четырех (в), пяти (г) булевых переменных.

Самое полезное свойство карт Карно – соседние ячейки отличаются значением всего одной переменной. Это делает геометрически наглядным применение закона поглощения. Так, в примере на рисунке 2 сразу ясно, что F может быть записана, как $Bc+aBC$ или как $Ba+ABc$, в зависимости от того, как мы объединим соседние ячейки. Обе записи логически эквивалентны. Этот результат не требует даже знания правил логического сложения или умножения.

		A		A	
		00	01	11	10
c (0)		0	1	1	0
C(1)		0	1	0	0
		b		b	

Рис. 2. Карта Карно для примера с женским движением.

Рассмотрим применение карт Карно на примере, который приводит Чарльз Рэджин для описания принципов обращения с отсутствующими данными. Он заимствует данные из сравнительного исследования Роккана происхождения раскола в рабочем движении в западноевропейских странах (Rokkan. 1970). Независимые переменные:

C – наличие национальной церкви;

R – допускается ли участие церкви в образовании и других национальных институтах;

L – наличие альянса государства с землевладельцами (отсутствие этого признака означает предпочтение интересов коммерции и промышленности);

E – раннее формирование государственности

Зависимая переменная: S – раскол в рабочем движении.

Таблица истинности выглядит следующим образом:

	C	R	L	E	S
Великобритания:	1	0	1	1	0
Дания	1	0	0	1	0
Швеция	1	0	0	1	0
Норвегия	1	0	0	0	1
Финляндия	1	0	0	0	1
Исландия	1	0	0	0	1
Германия	1	1	1	0	1
Нидерланды	1	1	0	1	0
Швейцария	1	1	0	1	0
Испания	0	0	1	1	1
Франция	0	0	0	1	1
Италия	0	0	0	0	1
Австрия	0	1	1	0	0
Ирландия	0	1	1	0	0
Бельгия	0	1	0	0	0
Люксембург	0	1	0	0	0

Шесть возможных комбинаций независимых переменных не встречаются. Результат анализа причин раскола будет зависеть от того, как мы будем рассматривать отсутствующие данные. Можно исходить из того, что если какой-то комбинации не существует, то нет смысла говорить и о расколе рабочего движения. Тогда следует в этих

случаях принять $F=0$. Можно исходить из требования наиболее простой формулы. Роккан предложил следующую формулу: $S=ce+cr$. В строгом варианте мы имеем $S=rle+crE+CRLe$. Их получение требует определенных выкладок на бумаге, воображения и предположений о том, какие бы значения приняла переменная S в случае нереализованных комбинаций.

Использование карты Карно делает процедуру предельно наглядной. На рисунке 3 серым цветом выделено решение Роккана. Можно предложить и альтернативные варианты, например, $S=re+RCe+ce$. Это решение отличается от решения Роккана предположением о значениях в двух ячейках в левом нижнем углу карты. Оно более сложное, т.к. содержит три ИЛИ вместо двух, но у нас нет оснований считать его неправильным. Т. о. карта Карно позволяет сформулировать наиболее перспективное направление для дальнейшего исследования. В данном случае, это вопрос о том, как взаимодействует фактор участия церкви в национальных институтах в рано сформировавшихся государствах при условии отсутствия национальной церкви. Разумеется, для его решения нам придется или выйти за пределы Западной Европы, или же перейти к более высокому типу переменных, от дихотомических к порядковым или интервальным. Таким образом, карта Карно является, на мой взгляд, полезным эвристическим инструментом. Кроме того, рисунок два делает очевидным, что вывод Роккана основан не только на наблюдаемых данных, но также и на дополнительных предположениях. Часто такие предположения остаются скрытыми. Геометрическое представление делает их очевидными как для самого исследователя, так и для пользователей.

R	r				
	11	10	00	01	
C 11	?	1	?	0	L
C 10	0	?	1	0	
c 00	?	0	1	1	L
c 01	?	0	?	1	
	E	e		E	

Рис. 3. Карта Карно для причин раскола рабочего движения в Западной Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батыгин Г. С. Лекции по методологии социологических исследований. – М.: Аспект-пресс, 1995.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995.
3. Корн Г. Корн Т. Справочник по математике для научных работников и инженеров: определения, теоремы, формулы. – М.: Наука, 1978.
4. Кэмпбелл Д. Научный вывод, артефакты и контроль. В книге: Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996.
5. Ragin Charles The Comparative Method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies. – Berkeley, Los Angeles, London, 1987.
6. Rokkan S. Citizen, Elections, Parties. –New York: McKay, 1970.

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ: ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ

Наиболее удивительным явлением, радикально преобразующим современное общество, является Интернет. В эпоху «текущей современности»¹ Интернет уже давно не является радикально новым средством коммуникации, а глубоко вовлечен в циклы повседневной жизни общества. Согласно А. В. Царевой, произошел процесс рутинизации Интернета, итогом которого стало появление Сети или виртуального коммуникативного пространства². По словам Мануэля Кастельса, Интернет — это особый «коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей, со многими другими, в любой момент времени и в глобальном масштабе»³. В результате рутинизации использования Интернета, мы в духе Ю. Хабермаса можем говорить о двух принципиально разных назначениях его использования, о двух видах практик, связанных с Интернет-коммуникацией (computer-mediated communication). Как известно, Хабермас выделял два типа социального действия: целерациональное действие и коммуникативное действие⁴. Данный тезис справедлив и по отношению к социальному взаимодействию в виртуальном пространстве: виртуальная коммуникация может быть или инструментом достижения внешних по отношению к самой коммуникации целей, или самоцелью. Различая цели виртуальной коммуникации, мы можем говорить о комму-

¹ См.: Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.

² Царева А. В. У истоков Интернета: принцип маргинальности как условие творчества / Ценностно-нравственные проблемы российского общества: самореализация, воспитание, средства массовой информации. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 2008. С. 20.

³ Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 15.

⁴ Иванов Д. В. Парадигмы в социологии: учебное пособие. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 44.

никационной среде Интернета (виртуальном пространстве) либо как о вспомогательной реальности («киберпротезе» общества), либо как о самостоятельной реальности. Интернет как вспомогательная реальность используется лишь для организации и координации социального действия, протекающего в физическом мире. Вторая практика замкнута на виртуальной реальности, где целью является сама Интернет-коммуникация.

И первый, и второй случай представляют собой различные аспекты одного явления — социальных изменений под влиянием Интернета и виртуальной коммуникации. Первый случай представляет собой частное влияние, когда Интернет как средство коммуникации в рамках особого исторического и культурного контекста, изменяет существующие социальные институты и практики: экономические, политические, образовательные и др. Примером подобного изменения может служить новое требование для всех депутатов Государственной Думы от партии «Единая Россия» вести свой Twitter. Кроме того, оказалось, что виртуальные социальные сети (Facebook, Twitter и др.) могут предоставить широкие возможности для мобилизации коллективного социального действия и организации любых массовых мероприятий: от мирных флеш-мобов до протестных политических акций. Отмечается, что немаловажную роль в революционных восстаниях и массовых протестах, прошедших в ряде арабских стран (Египет, Тунис, Йемен, Иордания, Алжир, Сирия и др.), сыграли как раз виртуальные социальные сети⁵. Кроме того, ведутся исследования на предмет формирования в Интернете институтов публичной сферы и дискуссионных арен⁶, которые, как завещал Ю. Хабермас, могут стать альтернативой традиционным электоральным процедурам, обеспечивающим реализацию демократических ценностей.

Второй случай интересен не с точки зрения социальных изменений в отдельных практиках и институтах общества, а с точки зрения возникновения новых элементов в структуре общества. Имеется в виду появление принципиально нового вида практики в ряду уже существующих и составляющих общество, такой коммуникации, которая создает свои собственные и новые для общества смыслы. Интернет

⁵ См.: Видясова М. Ф. Куда идет тунисская «революция»? // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2011, №10 (261). С. 79.

⁶ См.: Paul DiMaggio, Eszter Hargittai, W. Russell Neuman, John P. Robinson. Social Implications of the Internet // Annual Review of Sociology, Vol. 27 (2001). P. 320.

порождает новое измерение социальной реальности — виртуальную социальность, и именно в рамках этой новой социальности появляются новые смыслы коммуникации. Однако это не тезис, а всего лишь гипотеза, которая нуждается в проверке. Таким образом, в рамках изучения социальных изменений современного общества в фокус исследовательского внимания мы помещаем Интернет-коммуникацию. Мы ожидаем обнаружить любопытные тенденции в развитии Интернет-коммуникации, которые затем попытаемся объяснить с помощью социологической теории и дать теоретическую интерпретацию происходящих изменений.

Для анализа социальных изменений современного общества на примере Интернет-коммуникации наиболее адекватно использовать теорию общества, предложенную Никласом Луманом, ибо общество в его теории — система коммуникаций. Объектом потенциального исследования является множество актов коммуникации (сообщений) в виртуальном пространстве Интернета, на различных сайтах, блогах и в виртуальных социальных сетях. Предметом исследования является модель социальной коммуникации, предложенная Н. Луманом, и связанная с ее функционированием структурная дифференциация общественной системы.

Необходимо отметить, что мотивом подобного исследования является не только установка на изучение социальных изменений под влиянием Интернета, но и стремление верифицировать теорию общества Н. Лумана, насколько это возможно. Последняя представляет собой очень сложную и тяжеловесную теорию, и при попытке использовать ее в эмпирических исследованиях возникает чудовищная масса проблем, в чем автор убедился на собственном опыте. Вопреки заявлениям самого Н. Лумана⁷, мы верим, что использование его теории (или некоторых элементов теории) для анализа отдельных явлений и проведения эмпирических исследований возможно. Для верификации теории общества Н. Лумана, исходя из требований самой процедуры, необходимо выбрать такие суждения его теории, которые можно проверить на основе наблюдаемых фактов. Мы считаем, что наиболее подходящей идеей для верификации является концепция системной дифференциации общества, т. к. на ее основе можно составить про-

⁷ Луман Н. Общество Общества. Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. — М.: Логос. 2011. С.37–44.

гноз, и, следовательно, проверить насколько он реализуется. Если теория дает верные прогнозы, она верна.

Согласно Луману, увеличение комплексности общества в процессе его функционирования предполагает дифференциацию общества на автономные подсистемы. Это означает, что со временем и с появлением новых элементов-коммуникаций, рано или поздно должны появляться и новые функциональные подсистемы. Причем структурной от-дифференциации подсистем способствует непрерывная эволюция коммуникации. Поэтому, для каждой новой подсистемы представляется возможным проследить тенденцию ее развития. Луман выдвигает ряд требований-признаков, которые предъявляются каждой автономной подсистеме общества. Если некая область коммуникаций удовлетворяет этим требованиям, то ее можно признать самостоятельной подсистемой. Нам представляется, что системная дифференциация происходит постепенно, поэтому некая область коммуникаций может показывать определенную тенденцию к автономизации, удовлетворяя не всем, а лишь отдельным требованиям.

Если экстраполировать данный тезис на область Интернет-коммуникаций, то ожидается, что рано или поздно Интернет превратится в самостоятельную систему коммуникаций, со своими смыслами и своей общественной функцией. Подтверждение данного прогноза вполне могло бы стать аргументом в пользу социологической теории Лумана. Однако примерять к Интернету статус полноценной подсистемы общества пока чересчур амбициозно и даже наивно.

Итак, для изучения и анализа Интернет-коммуникации мы используем концепцию социальной коммуникации Лумана. Согласно этой концепции, коммуникация есть передача селективной информации, в результате которой реципиент оказывается способным или не способным различить саму информацию (смысл) от сообщения (акта передачи). Данная статья не предполагает всестороннего и полного анализа Интернет-коммуникации (ее функции, программы, «производительности» и др.), поэтому мы ограничимся лишь демонстрацией её эволюции, а точнее - эволюции ее коммуникативных средств, результатом которой стало появление символически генерализованных средств (медиумов) для передачи смысла в Интернет-коммуникации.

Согласно Луману, коммуникация — это селективное движение специфической (касающегося какого-либо определенного круга проблем/опыта) информации от одного узла к другому, каждый раз требующее преодоления комплексности и невероятности своего осуще-

ствления. Когда речь идет об использовании Интернета ради самой коммуникации, то наибольший риск ее отклонения связан с непониманием смысла сообщений: почему вдруг селекции отправителя должны стать мотивацией реципиента для продолжения коммуникации?⁸. Представим себе следующую коммуникацию: Интернет-пользователь решает сообщить о своем переживании какого-то события и создает пост в своем блоге. По сути, у этого пользователя есть бесконечное множество вариантов построения своей коммуникации, создания своего поста, начиная от выбора между употребляемыми словами и стилями речи, до наполнения поста ссылками, фотографиями, звуковым сопровождением и т.д. От того, как он сконструирует свое сообщение (и какую информацию он решит в нем сообщить), напрямую зависит вероятность успеха его коммуникации. Поэтому, в условиях отсутствия символически генерализованных средств, коммуникативный успех зависит от информации/содержания сообщения и носит случайный характер.

Развитие виртуальной коммуникации (с момента массовой компьютеризации и распространения Интернета) привело к тому, что сегодня появились универсальные медиумы, снижающий риск неуспеха до минимума. Артефакты, впоследствии оказывавшиеся этими медиумами, появились на просторах Интернета несколько лет назад (2008–2009 гг.) в качестве одной из множества возможных форм конструирования сообщения и передачи смысла. Но функционировать как символически генерализованные средства они начали совсем недавно, не более года назад, когда Интернет распознал в них мощный потенциал унификации и стандартизации информации, способный охватить широкий тематический

Рис. 1. Пример нового медиума:
«Демотиватор».

⁸ Напомним, что успех является ключевой характеристикой коммуникации. Под успехом коммуникации понимается случай реализации ее информации в дальнейшей коммуникации, другими словами, успешная коммуникация та, на которую последовал ответ. Каждая коммуникация стремится к своему успеху.

спектр. Использование этих форм показало поразительную динамику – лавинообразное распространение и обретение популярности в Интернете, на различных форумах, в социальных сетях и коллективных блогах.

Речь идет о так называемых «демотиваторах», «Rage Comics» (комиксы), «типичных», «открытках». Эти шаблонные коммуникационные формы (рис. 1, 2) отличаются тем, что комбинируют в строгую схему восприятия визуальную и текстовую информацию. Эти формы «по умолчанию» конфигурируют составные части сообщения в определенную композицию, задающую логические и смысловые отношения между этими частями (высказываниями /изображениями). Коммуникация, где информация сообщается посредством этих форм, может протекать молниеносно. Время для восприятия даже сложного смысла, заложенного в эти сообщения, сводится к минимуму. Коммуникация, использующая этот медиум, обладает большей вероятностью своего успеха, нежели чем просто текст или другие формы передачи информации. Успех обеспечивается также и тем, что Интернет-аудитория уже имеет опыт обращения с подобными коммуникациями (= традиция), что исключает разночтения и сбои при интерпретации смысла этих сообщений. Коммуникативный успех, помимо прочего, заключается не только в ответных коммуникациях, закрепляющих принятие/ понимание информации, но даже скорее в том, что пользователи-реципиенты перенимают сами символические формы и используют их в своих ответных и самостоятельных коммуникациях, а также в новых темах. Таким образом, осуществляется рекурсивная

Рис. 2. Пример нового медиума:
«Rage comics».

коммуникация (аутопойезис) самого медиума, и коммуникативные цепочки, например, с Rage Comics, могут выглядеть как наполнение одного и того же шаблона (медиума) разным содержанием в каждой последующей ответной коммуникации. Можно сказать, что происходит «поляризация» коммуникации – все дальнейшие цепочки приобретают вид изначальной формы-медиума. Появление таких уни-

версальных сообщающих форм обязано имплицитным стремлением передать полный объем информации (смысл) минимумом средств. Именно отсюда происходит тенденция, что Интернет-коммуникация, будучи в первую очередь текстовой и визуальной коммуникацией, принимает форму комиксов.

Распространение этих форм, в первую очередь, привлекает и поражает внимание социолога той динамикой, с которой данные формы обретают свою популярность и распространяются в Интернете. Распространение происходит не только интенсивно – увеличение доли коммуникаций, использующих эти формы, но и экстенсивно – появляются все новые инварианты этих форм, описывающие другие области реальности/опыта. Показательным в этом плане, является форма «Типичный», которая дает описание типичных явлений для той или иной организации, города, профессии, личности и т. д. Эта шаблонная форма была перенесена и на реалии высшего образования – сперва появился «Типичный ФинЭк», затем «Типичный СПбГУ» и другие ВУЗы. В этих коммуникациях сообщаются наиболее часто встречаемые черты явлений, связанных с учебой в этих ВУЗах: особенности дисциплин, словечки преподавателей, установившиеся порядки и др. Также прослеживается структурное сопряжение социальной системы Интернета с другими системами, например, с массмедиа: случайная комичная фраза футбольного комментатора Геннадия Орлова во время телевизионной трансляции матча попала в виртуальное пространство, где не просто цитируется, а сообщается с помощью новых коммуникативных форм.

На рисунке 3, приведен пример коммуникативного шаблона «Типичный СПбГУ». В данном примере сообщается удивление студентов, которые, приходя на занятия по физической культуре, сталкиваются с типичной для университета ситуацией, связанной с преобладанием регби как основного вида командных спортивных игр.

Важно также описать роль и взаимосвязь различных социальных медиа (social media – сайты, где сами пользователи создают содержание коммуникаций) в процессе распространения нового медиума. Экстенсивное распространение новых форм Интернет-коммуникации происходит не только как колонизация медиумом новых областей опыта и включение новых тем в коммуникацию, но и как проникновение в различные виртуальные сообщества и виртуальные социальные сети, то есть именно как колонизация самого виртуального пространства (веб-сайтов, порталов, блогов, форумов и т. д.).

В качестве самостоятельного крупного исследования было бы интересно построить сеть (граф) Интернет-ресурсов, связанных друг с другом внешними коммуникативными потоками, то есть применительно к распространению новых медиумов ответить на вопросы: что (какая именно форма), откуда (исходный Интернет-ресурс) и куда (другие Интернет-ресурсы) поступает. С одной стороны, интересно проследить путь распространения каждого медиума, а с другой — выяснить, как связаны между собой различные Интернет-ресурсы.

Рис. 3. Пример нового медиума: «Типичный СПбГУ».

Еще одной важной отличительной чертой Интернет-коммуникации является тотальное и повсеместное использование смеха, юмора/иронии/сарказма. В том числе и возникшие символически генерализованные средства Интернет-коммуникации руководствуются логикой высмеивания, пытаются представить информацию в комичном свете. С одной стороны, использование смеха, как предполагается, писал Аристотель во второй части своей «Поэтики», упрощает понимание ситуации, наделяет коммуникацию большей вероятностью успеха. С другой стороны, что присуще уже специфически масс-медиа (и Интернету, в том числе), юмор и смех привлекают намного больше внимания, выполняя развлекательную функцию. Ком-

муникация, использующая юмор, потенциально имеет большую аудиторию, чем «серьезная» коммуникация. Здесь также открывается перспектива на нахождение собственных смыслов Интернет-коммуникации, безотносительно каких-либо привязок к существующим институтам и практикам общества. Когда речь в Интернет-коммуникации, использующей вышеописанные формы, пойдет о самих этих формах или о самом Интернете, тогда и наступит тот момент появления собственных смыслов. Когда практика Интернет-коммуникации будет все больше напоминать упражнение в креативности и юморе, и когда использование Интернета будет преследовать цель получения принципиально нового опыта общения, тогда лишь можно говорить о появлении собственной функции этой коммуникации. Вопрос заключается в том, в каком масштабе будут протекать данные изменения.

Таким образом, с помощью теории социальной коммуникации Лумана мы попытались объяснить и интерпретировать разворачивающуюся на просторах Интернета тенденцию в изменениях коммуникации. Ожидается, что высокая интенсивность Интернет-коммуникаций будет порождать все новые и более совершенные медиумы передачи смысла, сводящие риск непонимания к нулю, в направлении вышеназванных универсальных форм-шаблонов и комиксов, комбинирующих изображение и текст, и устанавливающих определенные логические отношения между ними. Мы прогнозируем сохранение данной тенденции: увеличение доли Интернет-коммуникаций, использующих подобные медиумы, и проникновение этих медиумов во все новые виртуальные сообщества. Также, мы сформулировали гипотезу для проекта верификации теории Лумана: проверка прогноза о дифференциации новой подсистемы общества – Интернета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Видясова М. Ф. Куда идет тунисская «революция»? // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2011, №10 (261). С. 79–96.
3. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0 / СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 224 с.

4. Ианов Д. В. Парадигмы в социологии: учебное пособие. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 72 с.

5. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонova. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

6. Луман Н. Общество Общества. Кн. 1: Общество как социальная система / Пер. с нем. А. Антоновского. – М.: Логос, 2011. 640 с.

7. Царева А. В. У истоков Интернета: принцип маргинальности как условие творчества / Ценностно-нравственные проблемы российского общества: самореализация, воспитание. средства массовой информации. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2008. 320с.

8. Paul DiMaggio, Eszter Hargittai, W. Russell Neuman, John P. Robinson. Social Implications of the Internet // Annual Review of Sociology, Vol. 27 (2001). P. 307–336.

«ПРИМОРДИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТИВИЗМ» КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Примордиализм – это научное направление, рассматривающее этнос как «врождённое/изначальное» объединение людей «по крови» с неизменными признаками. Предметом данной статьи является исследование характера этноса, с одной стороны, как примордиального явления, а с другой, делается попытка анализа его как конструируемого феномена в рамках концептуального рассуждения о примордиальном конструктивизме¹, который рассматривает процессы формирования объективного неизменного примордиального ощущения на основе субъективного восприятия. Кроме того, мы формулируем свои выводы на основе сравнительного анализа западного подхода к проблеме этноса с российским подходом.²

Западное направление теории конструктивизма признает важную роль культурных признаков (язык, культура, обычаи, традиции) и

¹ Термин примордиальный конструктивизм используется для систематизации представлений об образовании этноса. В западной литературе в 1990 году появился термин «конструктивный примордиализм», указывающий на усиление роли этнической идентичности или расовой идентичности в рамках межгруппового взаимоотношения (11, с.28-29).

² Западный подход (особенно британский), был сформирован в рамках структурного функционализма и, фактически, исключал из рассмотрения процесс исторического формирования этноса. Он основан на обобщении эмпирических данных и вводит научный термин «этничность» (ethnicity). Западный подход представлен тремя школами (примордиализм, инструментализм и конструктивизм). Советская школа исследования этноса ставит в центр своего внимания процесс этногенеза (12, с.17-24). В то время как в западной литературе используется только один термин – «этничность» (ethnicity), в российской школе представлены оба понятия – «этнос» и «этничность», а также анализируется их взаимодействие.

рассматривает их как отличительный элемент между разными этническими группами, как социальную границу. В рамках конструктивизма термин «этничность» определяется следующим образом: «... не внутренне присущее и неотъемлемое свойство индивидов, объединенных в соответствующие группы, а социальная категория, один из видов идентичности. Культура не есть нечто объективно и самостоятельно существующее – это лишь наполнение структуры разграничения; в общем, здесь первично не тождество, а различие, и этнос является собой лишь через свое отличие от других»³.

По Ф. Барту, этничность основывается на представлениях социальной организации о культурных различиях. Так, культурное единство группы не основывается на факте внутреннего свойства. Этничность является результатом демаркации, которая складывается в результате взаимодействия и взаимоотношения с другими группами. Причина различия этнических групп друг от друга состоит не в том, что каждая этническая группа имеет свои различные культуры, а потому что различия культуры имеют функцию, которая является созданием, конструированием маркеров – различий групповой границы. Поскольку этничность представляется как специфическая форма социальной организации и структура, которая вырабатывает механизм категоризации⁴.

В концепции Ф. Барта этничность предстает как когнитивный феномен. Основным критерием здесь выступают этнические отношения и самокатегоризация и категоризация других, в результате чего группа идентифицирует себя. Ф. Барт утверждает, что сильные этнические характеристики не являются результатом социальной и территориальной изоляции, а являются результатом взаимодействия с другими группами. У этнических групп нет стабильной и устойчивой границы. Этническая граница для конструктивизма формируется в ситуативных условиях и зависит от изменений социальной обстановки⁵.

Для исследования феномена этнического взаимодействия в российской науке используется специальный термин «этничность». В социологическом словаре он определяется следующим образом: «В тер-

³ Тишков В. А. Этнология и политика. – М.: Наука, 2001.

⁴ Barth, F. Ethnic groups and boundaries the social organization of culture difference. – Boston: Little Brown., 1969.

⁵ Llobera, R. J. «Recent theories of nationalism» University Collage. – London: Institut de Ciències Politiques i Socials Barcelona, WP. № 164., 1999.

мине «этничность» выделяются три основных значения (аспекта) данного понятия:

а) форма межгруппового взаимодействия, т. е. как сторона социального взаимодействия между группами, члены которых рассматривают (мы) как культурно отличающиеся от членов других групп (они), с которыми они имеют какие-либо отношения;

б) качество группы, т. е. набор характеристик или атрибутов, конституирующих этническую группу в качестве единой общности: территория, язык, историческая память в форме этноистории, общие культурные черты, самосознание, этноним и др.;

в) этническая идентичность, т. е. специфическая форма идентификации, заключающаяся в соотнесении индивидом некоторых составляющих собственной определенности с рядом характеристик группы, к которой он себя причисляет»⁶.

В. С. Малахов определяет этничность, прежде всего, как коммуникационный ресурс, в процессе социального взаимодействия⁷. По мнению В. Тишкова, этничность является формой социальной организации культурных различий. Этничность определяется как категория, обозначающая существование культурно отличительных (этнических) групп и форм идентичности. Анализируя вопрос этнической или социальной границы, В. Тишков обращает внимание на то, что социальные маркеры составляют основу группового самосознания не культурных артефактов⁸. И основные принципы формирования этнической группы основываются на социальном контексте и социальном отношении между разными группами. Иными словами, как и западный коллега Ф. Барт, В. Тишков полагает, что сущность этнической общности (народ, этнос) приобретает свою форму на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям.

Различие между группами сопровождается обычно довольно определенными многоуровневыми и внешними представлениями о группах, имеющих тенденцию к генерализации и стереотипным критериям при определении характеристик групп. В. Тишков продолжает: «С внутригрупповой точки зрения, этничность основывается на комплексе куль-

⁶ Собохин Ф. П. Этнология. – М.: Градарики, 2008.

⁷ Шипилов А. В. Свои, чужие и другие. – М.: Прогресс-Традиция, 2008.

⁸ Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.

турных черт, которыми члены этой группы отличают себя от других групп, даже если они по культуре очень близки»⁹ (8, с. 60-61).

В. Тишков полагает, что «этническая реальность» – это существование социальных маркеров, которые признаются в более широком поле социального взаимодействия. Различительные маркеры этничности образуются на разнообразной основе; это может быть физический облик, географическое происхождение, хозяйственная специализация, религия, язык и даже такие внешние черты, как одежда или пища»¹⁰. Таким образом, определение через различие и противопоставление играет решающую роль в формировании социальных маркеров, исполняющих любые культурные элементы¹¹.

В итоге, этничность приобретает форму социальной организации, обосновывающей групповые различия. Здесь понятия «вера» и «культура» переплетаются в рамках «наша культура». Без веры, культура не играет отличительной роли. Таким образом, этничность преобразуется в социальную категорию, которая основана на представлениях о вере¹².

Поскольку, сознание отражает этническую реальность, которая преобразует социальные маркеры в примордиальные явления, для понимания процесса формирования этноса, нужно проанализировать термин «этнос» и формирование этнического самосознания.

В российской науке, феномены «этнос» и «этническое самосознание» исследуются Ю. В. Бромлеем в рамках дуалистической теории. Здесь вводится понятие «этикос» как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), зафиксированным в самоназвании (этнониме). В рамках дуалистической теории этноса основное внимание уделяется вопросам социализации, механизмам межпоколенной передачи норм поведения и формирования социально-психологических стереотипов. Ю. В. Бромлей и его коллеги считают, что культурно-психический фактор оказывает влияние на формирование социального и этнического сознания.

⁹ Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.

¹⁰ Там же.

¹¹ Тишкова В. А. Этнология и политика. – М.: Наука, 2001.

¹² Собохин Ф. П. Этнология. – М.: Градарики, 2008.

Проблема этнического самосознания занимает значительное место в дуалистической теории этноса. Здесь оно рассматривается как «вторичное, производное от объективных факторов»¹³. Н. Н. Чебоксарова определяет этническое самосознание таким образом: «Взаимодействие этих объективных признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности, выражаются в виде вторичного явления – этнического самосознания, которое, в конечном счете, оказывается решающим для определения принадлежности отдельных людей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результат действия всех основных факторов, формирующих этническую общность. Самосознание это, как правило, связывается с определенным названием общности»¹⁴.

В то же время, В. И. Козлов рассматривает этническое самосознание в качестве основного признака этнической общности. Он говорит: «Признак самосознания этнической принадлежности или национального самосознания был вновь отвергнут как «субъективный». При этом отмечалось, что в содержании понятия «национальное самосознание» в качестве его составного компонента, наряду с идеологическим элементом, включается и психологический – чувство национальной, этнической принадлежности. Этот психологический элемент национального самосознания входит в четвертый признак нации»¹⁵. Ю. В. Бромлей утверждает, что «самосознание является основанием для взаимной идентификации членов этноса. Вместе с тем оно выступает не только как выражение этнической принадлежности, но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их в этническом отношении другим этносам»¹⁶. Этнос продолжает существовать, пока сохраняется этническое самосознание, даже в случае культурных и материальных ассимиляций, считает Ю. В. Бромлей. Этническое самосознание включает суждения членов этноса о характере действий своей общности, ее свойствах и достижениях. Эти суждения неразрывно связаны с представлениями о других этносах»¹⁷. Следова-

¹³ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981.

¹⁴ Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых// СЭ. – М., 1967. №4.

¹⁵ Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса// СЭ. – М., 1974. №2.

¹⁶ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981.

¹⁷ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973.

тельно, для определения этноса, этническое самосознание и этническая самоидентификация являются не только необходимыми, но и достаточными признаками¹⁸.

Е. М. Колпаков (1995) в своей статье «Этнос и этничность», ссылаясь на М. В. Крюкова, утверждает, что «в процессе дезинтеграции, этнос продолжает существовать до тех пор, пока не перестает осознавать себя как таковой. Трансформирующиеся этносы могут утратить все свои объективно прослеживаемые признаки, но представление о единстве и «самости» группы исчезает в последнюю очередь. В таком случае, анализ этничности должен базироваться, прежде всего, на определении специфики самосознания и самоидентификации народов»¹⁹.

В то время как М.В. Крюков считает, что «этническое самосознание является субъективным отражением объективно существующей общности по этим признакам», Е. М. Колпаков утверждает, что, наоборот, они потому и становятся этническими признаками, что осознаются людьми как таковые»²⁰.

В итоге, сформировалось два противоположных подхода к пониманию сущности этнического самосознания. С одной стороны, этническое самосознание предстает как феномен, который отражает ряд объективных признаков этнической общности. С другой стороны, этническое самосознание является первичным по отношению к объективным признакам – они кристаллизуются в результате субъективного мышления. Тем не менее, мы утверждаем, что этническое самосознание образует ядро этноса.

В рамках примордиализма проблема формирования этнического самосознания рассматривается с точки зрения процесса социализации. Этнос, как социальный феномен, также должен рассматриваться через призму социализации.

С. Гросби (Steven Grosby)²¹ исследует взаимодействие двух концепций – «родство» и «локальное» – и их влияние на социализацию личности. По С. Гросби, семья и место рождения (дом) – два важных фактора социализации. Несмотря на то, что социализация начинается в семье, и ребенок первоначально формирует чувство семейной принад-

¹⁸ Колпаков Е. М. Этнос и этничность// ЭО. – М., 1995. № 5.

¹⁹ Колпаков Е. М. Этнос и этничность// ЭО. – М., 1995. № 5.

²⁰ Там же.

²¹ Grosby S. «The inexpugnable tie of primordality» In John Hutchinson and Anthony D. Smith (eds.) *Ethnicity*. – Oxford: Oxford University Press., 1996.

лежности, социализация ребенка продолжается в социуме. У личности формируется привязанность к широкой социальной структуре и к своему обществу (человек не только представитель своей семьи, но и представитель своего общества). Так, в рамках структурного направления, у человека формируется чувство принадлежности сначала к семье (начальная ступень), а затем к нации (верхняя ступень). В результате, отождествление с семьей перерастает в отождествление с обществом. Примордиальные описания, используемые для определения семьи и дома, начинают применяться и для определения общества – Родина, родной язык, наши люди (Mother land, father land, own people). Следующий шаг – тело человека рассматривается как выражение этнической принадлежности и единства этнического происхождения²². Таким образом, по С. Гросби примордиализм является структурным явлением, и его познание связано с социализацией, которая находится под влиянием социальных, исторических факторов.

Параллельно с идеями С. Гросби, основные принципы примордиальной социализации можно наблюдать в главных теориях примордиализма. Этнобиологи объясняют формирование этнического сознания феноменом непотизма, который является главной движущей силой родовой принадлежности. Ван Ден Берге утверждает, что непотизм как действие проявляется в рамках кровнородственной связи, для обеспечения безопасности группы против внешних угроз. В связи с этим внутрисемейная сплоченность усиливается через организацию сотрудничества для выживания. Согласно данной гипотезе, Ван ден Берге определяет причину возникновения этнического сообщества как расширение родства, которое усиливает солидарность группы²³.

Связанные с современными социальными изменениями, представления о кровнородственном родстве заменяют представления об общем происхождении²⁴. С этого момента идея общего родства становится вымышленной (конструкцией), и кровнородственную связь и семейный отбор заменяют идея общего происхождения и мифы общего родства, способствующие формированию символического сознания. Так, семейный отбор функционирует на символическом уровне²⁵.

²² Grosby S. «The inexpugnable tie of primordality» In John Hutchinson and Anthony D. Smith (eds.) *Ethnicity*. – Oxford: Oxford University Press., 1996.

²³ Van Den Berghe P. L. *The ethnic phenomenon*. Greenwood publishing Group., 1987.

²⁴ Там же.

²⁵ 17 Malesevic S. *The sociology of ethnicity*, SEGA Publications., 2004.

Эволюционно-исторический подход истолковывает термин «этнос» как осознание единой культурно-языковой общности. Дж. Гиртц приходит к выводу, что примордиальные особенности основываются на категории «данности». Он истолковывает «данности» как рожденные в той или иной культурной общине. Общие религия, язык или диалект, обычаи усиливают смысл данности и социального существования²⁶. В основе анализа Дж. Гиртца лежит процесс социализации, в ходе которого личность интерпретирует культуру того общества, где она родилась.

На основе широкой теоретической дискуссии мы вводим концепт «примордиальный конструктивизм», который объединяет направления исследования этноса и этнической идентичности, акцентирующие внимание на субъективных аспектах их формирования. Несмотря на то, что ядром примордиального конструктивизма является рассмотрение процессов кристаллизации субъективного мышления и формирования самоидентификации, в фокус его внимания попадают также факторы, влияющие на эти процессы.

Во-первых, основой примордиального конструктивизма является анализ социального действия. В процессе исторического развития общества на каждом его этапе возникают новые формы социальных действий, оказывающие влияние на субъективное мышление, что в свою очередь ведет к изменениям в социальном восприятии и идентификации. Мы рассматриваем следующие формы социального действия: иммиграции, катастрофы, оккупация (колонии управления), открытия, производство, изменение формы торговли и торговых отношений и т. д. В результате этих процессов в обществе появляются новые политические структуры, изменяется юридический статус, возникают новые интересы, социальные группировки, социальные конфликты и т. д.

В рамках изменяющегося социального окружения, с целью выживания формируются новые социальные группы, объединенные ощущением коллективной судьбы и общей идентификацией, через которые люди приобретают «самосознание». Это первичный этап самосознания. Самосознание является необходимым предусловием примордиального конструктивизма. На этом уровне, основная структура субъективного мышления начинает формироваться в рамках социального действия. Пробле-

²⁶ Geertz, C. *Old societies and new states: The quest for modernity in Asia and Africa*. – New York: Free press of Glencoe; London, Collier-Macmillan., 1993.

ма кристаллизации субъективного мышления вводит другое необходимое предусловие примордиального конструктивизма – формирование примордиального ощущения.

Во-вторых, согласно примордиальному конструктивизму, следующим этапом является формирование «примордиального ощущения». Параллельно с переформированием социальной структуры возникают новые социальные условия и социальные нормы, образующие основу формирования социальных символов и традиций, которые после многочисленных повторов получают признание общества и воплощаются в социальных институтах. Новые поколения, родившиеся в этом социальном окружении, завершают свою социализацию в рамках новых социальных символов. Таким образом, в процессе социализации у личности формируется «врожденное» чувство идентичности с новыми социальными символами, которые пробуждают «примордиальное ощущение» (врожденное ощущение «мы»). Таким образом, люди, родившиеся в новых традициях, будут отличаться от предыдущих поколений этими приобретёнными традициями (врожденным чувством). В итоге, общество не только приобретает новую структуру и новые социальные институты, но также в результате социализации укореняется сознание группового единства, образующее основу другого необходимого предусловия примордиального конструктивизма «увеличенного самосознания».

В-третьих, согласно примордиальному конструктивизму, ядром этноса является самосознание. Самосознание (возрождение старых представлений в новых формах или формирование новых значений) как явление возникает в результате кристаллизации субъективного мышления в результате социализации. Иными словами, социальное действие оказывает влияние на самосознание группы. Хотя этничность и этническая идентификация возникают в результате противопоставления социальных маркеров, основным фактором этнической идентификации является сознание группового единства. Иными словами, благодаря сознанию единства, группа устанавливает отношения с имеющимися социальными маркерами в рамках «наши». Социальные маркеры принимают этническую форму в процессе осознания групповой принадлежности. Необходимым условием закрепления группового самосознания является институционализация социальных маркеров.

В то время как внутренняя гомогенизация увеличивается благодаря социальным символам и традициям, которые воздействуют на

формирование ощущения группового единства, взаимодействие между группами также усиливает групповое самосознание.

До этого момента мы рассуждали о проблеме формирования группового сознания. Хотя все эти процессы объясняют формирование группового сознания, они недостаточны для образования этноса. Самым последним необходимым предусловием примордиального конструктивизма является процесс слияния группового сознания с этнонимом (создается новый этноним или старый этноним приобретает новые значения). Можно заключить, что самым важным элементом этноса является самоидентификация, которая позволяет одной группе, имеющей свои особенности, отличаться от других. Без этнической самоидентификации группа не может принять форму этноса, она останется субкультурой.

В итоге этого теоретического рассуждения, мы утверждаем, что этнос является конструируемым явлением. Он принимает свою форму в результате естественных процессов или может искусственно формироваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973.
2. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. – М.: Наука, 1981.
3. Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса// СЭ. – М., 1974. №2.
4. Колпаков Е. М. Этнос и этничность// ЭО. – М., 1995. № 5.
5. Скворцов Н. Г. Этничность. Нации и этносы в современном мире саловар: справочник. Росенко. – М.: Петрополис, 2007
6. Собохин Ф. П. Этнология. – М.: Градарики, 2008.
7. Тишков В. А. Этнология и политика. – М.: Наука, 2001.
8. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.
9. Шипилов А. В. Свои, чужие и другие. – М.: Прогресс-Традиция, 2008.
10. Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых// СЭ. – М., 1967. №4.
11. Appadurai A. «Disjuncture and Differences in the Global Cultural Economy». Modernity at Large Cultural Dimensions of Globalization. – University of Minnesota Press., 2003.

12. Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. – Routledge, 1996.
13. Barth, F. Ethnic groups and boundaries the social organization of culture difference. –Boston: Little Brown., 1969.
14. Geertz, C. Old societies and new states: The quest for modernity in Asia and Africa. – New York: Free press of Glencoe; London, Collier-Macmillan., 1993.
15. Grosby S. «The inexpugnable tie of primordiality» In John Hutchinson and Anthony D. Smith (eds.) Ethnicity. – Oxford: Oxford University Press., 1996.
16. Llobera, R. J. «Recent theories of nationalism» University Collage. – London: Institut de Ciéncies Politiques i Socials Barcelona, WP. № 164., 1999.
17. Malesevic S. The sociology of ethnicity, SEGA Publications., 2004.
18. Van Den Berghe P. L. The ethnic phenomenon. Greenwood publishing Group., 1987.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется категория «этнос» на основе сравнения западного и российского подходов. Утверждается, что, хотя этнос имеет примордиальный характер, он является конструируемым явлением.

Ключевые понятия: этнос, этничность, примордиальный конструктивизм.

ПРОБЛЕМАТИКА ВЛАСТИ В СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ Т. ПАРСОНСА

Одной из важнейших задач теоретической социологии является критическое осмысление понятийного аппарата. Теоретическая социология должна реагировать на комплексные социальные события и общественные трансформации путем производства более совершенных когнитивных конструкций. В работе предпринята попытка теоретического осмысления проблематики политической власти с точки зрения системно-теоретического подхода в социологии, представленного концептуальными разработками Т. Парсонса.

Власть является неотъемлемым атрибутом любой общественной системы, необходимейшим средством ее функционирования и развития. Исследователи не знают реальных исторических обществ без власти, без властных отношений между субъектами. Социальное пространство любого общества пронизано властью, которая присутствует практически во всех формах человеческого общежития и взаимодействия.

Разнообразие властных отношений и разнообразие общественных сфер их проявления порождают целую гамму теоретических и практических проблем изучения и осуществления власти, которые, как свидетельствует история, всегда были актуальны для человека. Но особый интерес они вызывали в периоды общественных трансформаций, когда изменениям подвергаются не только материальные составляющие общества, но и сознание людей, их ценности и отношение к окружающему, в том числе к системе власти.

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной научной литературе появились смелые социологические концепции, отражающие новые подходы к этому феномену. Одной из таких концепций, заслуживающих пристального внимания, является системная теория власти Т. Парсонса.

Эта теория становилась и развивалась в полемике с уже существующими на тот момент социологическими теориями власти, зало-

женными в основном трудами Т. Гоббса и получившими название «секционного» анализа власти.

Власть в этой традиции понималась в общем виде как специфическая способность властвующих оказывать определенное воздействие на подчиненных в индивидуальных или групповых контекстах взаимодействия. Власть предполагает симметрическое отношение, включающее актуальный или потенциальный конфликт между индивидами.

Власть концептуализируется как власть «над кем-то», как отношение «нулевой суммы», предполагающим негативную корреляцию: возрастание власти одних индивидов или групп приводит к уменьшению власти остальных индивидов или групп.

Системная теория Т. Парсонса явилась попыткой избежать односторонностей в рамках субъект-объектного и реляционного подходов, которые Т. Парсонс подверг решительной критике. Его аргументы, на наш взгляд, до сих пор остаются актуальными. Во-первых, Парсонс упрекает представителей каузальных концепций в расплывчатости понятия власти, которую они в своих дебатах никак не могли преодолеть. Власть рассматривается ими в качестве любой обобщенной способности, при помощи которой можно добиться реализации поставленных целей независимо от того, какие используются для этого средства, а главное – без решения вопроса о том, насколько уполномочен это делать тот, кто принимает решение и налагает обязательства¹. В результате на теоретическом уровне открывается возможность рассматривать в качестве «форм» власти различные типы влияния и принуждения. Эти обстоятельства, указывает Парсонс, логически препятствуют рассмотрению власти как специфического механизма, производящего изменения в индивидуальных или коллективных действиях. Во-вторых, в традиционных подходах неудовлетворительно решается вопрос соотношения аспектов принуждения и согласия во властных отношениях. Эти аспекты рассматриваются либо как формы власти, либо ставятся в подчинение один другому: власть в итоге базируется на принуждении или на согласии. В-третьих, традиционные подходы опираются на концепцию «нулевой суммы», которая, по мнению Парсонса, неприменима для социальных систем, обладающих высо-

¹ Scott J. General Commentary // Power / Ed. by J. Scott. V. 1. – London: Routledge, 1993.

ким уровнем комплексности. Для прояснения понятия власти необходимо отталкиваться от общей концептуальной схемы анализа масштабных комплексных социальных систем, прежде всего, общества.

В рамках системного подхода власть рассматривается как свойство общественной системы, которое заключается в способности общества к реинтеграции. Под нею понимаются «действия по воссозданию обществом своей целостности, противодействие силам атомизации, индивидуализации, дифференциации, то есть всяческим попыткам разложения общества как целого на самостоятельно функционирующие образования»².

Власть Парсонс определяет как «реалистическую способность подсистем актуализировать свои «интересы» (достижение целей, предотвращение нежелательных помех, контроль владений и т. д.) внутри системного взаимодействия и в этом смысле оказывать влияние на процессы в системе»³. Власть в этом смысле можно рассматривать как результирующую трех групп факторов. Первая – это оценка единиц системы в соответствии со стандартами, включая как количественные, так и качественные аспекты. Вторая – это то, каким образом и в какой степени акторы системы допускают отклонение от этих стандартов. Третья группа факторов – это контроль владений, являющихся источником дифференциального преимущества в процессе достижения желаемого результата (включая и нежелательный). Предположение Парсонса состоит в том, что эти три группы факторов внутренне зависимы, и отсюда эта «позиция» относительно какого-то из них будет коррелировать с позицией относительно каждого другого, но, в это же время, они будут в определенной степени независимы.

Так как концепция Парсонса с самого начала была вписана в его общую схему анализа социальных систем (общества), то тем самым Парсонс сразу ограничил сферу власти пространством политики, не рассматривая власть как межличностный феномен или как тип отношений в семье или организации.

В границах общественной системы власть выполняет функцию установления порядка, обеспечивая коллективное взаимодействие ра-

² Скоробогатский В. В. Социокультурный анализ власти. – Екатеринбург, 2002.

³ Parsons T. *Essays in Sociological Theory*. – N.Y., 1964.

ди достижения позитивной цели. Достигнутый порядок предполагает предсказуемость поступков, то есть выполнение обязательств, что оценивается подавляющим большинством как полезное и справедливое. Феномен власти, согласно Т. Парсонсу, в первую очередь связан со сферой политики и является предметом политического анализа: «... Политическая наука, как я ее себе представляю, занимается в первую очередь изучение социальных систем в контексте достижения коллективных целей. На уровне общества и его сегментарных территориальных подсистем в центре внимания оказываются явления управления»⁴. Вот эта общая для всех подсистем общества интегративная функция – управление коллективным целедостижением – дает основание искать аналоги власти в иных общественных подсистемах, формах ее проявления в нетрадиционных (для власти – политики) областях.

Сравнивая экономическую и политическую сферы общества, Парсонс приходит к выводу, что власть в политике играет роль, сопоставимую с ролью денег в экономике. «Власть выступает аналогом денежных средств, существующих в пределах политической системы, но исключительно над границами с соседними функциональными подсистемами общества: экономической, интегративной и системой поддержания образцов»⁵. Аналогично деньгам, являющимся посредником в экономических операциях, власть выступает средством упорядочения политических процессов. Как обладание деньгами дает возможность приобретать различные блага и услуги, так и обладание властью обеспечивает выполнение широкого набора политических обязанностей и функций.

Это привело Парсонса к существенно отличному от традиционного подхода способу определения власти. Власть у него является не атрибутом акторов или отношений, а свойством (ресурсом) систем. Власть, по Парсонсу, это «генерализованная способность обеспечить выполнение элементами системы своих обязанностей, которая легитимизируется тем, что направлена на достижение коллективных целей и предполагает в случае неповиновения применение негативных санкций»⁶. Власть «производится» социальной системой аналогично богатству, создаваемому экономической организацией. Как и деньги, власть не представляет собой ценность сама

⁴ Парсонс Т. Заключение. Общий обзор.// Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. – М., 1972.

⁵ Parsons T. On the Concept of Political Power.// Proceedings of the American Philosophical Society, 1963. Vol.107.

⁶ Там же.

по себе: ее роль состоит в том, что она обеспечивает достижение коллективных целей через согласие членов общества легитимизировать лидерские позиции и дать мандат на принятие решений и формирование политики от имени общества тем, кто находится на этих позициях.

Аналог власти в социетальной сфере – влияние. «Есть, однако, один тип обобщенной санкции, имеющий особо важное значение на социологическом уровне процессов взаимодействия, роль которого в известной степени соответствует роли денег в экономических системах и роли власти в системах политических. Речь идет о санкции, которые отдельные социологи называют в специальном смысле слова *влиянием*... Влияние представляет собой своего рода обобщенную способность к убеждению других»⁷. В сфере культуры это – *образцы* (нормы и ценности).

Парсонс отвергает идею о том, что власть охватывает все формы подчинения объекта, относя к власти только генерализованные, легитимизированные, институционализированные, символические формы, полностью зависящие от доверия людей к самой системе власти. Концепция Парсонса значительно «уже» большинства других подходов, она исключает из власти принуждение, манипуляцию, персональный авторитет, «голую силу» и рассматривает власть лишь как один из способов воздействия субъекта на объект. «Подчинение с помощью угрозы использования силы, независимо от того, обязан объект подчиняться или нет, не является осуществлением власти, – подчеркивает Парсонс. ... К власти, в моем понимании, относится только генерализованная возможность достижения подчинения, а не единичное санкционирующее действие, которое субъект способен осуществить, и средства подчинения должны быть «символическими»»⁸.

В отличие от традиционного подхода, рассматривающего власть как существующую в конкретных отношениях одних индивидов с другими, у Парсонса власть не ограничивается несколькими специфическими отношениями; она представляет собой генерализованную (обобщенную) способность социальной системы реализовать интересы системы в отношении широкого спектра проблем.

⁷ Парсонс Т. Заключение. Общий обзор.// Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. – М., 1972.

⁸ Parsons T. Power and the Social System // Power / ed. by Steven Lukes. – Oxford: Blackwell, 1986. P.103.

Рассматривая власть как символического посредника в системе взаимосвязей общественного целого, Парсонс идет дальше традиционных представлений о власти как контроле над ресурсами. Власть, основанная на ресурсах, является самым простым (в современной ситуации) типом власти: «Такая власть всегда контекстно определена, сильно субъективирована, распространена только в узких, обозримых пределах, которые непосредственно воспринимаются всеми ее участниками. Она как раз и является господством...»⁹. Власть как символический посредник задает нормы и образцы правильных (ожидаемых обществом) действий, функционирующих в политической сфере и за ее пределами.

Более чем кто-либо до него, Парсонс подчеркивает «символический» характер власти, делая ясное различие между «властью» и «силой». Он не просто отвергает определения власти через силу и принуждение, но и делает следующий шаг в этом направлении, утверждая, что хотя «власть» и «сила» исторически тесно переплетались между собой, с аналитической точки зрения это две принципиально различные «сущности». Тем самым Парсонс способствовал утверждению идеи о том, что власть не обязательно подразумевает конфликт и угнетение.

Качество власти – быть символическим посредником в социальной системе коллективных взаимодействий – означает следующее: во-первых, подвижность ее внешней формы, способность приобретать нетрадиционные (неполитические) обличья, проявляться как влияние (убеждение), собственность (деньги), культурный образец. Во-вторых, способность циркулировать во всех подсистемах общественного целого и на всех его уровнях, связывая воедино человеческие действия и обеспечивая выполнение взаимных обязательств. В-третьих, превращение директивного аспекта власти (насилия и принуждения) в контекст власти, вытеснение непосредственного господства на второй план властных отношений и его опосредование (замещение) сложной системой легитимных норм и институтов. В итоге формируется тип власти, основанный на добровольном подчинении индивидов, взаимном доверии между гражданином и государством. «Добровольность становится не вынужденным, а действительным основанием властвования, которое в основе своей начинает опираться на знание о публично согласованных целях и способах их достижения, а также об ус-

⁹ Скоробогачкий В. В. Социокультурный анализ власти. – Екатеринбург, 2002.

тойчивых принципах и процедурах действий политических акторов по реализации соответствующих обязательств»¹⁰.

Таким образом, концепция Парсонса тесно связывает власть с легитимным авторитетом. Последний считается не формой власти, как обычно считается, а, скорее, ее основой. Парсонс рассматривает людей, прежде всего как социализированных акторов; поэтому власть существует в контексте социальных норм, которые разделяются и субъектами и объектами и как бы приводятся в действие в процессе осуществления власти. Санкции, которые использует субъект, также нормативно обусловлены. Тем самым власть фактически становится производной авторитета, понимаемого как институционализированное право лидеров ожидать поддержки членов коллектива. В отличие от критикуемой Парсонсом концепции «нулевой суммы», в данном случае «количество» власти может быть увеличено аналогично кредитованию экономики. Индивиды «инвестируют» свое доверие в тех, кто ими правит, выигрывая от процесса осуществления власти, поскольку власть обеспечивает реализацию коллективных целей.

Оценивая системный подход к власти и, в первую очередь, интерпретация власти как символического посредника, можно отметить существенное расширение общественного поля власти: собственность (деньги), влияние, нормы и ценности, знание оказываются не просто внешними опорами, подкрепляющими узкий антропологический фундамент власти. Позитивные двойники власти, проходя через систему общественно признанных и закрепленных ожиданий и ролей, становятся интериоризированными механизмами социального самоконтроля, получая тем самым антропологическое содержание или, по крайней мере, назначение¹¹.

Опыт системной концепции власти показывает, что попытки обсуждать природу власти, исходя из жестко очерчиваемых абстракций типа: власть как способность подчинять своей воле других (значит – господствовать), власть как отношение или даже – власть как символический посредник в социальной системе коллективного взаимодействия – не приводят к цели. Власть ускользает от определения, заставляя исследователей удовлетворяться перебором и систематизацией ее отдельных проявлений (форм осуществления). Однако, причина не-

¹⁰ Ильин М. В. Мельвиль А. Ю. Власть// Полис, 1997, №6.

¹¹ Скоробогатский В. В. Социокультурный анализ власти. – Екатеринбург, 2002.

удачи не в том, что в рамках этих концепций власти абсолютизируются ее отдельные аспекты. Дело, скорее, в том, что любой из этих подходов представляет результат комбинирования всех остальных, взятых в той или иной пропорции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин М. В. Мельвиль А. Ю. Власть// Полис, 1997, №6.
2. Парсонс Т. Заключение. Общий обзор.// Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. – М., 1972.
3. Скоробогатский В. В. Социокультурный анализ власти. – Екатеринбург, 2002.
4. Parsons T. Essays in Sociological Theory. –N.Y., 1964.
5. Parsons T. On the Concept of Political Power.// Proceedings of the American Philosophical Society, 1963. Vol.107.
6. Parsons T. Power and the Social System // Power / ed. by Steven Lukes. – Oxford: Blackwell, 1986. P.103
7. Scott J. General Commentary // Power / Ed. by J. Scott. V. 1. – London: Routledge, 1993.

МОТИВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Предпринимательская деятельность привлекает большое внимание научных кругов во всем мире. Исследуются различные аспекты данного феномена: гендерный, социальный, экологический, репродуктивные стратегии предпринимателей, мотивационные факторы и многие другие. Одной из крупнейших научно-исследовательских организаций в этой сфере является Международный мониторинг предпринимательской активности (Global Entrepreneurship Monitor (GEM)), основанный в 1999 г.¹ В настоящее время в рамках данного проекта проводятся исследования в 85 странах, Россия принимает в нем участие уже шесть лет.

Факторы, влияющие на мотивацию к предпринимательской деятельности, варьируются в зависимости от социокультурных особенностей каждой страны, ситуации в экономике государства и мира в целом и от индивидуальных характеристик субъекта. Как известно, большинство экономик стран Латинской Америки, как и Россия, относятся к эффективно-ориентированным: (типология, введенная «Global Competitiveness Report» в 2008 г.), что обуславливает формы и уровень предпринимательской активности. Эксперты определяют только Боливию и Гватемалу как ресурсно-ориентированные страны. То есть для организации нового предприятия в большинстве случаев не требуется наличие высококвалифицированного персонала, инновационных технологий. Порог доступа в бизнес ниже в странах эффективно-ориентированного и, особенного, ресурсно-ориентированного типов. Соответственно индекс оценки личной компетенции

¹ Сайт научно-исследовательского проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM)». <http://www.gemconsortium.org> /(дата обращения: 02.07.2012).

для создания бизнеса будет выше, что является еще одним сильным мотивационным фактором. Наличие у граждан предпринимательских способностей, зависящих от необходимого для начала предпринимательской деятельности образования и достаточно высокой самооценки, увеличивает уровень мотивации индивида. По данным GEM в странах Латинской Америки субъективная оценка личных качеств достаточно высока. В России, например, лишь треть жителей работоспособного возраста считает, что обладает соответствующими навыками и умениями для занятия бизнесом². Тогда как более половины латиноамериканцев от 18 до 64 лет уверены, что могут вести свое дело (от 53 до 73 % по данным 2011 г.).

Одним из ведущих мотивационных факторов можно назвать субъективную оценку благоприятности внешней среды для начала бизнеса, которая наряду с другими условиями определяет количество желающих основать новое предприятие. Колумбия обладает стабильно наивысшим среди стран Латинской Америки показателем потенциальных предпринимателей. В 2011 г. более половины колумбийцев работоспособного возраста выразили желание начать свой бизнес в ближайшие 3 года. Жители остальных государств также сильно мотивированы к деловой активности, процент варьируется от 20 до 46 в прошлом году.

В стремлении к предпринимательской деятельности важную роль играет оценка уровня риска, с которым индивид может столкнуться при создании собственного дела. Несмотря на благоприятные условия, в латиноамериканских странах высок уровень боязни неудачи в бизнесе. Этот страх останавливает часть потенциальных предпринимателей, хотя они и признают, что ситуация в целом складывается удачно для деловой активности. В Перу, Уругвае и Бразилии данный индикатор особенно высок, его объем превышает треть работоспособного населения. Самые низкие показатели в Панаме и Венесуэле, но и там индекс выше десятой доли.

Сильным мотивационным фактором является существующая в обществе система ценностей, в том числе ценность предпринимательства для развития карьеры, престижность предпринимательства в обществе и стремление к высоким стандартам жизни. Как и в последние

² Верховская О. Р. Дорохина М. В. Отчет. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2010. – СПб.: Высшая школа менеджмента СПбГУ, 2010. <http://www.gemconsortium.org/docs/download/582> (дата обращения: 02.07.2012).

годы в России, подавляющее большинство латиноамериканцев на протяжении более пяти лет (от 57 до 89% в 2011 г.) считает собственное дело хорошим вариантом карьеры. Подобная ситуация сложилась и в отношении статуса предпринимателя. Более половины населения этих государств уверены, что в их стране успешные предприниматели достигают высокого положения в обществе (от 58 до 86%).

Сформировавшееся бизнес-сообщество привлекает к работе новых предпринимателей, помогает создавать условия, мотивирующие к деловой активности. От трети до половины жителей латиноамериканских стран лично знают людей, открывших свое дело за последние 2 года, что не может не привлекать внимание к данному виду деятельности.

В формировании привлекательности бизнеса как рода деятельности большую роль играют пресса и телевидение. Большая часть населения стран Латинской Америки говорят о том, что в их стране средствами массовой информации часто транслируются сюжеты об успешных деловых людях. Общественное мнение о предпринимательстве во многом формируется посредством участия СМИ, особенно в Бразилии, где на протяжении более пяти лет 70–80 % жителей работоспособного возраста подтверждают трансляцию подобных вдохновляющих историй.

Все эти мотивационные факторы привели к тому, что в 2011 г., по данным GEM, от 10 до 24 % работающего населения стран Латинской Америки открыло новое дело, что выше показателей 2010 г. Разница в гендерных установках латиноамериканского общества минимальна: мужчины чуть более склонны начинать бизнес (от 11 до 27 %), но женщины также достаточно активны (от 9 до 20 %).

Бизнес-сообщества латиноамериканских стран обладают каждое своей спецификой. Рассмотрим их подробнее на примере Чили и Эквадора. За предыдущие пять лет в Чили наблюдается стабильный рост количества предпринимателей, открывающих свой бизнес. В 2011 г. их объем увеличился почти в полтора раза и составляет 24 % от работоспособного населения. Основным мотивационным фактором половины деловых людей страны было желание воспользоваться открывшейся возможностью с целью обрести личную независимость или получить дополнительный источник дохода. Однако существует достаточно большая группа людей (33,2 %), которые были вынуждены заняться предпринимательской деятельностью (в качестве средства для выживания). Согласно экспертной оценке экономическая обстановка в

Чили и усиление государственной поддержки в 2011 г. благоприятствовала росту количества желающих заняться бизнесом.

Социокультурные установки, принятые в эквадорском обществе, обуславливают мотивацию к деловой активности, так называемый «предпринимательский дух». У граждан Эквадора сложился положительный образ предпринимателя, который поддерживается средствами массовой информации. Как отметили 63 % респондентов GEM, средства масс-медиа регулярно передают новости, посвященные новым успехам деловых людей. Занятие предпринимательством привлекательно для молодежи, 75 % деловых людей младше 45 лет. Подавляющее большинство респондентов рассматривают предпринимательскую деятельность в качестве варианта собственной занятости. Как и в других странах Латинской Америки, в Эквадоре практически нет отличий в степени мотивации к занятию бизнесом среди мужчин и женщин. В 2011 г. соотношение между ними составило 55% и 45% соответственно. Мотивационные причины, побуждающие к занятию данным видом деятельности, варьируются от необходимости выжить до желания увеличить доходы. Большая часть новых предприятий относится к сфере услуг на внутреннем рынке. Половина эквадорских предпринимателей по различным причинам являются самозанятыми. Специальное образование не рассматривается эквадорским обществом как необходимое требование для организации собственного бизнеса. Результаты исследовательского проекта показывают, что высшее образование или научную степень имели 11% деловых людей, менее трети респондентов прошли подготовку в области бизнеса, а более половины предпринимателей получили только среднее образование. Мировой экономический кризис оказал влияние на экономику Эквадора, но в обществе сохраняется оптимистическая оценка перспектив развития бизнеса. Половина опрошенных GEM в ближайшие три года планируют начать новое дело, хотя и признают возможное негативное влияние экономической ситуации на становление своего бизнеса. При этом 59 % предпринимателей, недавно открывших свое дело, уверены, что ближайшие шесть месяцев будут успешными³. Нынешним правительством Эквадора проводится политика по развитию бизнеса в стране. Существуют программы обучения потенциальных бизнесменов,

³ Lasio V. Arteaga M. E. Caicedo G. Global entrepreneurship monitor: Ecuador-2010. <http://www.gemconsortium.org/docs/download/483> (дата обращения: 01.06.2012).

помощи в создании бизнес-плана и организации дела. Предпринимателям предоставляется льготное кредитование и налогообложение⁴.

Факторы, побуждающие жителей стран Латинской Америки к деловой активности разнообразны. Среди них можно отметить структуру экономики, сформировавшиеся бизнес-сообщества, сложившуюся в обществе систему ценностей и активную жизненную позицию большей части латиноамериканцев. Предпринимательская деятельность в странах Латинской Америки поддерживается государственными программами. Деловая активность поощряется обществом, в том числе с участием СМИ. В обществе сложился положительный образ предпринимателя. Карьера в бизнесе считается прибыльной и обладающей высоким статусом. Мотивационные факторы, правила и нормы ведения бизнеса во многом схожи, но обладают своей спецификой, отличной в некоторых аспектах в разных странах Латинской Америки, что оказывает влияние на модели предпринимательской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайт научно-исследовательского проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM)». <http://www.gemconsortium.org> / (дата обращения: 02.07.2012).
2. Верховская О. Р. Дорохина М. В. Отчет. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2010. – СПб.: Высшая школа менеджмента СПбГУ, 2010. <http://www.gemconsortium.org/docs/download/582> (дата обращения: 02.07.2012).
3. Lasio V. Arteaga M. E. Caicedo G. Global entrepreneurship monitor: Ecuador-2010. <http://www.gemconsortium.org/docs/download/483> (дата обращения: 01.06.2012).
4. Сайт программы поддержки бизнеса Министерства координации производства, занятости и конкурентоспособности (Emprendecuador) <http://www.emprendecuador.ec> (дата обращения: 01.06.2012).

⁴ Сайт программы поддержки бизнеса Министерства координации производства, занятости и конкурентоспособности (Emprendecuador) <http://www.emprendecuador.ec> (дата обращения: 01.06.2012).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

ФИО	Место работы, должность	Контакты
Богомягкова Елена Сергеевна	к.с.н., ст. преподаватель кафедры теории и истории социологии СПбГУ	elfrolova@yanfdex.ru
Бочкарева Вера Игнатьевна	к.ф.н., доцент кафедры тео- рии и истории социологии СПбГУ	vib0102@rambler.ru
Бразевич Святослав Станиславович	д.с.н., профессор кафедры теории и истории СПбГУ	brazevichss@km.ru
Головин Николай Александрович	д.с.н., профессор кафедры теории и истории СПбГУ	nikolay.golovin@mail.ru
Григорьев Виталий Евгеньевич	ассистент кафедры при- кладной и отраслевой социологии СПбГУ	vitg2@mail.ru
Дерюгин Павел Петрович	д.с.н., профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии СПбГУ	ppd2@rambler.ru
Ерофеева Мария Александровна	студентка 5-го курса факультета социологии СПбГУ	malutcacnos@yandex.ru
Зорин Григорий Викторович	к.с.н., ассистент кафедры теории и истории социоло- гии СПбГУ	zorin.gv@yandex.ru
Кирсанова Наталия Павловна	к.с.н., доцент Межрегио- нального института эконо- мики и права, С-Петербург	kirsanovan@mail.ru
Ломоносова Марина Васильевна	к.с.н., доцент кафедры тео- рии и истории социологии СПбГУ	lomonosovamv@mail.ru
Миронов Денис Викторович	к.с.н., доцент кафедры тео- рии и истории социологии СПбГУ	divenia@rambler.ru

Негрова Марина Сергеевна	к.с.н., старший научный сотрудник Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований факультета социологии СПбГУ	negrova@mail.ru
Островская Елена Александровна	д.с.н., профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ	str@pochta.ru
Романов Роман Анатольевич	к.с.н., ассистент кафедры социологии политических и социальных процессов факультета социологии СПбГУ	romanov.roman@gmail.com
Рыков Юрий Георгиевич	студент 5-го курса факультета социологии СПбГУ	rykyur@gmail.com
Савельева Анастасия Анатольевна	аспирантка кафедры теории и истории социологии СПбГУ	scorpion16-87@mail.ru
Самарина Екатерина Леонидовна	аспирантка кафедры социологии и политологии СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)	katsam@mail.ru
Смирнов Григорий Петрович	аспирант кафедры теории и истории СПбГУ	smirnovpi@mail.ru
Смирнов Петр Иванович	к.ф.н., профессор кафедры теории и истории социологии СПбГУ	smirnovpi@mail.ru
Тезич Мустафа Джан	аспирант кафедры теории и истории СПбГУ	cantezic@yahoo.com
Ушакова Валентина Григорьевна	к.и.н., доцент кафедры политических и социальных процессов СПбГУ	wale@peterlink.ru

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ – ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Сборник статей
по итогам II Ежегодной
Социологической школы

Под редакцией проф. *А. О. Бороноева*
Ответственный секретарь *Е. С. Богомякова*

Компьютерная верстка
и корректура *Е. О. Краснова*
Дизайн обложки *С. В. Ложкин*

Подписано в печать 15.10.2012 г.
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл.печ.л. 18,75. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Северная Нива»
188643, Ленинградская область, г. Всеволожск,
ул. Шишканя, д.3
Тел./факс: 8-81370-29599